

Н. Н. РОЗОВ

КНИГА
В
РОССИИ
В XV ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ БИБЛИОТЕКА
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Н. Н. РОЗОВ

КНИГА
В РОССИИ
В XV ВЕКЕ

Под редакцией
С. П. ЛУППОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

В монографии рассматриваются основные проблемы истории русской рукописной книги XV в. На материале всех сохранившихся в нашей стране рукописных книг этого периода дается их классификация, определяется социальный состав заказчиков и мастеров, география распространения книги.

Книга рассчитана на специалистов, изучающих историю и культуру Русского государства.

Николай Николаевич Розов
КНИГА В РОССИИ В XV ВЕКЕ

Утверждено к печати Библиотекой Академии наук СССР

Редактор издательства *И. П. Палкина*
Художник *М. О. Разумевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректор *Е. В. Шестакова*

ИБ № 20132

Сдано в набор 3.04.81. Подписано к печати 12.08.81. М-18992. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 9¹/₂+4 вкл. (1¹/₂ печ. л.)=10 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,56. Тираж 8000. Изд. № 7818. Тип. зак. 253. Цена 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Предисловие

Предлагаемое исследование входит в серию монографий «Книга в России», издаваемую Библиотекой Академии наук, но занимает в ней пока несколько изолированное место.

От исследования, посвященного предыдущему периоду истории книги в России, предмет данной монографии отделяет более столетия;¹ работы по следующим периодам той же истории охватывают материал начиная с XVII в.² Несколько особняком стоит эта книга от исследований истории русской книги предыдущих и последующих веков также по количеству и качеству изученных источников. От первых трех столетий этой истории сохранилось недостаточно основного материала — самих книг; монографии названной серии, посвященные XVII и XVIII вв., в качестве такового используют преимущественно печатную книгу и архивные материалы. Отсюда — разница в методике исследования, а также в полноте и достоверности его выводов. Недостаточность сохранившихся фактических данных первых веков истории книги в России дает повод к различным гипотетическим построениям;³ печатная книга периода сосуществования ее с рукописной предоставляет исследователю несравнимо больше фактов для изучения репертуара и читательской среды того времени. Русских книг

¹ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. Хронологические рамки этой монографии — домонгольский период истории России.

² Луппов С. П. 1) Книга в России в XVII веке. Книгоиздательство. Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки. Л., 1970; 2) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; 3) Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976. Подзаголовок первой из названных книг показывает, какие важнейшие черты истории русской книги того или иного периода могут и должны стать предметом исследования, но лишь при наличии материала для всех названных рубрик.

³ Ими изобилуют работы Б. В. Сапунова, в частности названная выше. Автором предлагаемого исследования была предпринята попытка исследовать историю русской книги древнейшего периода на основании анализа фактического материала: Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977.

XV в. сохранилось в два раза больше, чем от четырех предыдущих столетий, взятых вместе; сведений же об их репертуаре и читательской среде дошло до нас несравненно меньше, чем, например, от XVII в.

Однако, несмотря на отмеченные и некоторые другие отличия предлагаемой монографии от остальных той же серии, основные направления и проблемы исследования в ней те же самые.

Одной из таких «сквозных» проблем, объединяющих все монографии Библиотеки Академии наук по истории русской книги, является та, которую акад. Д. С. Лихачев назвал «исторической социологией книжной культуры».⁴ Решение ее во многом зависит от результатов изучения персоналии истории русской книги того или иного периода. Кто, когда и какую книгу заказывал, для чего каждая из них предназначалась и в какой социальной среде первоначально обращалась, каким был отбор репертуара книги под влиянием меняющихся читательских интересов опять-таки той или иной социальной среды — ответ на эти и многие другие вопросы социологии книжной культуры можно дать только с учетом социально-экономической ситуации данного периода истории нашей страны. Особенно важно учесть все это при изучении русской книги именно XV в.

Завершение «сбирания русской земли» после веков феодальной раздробленности сопровождалось консолидацией русской культуры. Освобождение от иноземного ига и восстановление былого международного авторитета России, когда «изумленная Европа... была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства»,⁵ возбудили повсеместный интерес русского народа к своему прошлому. Это вызвало оживление работы над русскими летописями, появление и распространение исторических повестей, отразивших не только далекое прошлое, но и события того времени. Интенсивное строительство церквей и возрождение книгописной деятельности монастырей, появление при них не гипотетически восстанавливаемых, а реальных, дошедших до нас библиотек — все это способствовало интенсификации производства книги, расширению разнообразия ее репертуара и художественного оформления в XV в.

Советскими литературоведами успешно разрабатывается проблема образования в этом столетии «литературы с преобладающими общерусскими тенденциями, возникшей на московской почве», а также выясняется роль в данном процессе «литературы с преобладающими областническими тенденциями».⁶ Аналогичную проблему следует поставить и попытаться решить и в от-

⁴ См. предисловие Д. С. Лихачева. — В кн.: Сапунов Б. В. Книга в России, с. 3.

⁵ См.: История СССР. Т. I. Изд. 2-е. М., 1947, с. 289.

⁶ Так озаглавлены соответствующие разделы в весьма распространенном учебном пособии: Гудай Н. К. История древней русской литературы. Изд. 7-е, исправленное и дополненное. М., 1966, с. 229 и 292.

ношении «материальной оболочки» литературы того времени — книги, но при этом должны быть учтены результаты изучения художественного оформления русской книги всего предшествующего периода ее истории.

Уже старейшие из сохранившихся до нашего времени русских книг являются результатом синтеза словесного и изобразительного искусства. В равной степени это относится и к таким шедеврам книги, как Остромирово евангелие и Изборник Святослава, и к книгам, оформленным без участия художников, самими книгописцами. Первые, изготовлявшиеся по заказу богатых и знатных людей, с самого начала были уже раритетами; вторые, в первую очередь многотомные книги, призванные удовлетворять более широкий спрос, изготовлялись уже на грани XI и XII вв. артельно. При этом каждый книгописец рисовал заставки и разрисовывал инициалы соответственно своей «орнаментальной эрудиции», в меру своих способностей рисовальщика.⁷ К XV столетию во многих русских феодальных княжествах и землях сложились местные традиции художественного оформления книги, явившиеся результатом сочетания и взаимообогащения традиций местного искусства, в том числе прикладного, с внешними влияниями — соседних территорий и зарубежных. Среди последних в рассматриваемый период появилось так называемое «второе южнославянское влияние» на русскую книгу, отразившееся как на ее содержании, так и в художественном оформлении — словесном и орнаментальном; отмечается, например, наглядная связь литературного стиля XV в. «плетения словес» с орнаментацией книг того времени.⁸

Все эти и некоторые другие вопросы истории русской книги XV в. следует рассмотреть еще в одном аспекте: насколько и как итоги первого полутора тысячелетия истории русской книги отразились на ее дальнейшем развитии, и в частности на таком важнейшем событии, как начало книгопечатания в России. Если некоторые особенности содержания и оформления русской книги наметились еще к концу предыдущего столетия и были связаны с локальными художественными традициями феодальных княжеств, то к концу XV в. относится начало так называемых «обобщающих книжных предприятий», явившихся непосредственной предпосылкой создания общерусского репертуара чтения и стиля художественного оформления книги.⁹ И есть все основания рассматривать данное столетие не только как итог первого полутора тысячелетия истории русской книги, но и как период концентрации тех ее качеств, которые обусловили в нашей стране длительное сосуществование рукописной и печатной книги, являющееся спе-

⁷ Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси, с. 66—71.

⁸ Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, с. 101—111.

⁹ Орлов А. С. К вопросу о начале печатания в Москве. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935, с. 9—10.

цифическим и очень важным явлением истории русской культуры. Книгопечатание в России появилось на сто лет позднее, чем в других европейских странах, и, появившись, еще целых полтора-два столетия обслуживало почти исключительно нужды церкви. Появление во второй половине XVII в. широкой народной оппозиции официальной церкви — старообрядчества продлило — в определенной читательской среде — жизнь рукописной книги в нашей стране еще на три столетия. В истории русской культуры рукописная книга была не только предшественницей, но и спутницей печатной книги на всем почти четырехсотлетнем ее пути. Таким образом, рукописная книга просуществовала в нашей стране почти десять столетий, что является результатом не только некоторых специфических явлений социально-экономической истории России, но и некоторых качеств русской рукописной книжности XI—XVII вв., проявившихся особенно ярко в XV в., накануне появления книгопечатания.

Все сказанное дает основание посвятить специальное исследование только данному столетию истории русской книги, применив в нем — насколько позволит материал — методику, выработанную и апробированную в опубликованных выпусках серии монографических исследований по истории русской книги, издаваемой Библиотекой Академии наук. И я надеюсь, что, когда появятся монографии, посвященные XIV и XVI вв., предлагаемое исследование не будет выглядеть несколько изолированным в названной серии.

Введение

Процесс образования после веков феодальной раздробленности централизованного государства в России не был изолированным от аналогичных явлений в странах Западной Европы. Этот процесс, как отметил Ф. Энгельс, охватил всю Европу «вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй», и развивался «даже в России», где «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига».¹ Последнее обусловило отличие процесса создания единого русского государства от Запада: европейские государства были спасены Россией от монголо-татарского нашествия.

Объединение России было неизбежным следствием развития в ней производительных сил, сделавшим необходимым расширение экономического общения даже в условиях, когда «государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска. . . , особые таможенные границы и т. д.».²

Объединительные тенденции наметились в некоторых русских княжествах еще в XIII в. Нашествие Орды первоначально вызвало усиление децентралистических течений: русские князья в своей междоусобной борьбе постоянно прибегали к помощи иноземных захватчиков. Но вскоре объединительные тенденции возродились, что было вызвано в первую очередь необходимостью борьбы с общим врагом. В северо-восточных русских княжествах они нашли себе наиболее благоприятную почву, так как именно здесь создались условия для интенсивного экономического развития.

Уже с конца XII в. началось перемещение населения России с юга, где оно страдало от княжеских междоусобиц и от набегов степных кочевников, на север. Здесь переселенцы иногда

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 415 п 416.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

находили уже готовые для земледелия пустоши; однако чаще им приходилось рубить, выжигать и корчевать леса, расчищая новые площади для развития сельского хозяйства. Этому развитию немало способствовали и благоприятные климатические условия.

С началом монголо-татарского владычества колонизация северо-восточной Руси, естественно, усилилась. Переселенцы приносили с собой не только топонимику южной и юго-западной Руси: на северо-востоке появился второй Переяславль — Залесский, второй Владимир (в отличие от первого — Волинского — его стали называть по названию реки — «на Клязьме»), второй Галич — Костромской. Они приносили с собой также памятники материальной и духовной культуры, в том числе литературные памятники. Об этом свидетельствует прежде всего наличие в списках XIII—XIV вв., сделанных в северо-восточной Руси, многих литературных памятников Киевской и Владимиро-Волинской Руси.

Так, например, старейший из сохранившихся датированных списков начальной русской летописи — список Повести временных лет — был сделан в 1377 г. в Нижнем Новгороде. Ее писец монах Лаврентий сообщил, извиняясь перед читателем за свои ошибки, что списывал с «ветшаных» книг. Утрата многих листов последних, отразившаяся в лакунах Лаврентиевой летописи, была скорее всего следствием перипетий миграции книг. А среди источников, использованных в этой летописи, были, очевидно, уже и в те времена редкие книги: об этом свидетельствует нахождение в ней замечательного памятника русской литературы XII в. — Поучения Владимира Мономаха, текст которого дошел до нас лишь в единственном списке — в Лаврентьевской летописи. Древнейший список южнорусского летописного свода, продолженный в XIII в. в Галицко-Волинской Руси, оказался в костромском Ипатьевском монастыре.

Миграция книг внесла свой большой вклад в формирование в XV в. общерусского репертуара чтения, что было одной из важнейших черт консолидации культуры во время объединения русских феодальных княжеств. В процессе этой миграции происходил отбор памятников литературы отдельных феодальных княжеств: переписывались преимущественно те из них, которые своим содержанием отразили интересы не только областнические, но и общерусские. Немалое значение имела при этом познавательная и эстетическая ценность того или иного литературного памятника и его жанровое своеобразие.

Так, например, в конце XV в., вероятнее всего на Псковщине, было переписано Слово о полку Игореве — памятник сравнительно небольшого южнорусского княжества, в жанровом отношении чрезвычайно своеобразный, сформулировавший в высшей степени художественно и впечатляюще главную общерусскую идею тех веков — призыв к объединению князей перед лицом иноземного нашествия. Жанровое своеобразие и познавательная

ценность Поучения Владимира Мономаха обусловили, вероятно, его переписку в значительно отдаленном от места его происхождения Нижегородском княжестве. Особенно ярко отразилось разнообразие принципов отбора литературных памятников отдельных феодальных княжеств в русском летописании.

Миграция фолиантов летописей, помимо читательского интереса к прошлому, была обусловлена другим — не литературным, а документальным их значением. В спорах о наследственных вотчинах, о правах на ту или иную землю русские князья часто ссылались на свидетельства летописей. А те из них, которые претендовали на великое княжение, обычно заботились о составлении летописного свода, где доказывалась бы преемственность их прав от южнорусских знаменитых правителей. Поэтому в эпоху феодальной раздробленности летопись каждого княжества начиналась Повестью временных лет, что способствовало особенно широкому распространению в северной и северо-восточной Руси именно этого памятника. В составлении летописных сводов удельным князьям обычно помогали деятели церкви. И здесь следует отметить еще одно обстоятельство, способствовавшее распространению в XIII—XIV вв. литературных памятников Киевской Руси: многие архиереи тех времен были постриженниками Киево-Печерского монастыря.

Таковым, вероятнее всего, был и Дионисий, «благословивший» Лаврентия на его труд — написание летописи. На берегу Волги, под Нижним Новгородом, он основал по образцу киевского пещерный монастырь, откуда был призван на кафедру епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого. Его посвящение в архиерейский сан в 1374 г. отмечено в летописи XV в. пространный записью, где сказано, что он был «изящен в божественных писаниях» и «книгам сказатель», т. е. знатоком и толкователем книг.³ И, конечно, он принес в основанный им монастырь не только икону божьей матери «Печерской», но и книги. Среди последних были, вероятно, и те, что содержали Поучение Владимира Мономаха, а также древний текст Повести временных лет, которая до сих пор издается по Лаврентьевской летописи. Имя Дионисия, причем с тем же, что и в Лаврентьевской летописи, титулом «священный», упомянуто в помете на редчайшей, старейшей из сохранившихся донные русских «четьих» книг — Изборнике, переписанном с болгарского оригинала в 1073 г. для киевского князя Святослава, что свидетельствует о пребывании этой книги в XIV в. на территории Владимиро-Суздальского княжества.⁴ И в данном случае отразились не утилитарные, а читательские интересы: в Изборнике содержатся

³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 105—106.

⁴ Лихачев Д. С. К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. — В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. 1. Л., 1976, с. 42—44.

статьи самого разнообразного содержания — от богословия до теории литературы и астрономии.

С миграцией книг связано происхождение древнейшего русского агиографического свода — Киево-Печерского патерика. Епископ Владимирский и Суздальский Симон — постриженник Киево-Печерского монастыря — отправил монаху того же монастыря Поликарпу, стремившемуся к вершинам церковной иерархии, вместе с Посланием, в котором упрекал его в «санолюбии», свою повесть о построении главной монастырской церкви. Отвечая Симону, Поликарп в свою очередь послал ему серию рассказов об основателях и подвижниках их монастыря. Сочинения Симона и рассказы Поликарпа были кем-то еще в XIII в. объединены; в дальнейшем, вплоть до XV в., они дополнялись новыми рассказами о киево-печерских монахах, содержащими также множество исторических сведений и любопытнейших бытовых подробностей. И все это было не только записями монастырских преданий, но, вероятно, и выписками из книг монастырской библиотеки, большинство которых, в том числе Житие основателя монастыря Антония, в древних списках не сохранилось и известно только из данного свода. «Важное общественно-литературное значение для своего времени Киево-Печерского патерика не подлежит сомнению. В эпоху, когда центр политической жизни уже давно переместился из Киева на северо-восток, накануне монголо-татарского нашествия, в дни ожесточенных феодальных войн авторы патерика напоминали о славном прошлом Киева, об общерусском значении Печерского монастыря и его святых и этим поддерживали в сознании современников самую прогрессивную идею того времени — идею единства Русской земли».⁵

Житие Феодосия Печерского, положившего основание первому русскому монастырю, написанное летописцем Нестором — одним из авторов Повести временных лет, мигрировало не только в составе Киево-Печерского патерика. Наряду с другим древнейшим памятником русской агиографии — Житием князей Бориса и Глеба — оно сохранилось в сборнике, как предполагают его исследователи, южнорусского происхождения.⁶ Он также переместился на север, где первоначально хранился, вероятно, в патрональном храме Владимира-на-Клязьме, откуда в числе других реликвий был вывезен в кафедральный собор Москвы.⁷ Исследователи предполагают, что от последнего он и получил свое современное название. Однако есть основание считать происхождение этого названия не от московского, а от владимирского Успенского собора — хотя бы по аналогии с наименованием старейшей русской иконы, проделавшей, вероятно, тот же путь мигра-

⁵ Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, с. 36.

⁶ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 25—26.

⁷ Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, 1957, т. XIII, с. 55—56.

ции. Вывезенная в 1155 г. владими́ро-суздальским князем Андреем Боголюбским из Киева, она после переноса ее в Москву стала называться «Владимирской». Исторические судьбы книг в те времена часто переплетались с судьбами икон: и те и другие спасались в первую очередь от пожаров и грабежей, и конечно, не только из-за драгоценных окладов, которыми, подобно иконам, иногда «оковывали» богатые вкладчики на престольные Евангелия.

Однако не только за историческими и агиографическими памятниками обращались в Киев духовные и светские власти северо-восточной Руси. В 1284 г. в Рязани была переписана Кормчая книга — свод церковно-канонических и уставных правил. В пространной приписке к ней сказано, что заказчик книги — местный епископ — «испросил» оригинал у киевского митрополита.⁸ Палеографический и лингвистический анализ этой книги показал, что ее оригинал, содержащий особенности графики и орфографии южнославянской письменности, принадлежал, быть может, к древнейшим книгам киевской библиотеки.⁹ В данном случае отразились два этапа миграции книги: вероятно, из Болгарии в Киев и из Киева — в северо-восточное русское княжество.

Среди этих княжеств в XIV в. возвысилось Тверское — самый сильный соперник соседнего Московского княжества, начавшего тогда «собрание» русских земель. Тверские князья вели активную политику в западнорусских княжествах и городах, в частности в Новгороде, куда часто призывались на княжение. «Торговые связи с Литвой — непосредственно и с Западной Европой — через Новгород и Смоленск уже в XIII в. создали для Твери прочный и привычный круг европейских интересов, наложивших весьма своеобразный отпечаток на ее духовную культуру».¹⁰ Одним из «отпечатков» этих интересов является книга, созданная в Твери в конце XIII или в начале XIV в. Это была книга по всемирной истории — Хроника Георгия Амартола, византийского писателя IX в. Тверской список этого сочинения не имеет выходной записи, но ее вполне заменяет портретное изображение заказчика — местного князя Михаила Ярославича и его матери в интерьере построенного ими патронального храма Твери — Спасского собора.¹¹ Это был первый монументальный каменный храм, построенный после монголо-татарского нашествия в Средней Руси — раньше, чем каменные соборы Москвы.

Напрашивается предположение, что тверской список Хроники

⁸ Новейшая публикация этой приписки — в кн.: Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. — Труды Отдела рукописей ГПБ, Л., 1953, с. 23—24.

⁹ Блохина Э. Д. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей. Автореф. канд. дис. Л., 1970, с. 25—26.

¹⁰ Воронин Н. Н. Тверское зодчество XIII—XIV вв. — Известия АН СССР, сер. истории и философии, 1945, т. 2, с. 375.

¹¹ Так считает исследователь этой книги О. И. Подобедова. См. ее книгу: Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 22.

Амартола связан с организацией местного летописания, только для начала последнего взята не Повесть временных лет, а один из ее источников, переведенный, как предполагают, в Киеве при Ярославе Мудром.¹² Тверской список насыщен иллюстрациями; может быть, они были в его оригинале.¹³ И это — старейшая из сохранившихся русских исторических книг, иллюстрированная в современном смысле этого слова: рисунки в ней тесно связаны с текстом, наглядно раскрывают его содержание. Если считать, что эта книга была задумана в качестве начала тверского летописания, то следует признать, что в данном случае Тверь опередила своего главного политического соперника на два с половиной столетия: московский «лицевой» летописный свод, в котором также была иллюстрирована Хроника Амартола, был создан только во второй половине XVI в., при Иване Грозном.

Среди русских феодальных областей особое место занимал Новгород, стоявший на важнейших путях сообщения своего времени. Его значение для внутренней и внешней торговли России усилилось в начале XII в., после утраты былого значения древнего торгового пути «из варяг в греки»: Константинополь был захвачен крестоносцами, и монополия Византии в средиземноморской торговле перестала существовать. Отныне Новгород становится, образно выражаясь, «окном в Европу» — даже не «окном», «воротами»: через его владения шли в Россию заморские товары, прибывали иноземные «гости». По торговым путям истари мигрировали и книги, а узловые пункты этих путей часто становились центрами их производства. В качестве примера можно назвать Смоленск, откуда происходил митрополит Климент, прославившийся в XII в. как «книжник и философ», каких до него в России не бывало.¹⁴ В следующем столетии Авраамий Смоленский организовал в своем монастыре переписку книг и сам составлял книги, вероятно, типа Изборников-антологий.¹⁵

Особенности внутривластного устройства Новгорода, в частности отсутствие княжеской династии (новгородцы сами приглашали и изгоняли князей), обусловили специфические черты культуры этого города и его обширнейших владений. Они нашли свое яркое отражение в новгородской книжности, в первую очередь в местном летописании.

Первоначально организаторами летописания в Новгороде, как и везде, были князья, как правило, представители киевских ди-

¹² Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 2. Пг., 1922, с. 307—309. Об организации этим князем перевода и переписки «книг многих» сообщает Повесть временных лет (ПСРЛ, т. 1, с. 152—153).

¹³ Подобедова О. И. Миниатюры... с. 22.

¹⁴ Так характеризуется Климент Смолятич в Ипатьевской летописи; подробнее о нем см.: Никольский Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

¹⁵ Книгописная деятельность Авраамия отмечается в его Житии (Православный собеседник, 1858, август, с. 142 — публикация списка 1558 г.).

настей. При княжении внука Владимира Мономаха Всеволода Мстиславича особая, так называемая третья редакция Повести временных лет, в которой уже была достаточно подробно изложена история Новгорода, соединяется с местными погодными записями. В 1136 г. Всеволод был изгнан восставшими против него новгородцами, и его летопись подверглась коренной переработке, и хотя эту работу возглавил постриженник Киево-Печерского монастыря епископ Нифонт, в его «Софийском временнике» была усилена антикняжеская тенденция. Главным содержанием повгородского летописания отныне становятся события внутриполитической жизни, записи об урожайных и неурожайных годах, о стихийных бедствиях — все то, что волновало широкие демократические круги населения. Демократизм новгородского летописания отразился в его стиле и языке, отличающемся лаконизмом и просторечием, а также фонетическими особенностями местного говора. Все это свидетельствует об активном участии в новгородском летописании представителей демократических кругов, что для новгородской книжности является традиционным.

Хронологический ряд имен русских книгописцев, известных по выходным записям, начинается с «попа Упыря Лихого», переписавшего в 1047 г. книгу для сына Ярослава Мудрого Владимира, княжившего в Новгороде.¹⁶ Таким неподходящим для духовного лица именем мог назваться только новгородец: известно, что духовенство в Новгороде, до архиерея включительно, избиралось самим народом, причем часто из представителей социальных низов, и снятие с себя духовного сана там не считалось зазорным, что также отразилось в именах книгописцев, например «Илья — бывший попин» или «Овсей распоп». Что же касается новгородских книгописцев духовного звания, то, во-первых, среди них до XIV в. неизвестно ни одного монаха, а во-вторых, они иногда подписывали свои книги двойным именем — языческим и христианским, например диакон Добрило-Константин, пономарь Творимир-Иаков. Древнерусских, языческих имен и прозвищ еще более встречается среди книгописцев, не указавших своей принадлежности к духовному званию: таковы Завид, Городец, Путята, Бестрой — все эти имена встречаются в книгах XI и XII вв. новгородского происхождения. Поэтому не является неожиданным отражение в оформлении многих новгородских книг — тех, что не были заказаны богатыми людьми и писались без участия художников, — влияния народного прикладного искусства и даже окружавшего книгописцев быта. Таковы, например, восемь томов Миней, созданных на грани XI и XII вв. сообща новгородскими книгописцами, которые каждый из них украсил по своему вкусу и умению.¹⁷ «В середине XII в. в Новгороде усиленными темпами происходит процесс общей демократизации культурной жизни и

¹⁶ Его выходная запись сохранилась в нескольких списках XV в.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси, с. 67—71.

проникновение культуры господствующих классов в народные массы. Этот процесс в равной мере характерен и для новгородского искусства, и для новгородского летописания», — пишет Д. С. Лихачев.¹⁸ Что же касается последнего, новгородского летописания XII в., то в нем активное участие принимало духовенство приходских церквей. Известны, например, имена Германа Вояты, настоятеля церкви св. Иакова, и ее пономаря Тимофея, имя которого как имя летописца зафиксировано с датой 1230 г., а в ряду книгописцев — 1282 г.¹⁹

Проникновение культуры господствующих классов в народные массы отразилось в художественном оформлении новгородской книги XII и XIII вв. отнюдь не «зеркально». В этом городе, вероятно, с самого начала хранился такой шедевр искусства книги Древней Руси, как Остромирово евангелие, написанное в 1057 г. для новгородского посадника киевского князя. Княживший в Новгороде в 1103—1117 гг. старший сын Владимира Мономаха Мстислав заказал для себя не менее роскошную книгу. Место изготовления Мстиславова евангелия не установлено; известно лишь — из записи на самой книге — что ее драгоценный оклад был сделан в Константинополе. Имена писца поповича Алексы и «златописца» Жадена дают основание предполагать создание этой книги в Новгороде; однако в третьей записи — Наслава, возившего ее в Царьград, отмечено возвращение его в Киев. Но где бы ни был создан этот великолепный памятник искусства книги, имеющий много общего с Остромировым евангелием, длительное его пребывание в Новгороде, в церкви княжеского «городца», для которой он был создан, бесспорно.

Вслед за Мстиславовым евангелием в старейшем новгородском монастыре, расположенном против княжеского городища, на другом берегу Волхова, было создано другое Евангелие, датируемое по названному в нем имени настоятеля монастыря 1119—1128 гг. Открывается оно не изображением автора-евангелиста, как это было принято издревле в византийских книгах и сделано в Остромировом и Мстиславовом евангелиях, а архитектурным фронтисписом, восходящим не к богослужебной, а к четвѐй книге — к Изборнику Святослава 1073 г. В орнаментации заставок и инициалов этой книги отразились не столько традиции художественного оформления книги Киевской Руси, сколько влияние народного прикладного искусства, преимущественно ювелирных изделий. При этом без особого труда в орнаментации Юрьевского евангелия обнаруживаются черты, свойственные не только русскому, но и зарубежному прикладному искусству — западноевропейскому и восточному. Такое сочетание могло случиться только в Новго-

¹⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 202.

¹⁹ Полное совпадение имени и должности, а также названия церкви, где служил Тимофей, исключает случайность; очевидно, его книгописная деятельность была очень длительной.

роде, в условиях развитого ремесла и интенсивных торговых связей со странами Европы и Востока. «Здесь, как и в других случаях, прикладное искусство отражает широкие международные связи древней Руси», — говорится по поводу художественного оформления Юрьевского евангелия в академической Истории русского искусства, где оно характеризуется в качестве «лучшего образца рукописного орнамента XII в.». Отмечается, что «художник, украсивший эту рукопись заглавными буквами, был крупным мастером» и «расцвел» эту богослужебную книгу «целым зверинцем»: в орнаментальных переплетениях угадываются, а иногда и просто нарисованы фигуры многочисленных животных и птиц.²⁰

Характерной особенностью художественного оформления новгородских книг XII—XIV вв. является их связь с другими видами местного искусства — архитектурой, монументальной и станковой живописью. Не случайно, что архитектурные фронтисписы получили в Новгороде в эти столетия такое большое распространение: в этом несомненно сказалось интенсивное строительство церквей и любовь новгородцев к монументализму. А внутри таких фронтисписов обычно помещаются не изображения авторов, а детали внутреннего убранства храма — разнообразные светильники, створки и резные столбы «царских врат» иконостаса. В свою очередь храмовые росписи отражают художественное оформление книг: отмечается, например, близость орнаментального декора росписей Георгиевского собора в Старой Ладогe с тем же Юрьевским евангелием и некоторыми другими книгами XII—XIII вв.²¹ К фрескам знаменитого храма Спаса-на-Нередице близка заставка четьей книги — Пролога 1262 г., написанного упоминавшимся выше пономарем Тимофеем.²² К современной ей монументальной и станковой живописи Новгорода близка миниатюра Пантелеймонова евангелия начала XII в. — необычная по своему расположению и значению в книге.²³ Она помещена в конце ее и иллюстрирует не основной текст, а приписку, где с чисто новгородской деловитостью перечисляются вклады заказчиков книги, чьи эпонимы изображены на миниатюре, в том числе еще одна и притом четья книга — Пролог. И такие примеры «трансплантации» художественного убранства «аристократических» книг на новгородскую почву, богатую традициями прикладного искусства, архитектуры, монументальной и станковой живописи, можно еще умножить. Но если в XII и XIII столетиях элементы старовизантийского орнамента в оформлении новгородской книги еще наблюдаются, то в следующем столетии

²⁰ История русского искусства. Т. 1. М., 1953, с. 257—258.

²¹ Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладогe. М., 1960, с. 60—61.

²² Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. М., 1964, с. 70.

²³ Там же, с. 65. Здесь отмечается близость этой миниатюры к новгородским иконам того времени; иконография женской фигуры напоминает и древнейшие фрески Софийского собора.

их полностью вытесняет новый, так называемый «тератологический» (чудовищный) стиль орнамента, тесно связанный опять-таки с местным прикладным искусством.

Новгородская книга XI—XIV вв. требует к себе особого внимания книговедов по двум причинам. Во-первых, подсчитано, что большинство сохранившихся русских книг этих столетий и их фрагментов связано своим происхождением и судьбой с Новгородской землей.²⁴ И на новгородском материале можно сделать наблюдения и выводы об условиях и особенностях производства и распространения книги в России в период феодальной раздробленности гораздо более убедительные, чем по сохранившимся книгам других городов и княжеств. Во-вторых — и это главное — новгородская книга периода феодальной раздробленности особенно убедительно свидетельствует о том, что «время это не было временем культурного упадка... Проникновение в высокое искусство Руси местных традиций, вкусов непосредственных исполнителей, вносящих в свои произведения черты народного искусства, находилось в зависимости от чрезвычайного развития ремесел... от роста городов. Широкое проникновение народных начал в книжность, в архитектуру, в живопись XII—XIII вв. ... говорит о том, что широкие массы населения все более сознают свое значение в общей жизни страны».²⁵

Отмеченные особенности развития русской культуры вообще и книжного дела в частности создали к XIV в. предпосылки для распространения и интенсивного развития книгописания по всей стране, для слияния в нем двух начал — «аристократического» и демократического — явление, которое нашло отражение в ленинском учении о двух культурах.

Борьба и взаимное обогащение этих двух начал в условиях медленного, но постоянного и целенаправленного процесса освобождения русских земель от иноземных захватчиков и объединения русских феодальных княжеств вокруг Москвы — все это обусловило в канун создания Московского государства благоприятные условия для распространения книги. И не случайно то, что от XV в., как отмечалось выше, до нас дошло более чем вдвое больше русских книг, чем от четырех предыдущих столетий, вместе взятых. Изучение этого книжного массива дает основания сделать выводы о состоянии и особенностях русского книгописания в век, предшествующий началу книгопечатания в России, судить о тех чертах книжности XV в., которые сформировались под влиянием социально-экономических и политических условий жизни нашей страны и отразились в последующих веках истории русской книги, но об этом будет сказано в последующих главах предлагаемого исследования.

²⁴ Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся русских книгах XI—XIV вв. и их указатель. — Памятники древней письменности, вып. 123, СПб., 1897, с. 17—21.

²⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи... , с. 174 и 175.

Основные особенности производства и распространения книги в России XV в.

К XV столетию в России сложились некоторые специфические для своего времени особенности производства и распространения книги. Почти непрерывные войны — междоусобные и с общими внешними врагами — вызывали в XII—XIV вв. приливы и отливы населения отдельных феодальных княжеств, что содействовало миграции книг. Децентралистические тенденции верхушки феодального общества также способствовали интенсификации производства книги: князья заботились о составлении своих, областных летописей; иерархи русской церкви насаждали культ местных святых, способствовали письменной фиксации и распространению сказаний о местных святынях. Всему этому противостоял отбор и редактирование литературных памятников книгописцами в соответствии с читательскими интересами широких кругов грамотного населения, которым не могли не imponировать сочинения, прославлявшие прошлое Родины, звавшие к его восстановлению путем ликвидации феодальных распрей и иноземного владычества.

С конца XIV в., после того как на Куликовом поле был нанесен сокрушительный удар по иноземному владычеству и наметился центр объединения России, популярность литературных памятников, пропагандирующих объединительные идеи, естественно, возросла. И если до сих пор наибольшее распространение получили Начальная русская летопись, Житие Бориса и Глеба и некоторые другие памятники оригинальной историографии и агнографии, то теперь начинается общерусская миграция литературных памятников Киевской Руси других жанров.

Не случайно, что именно в это время начинается распространение патриотических сочинений киевского писателя XI в. митрополита Илариона — его Слова о законе и благодати и Молитвы о благосостоянии Русской земли. Об интенсивном читательском интересе к ним свидетельствует сборник середины XV в. (ГИМ, Сн. 591), в котором переписаны все приписываемые Илариону сочинения, в том числе его Исповедание веры, сохранившееся

в единственном, данном списке.¹ В этом же столетии, как было сказано выше, стабилизировался состав Киево-Печерского патерика, появились его новые редакции, размножились списки.

Из других памятников книжности Киевской Руси XI в. с XV в. получил распространение Изборник Святослава 1073 г. Его оригинал, попавший, как об этом было сказано выше, в XIV в. на территорию северо-восточной Руси, в следующем столетии в большинстве случаев не копировался здесь механически, а переписывался выборочно, в компиляции с выписками из других памятников; в результате получались по крайней мере три его локальные редакции. При этом один список, сохранившийся в Кирилло-Белозерском монастыре, восходит не к Изборнику Святослава, а к его оригиналу: об этом свидетельствует переписанная в нем Похвала заказчику — болгарскому царю Симеону — без переадресовки ее русскому князю.² В данном случае отразилась международная миграция книги: русские люди путешествовали на Афон — в те времена общеславянский книжный центр, где еще в XIII в. бытовали списки Изборника царя Симеона.³

Среди литературных памятников отдельных феодальных княжеств в XV в. в рукописной книжности начали распространяться жизнеописания местных князей, пострадавших либо в результате междоусобий — подобно Борису и Глебу, либо от общего врага — в Орде. Таково, например, Житие Михаила Черниговского и его боярина Феодора. Еще больший читательский интерес привлекли те памятники областных литератур, в которых описывались и воспевались победы князей над общим для всего русского народа врагом — такие, как повести о Куликовской битве или Житие Александра Невского. Таким образом, памятники областных литератур, в основу идейно-политического содержания которых было заложено прославление местных героев, объективно начинали служить общенациональной идее единства Русского государства. Носителем и распространителем этой прогрессивной идеи была русская книга XV в.

Так в XV в. складывался общерусский репертуар книги, обеспечивший к концу этого столетия начало осуществления «обоб-

¹ Новейшую публикацию сочинений Илариона по этому списку см.: Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *Slavia, Casopis pro slovanskou filologii*, 1963, Roč. XXXII, s. 141—175. См. также: Розов Н. Н. Рукописная традиция Слова о законе и благодати. — *ТОДРЛ*, 1961, т. XVII, с. 42—53. Молитва Илариона опубликована мною и отдельно, по 12 спискам XV—XVII вв. — *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae*. IX—X, Szeged, 1975.

² Подробнее см.: Розов Н. Н. О датировке и локализации Кирилло-Белозерского списка Изборника Симеона—Святослава. — В кн.: Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981, с. 22—35.

³ Куев К. Археографические наблюдения над Сборником Симеона в старославянских литературах. — В кн.: Изборник Святослава. Сборник статей. М., 1977, с. 51—52.

щающих книжных предприятий», предшествовавших появлению в России книгопечатания.

Рассмотрим теперь, кто именно, представители каких социальных слоев, в какой степени и направлении содействовали этому важнейшему в истории русской книги процессу. Обратимся к персоналии русской книги XV в. — к ее заказчикам и книгописцам, сравнив имеющиеся в распоряжении исследователя сведения о них с соответствующими данными четырех предыдущих столетий.⁴

Основным источником сведений о персоналии русской рукописной книжности являются выходные, владельческие и вкладные записи на книгах, а также читательские пометы. Выходные записи содержат наибольшую по объему информацию о происхождении отдельных экземпляров русской книги: в них обычно указывались даты написания книг, назывались имена заказчиков и книгописцев. Однако они сравнительно редки, так как делались преимущественно в тех случаях, когда заказчик желал увековечить свое имя или обеспечить «вечное поминовение» своего рода. В обоих этих случаях выходные записи делались чаще всего по заказу представителей «верхов» феодального общества. Редкость и социальная «однослойность» выходных записей компенсируются емкостью и разнообразием их содержания, дающего достаточно сведений по исторической социологии русской книжной культуры.

Насколько достоверными являются данные выходных записей? Вопрос этот возникает в связи с тем, что известны случаи копирования переписчиками выходных записей своих оригиналов.⁵ Для XV столетия этот вопрос решается гораздо проще, чем для предыдущих веков: в то время в России книги писали на бумаге и лишь в редких случаях на пергамене. И на помощь палеографическому анализу почерка и оформления книги приходит филигранистика — датировка бумаги по ее водяным знакам. Кроме того, датировать книги, в которых скопированы выходные записи оригиналов, помогают иногда сами книгописцы: копируя эти записи, они часто называют либо место своей переписки, либо имена современных им князей и церковных деятелей. Однако в тех случаях, когда даты оригинала и копии близки, датировка последних затрудняется.

В качестве примера приведу три списка Киево-Печерского патерика — из собраний Н. П. Румянцева (ГБЛ), М. А. Оболен-

⁴ Списки известных по выходным данным заказчиков книг и книгописцев XI—XIV вв. см. в Приложении к кн.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977.

⁵ Благодаря этому сохранились сведения о древнейших, не дошедших до нашего времени книгах, например об упомянутой выше, во Введении, книге толкований библейских пророков, написанной в 1047 г. для новгородского князя Владимира — сына Ярослава Мудрого. И это — старейшее датированное свидетельство о книгописании в России.

ского (ЦГАДА) и Государственного архива Ярославской обл. В каждом из них находится датированная 1462-м годом выходная запись, свидетельствующая о том, что книга написана в Киеве «повелением» Кассиана, «уставника» или «клирошанина» Печерского. Это ввело в заблуждение автора старейшего, но не потерявшего до сих пор своей высокой научной ценности каталога, утверждающего, что румянцевский экземпляр «писан в 1462 году».⁶ Между тем выходная запись, датированная 1462-м годом, относится не к описываемому экземпляру, а к оригиналу, с которого делались копии, и современный издатель Киево-Печерского патерика датирует румянцевский экземпляр концом XV в., а список Оболенского — даже началом XVI в.⁷ В Ярославском же списке к выходной записи оригинала добавлено указание места его переписки — в московском Вознесенском монастыре, названы имена великого князя Василия Темного и заказчицы — «княгини и инокини Евпраксии», вдовы Дмитровского князя, умершей в 1466 г. Далее сказано, что данная книга была переписана «двумя дьячишками... скорости деля (ради, — Н. Р.)».⁸ Поспешность переписки в данном случае предположительно можно объяснить тем, что в Москве торопились распространить памятник литературы Киевской Руси в редакции, созданной на месте описываемых в нем событий всего за два года до этого.⁹ Причиной такой спешки могло быть то, что в Твери — давней сопернице Москвы — уже в начале XV в. была создана своя собственная редакция Киево-Печерского патерика. Так обстоит дело с названным памятником русской литературы XIII в. в том столетии, в котором, как указывалось выше, стабилизировался его состав и началось распространение списков в книжности Северо-Восточной Руси.

Аналогичный случай произошел с «Лествицей» — чрезвычайно популярным в старину сочинением синайского отшельника VI в. Иоанна о степенях самоусовершенствования монашествующих. В нескольких ее списках XV в. скопирована приписка 1421 г. о том, что книга была написана в одном из монастырей Константинополя. Палеографический и филигранологический анализ одного из них, бумажного, сохранившегося в Кирилло-Белозерском монастыре, дает основание для его датировки концом

⁶ Востоков А. X. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, с. 437. Отметим, что филигранистика в те годы в России еще только зарождалась.

⁷ Памятки мови та письменства давньої України. Киев, 1930, с. XXIII.

⁸ См.: Лукьянов В. В. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XV веков. Ярославль, 1957, с. 77—78.

⁹ Памятки мови, с. XIII—XIV. Автор Предисловия и публикатор этой редакции Киево-Печерского патерика известный археолог и литературовед Д. И. Абрамович отмечает, что работа над этим памятником была начата во второй половине XV в. в «связи с некоторым общим литературным движением» (с. XIII).

XV или даже началом XVI в. На одном пергаменном экземпляре той же книги при той же дате в выходной записи сказано, что она была написана «благословением» коломенского епископа; локализация данного списка подтверждается и дарственной записью (XV в.) игумена одного из местных монастырей другому коломенскому архиерею. В данном случае дата, списанная с оригинала, оказалась близкой к датировке списка, подтвержденной упоминанием не двух, а трех лиц, действительно бывших в те времена в Коломне, и ей не противоречат данные палеографического анализа. Причина же копирования выходной записи оригинала и в этом случае, конечно, та же, что и в Кирилловском и других списках, — стремление придать книгам наибольшую авторитетность: книги старые, да еще привезенные из-за рубежа, и тогда ценились в некоторых читательских кругах достаточно высоко.

Явно другими соображениями руководствовался в 1492 г. переписчик сочинений египетского отшельника IV в. Ефрема Сирина, скопировавший приписку о заказчике этой книги — приближенном («тиуне») владими́ро-во́лынско́го князя, умершего в 1288 г. Вероятнее всего, эта приписка двухсотлетней давности заинтересовала книгописца XV в. своим содержанием: в ней говорится, что этот тиун Петр «строил» книги не только «с многим тщанием», но и каждодневно «милуя мастеров» этого дела. Стремясь сообщить об этом своим читателям, а может быть, и заказчику — в качестве примера для подражания, книгописец, не теряя исторической перспективы, скопировал из выходной записи своего оригинала все, кроме ее даты.¹⁰

При статистической обработке данных выходных записей возникают прежде всего терминологические трудности — в первую очередь в определении роли упомянутых в них лиц в создании книги. Поскольку это обстоятельство в каждом конкретном случае отражает условия производства книги в данной исторической ситуации и почти в каждой записи, как в капле воды, отражена сложная иерархия феодального общества, остановимся на нем подробнее, приведя необходимое число примеров.

Судя по выходным записям, поводы для написания книги были чрезвычайно разнообразными, что и отразилось в терминологии. Книга делалась «замышлением», «понуждением», «повелением», «благословением», «изысканием», «стяжанием», «строением», «творением» тех или иных лиц. Таковы лишь самые распространенные термины выходных записей, указывающие на роль упоминаемых в них в первом звене цепи заказчик—книгописец—владелец—читатель. При этом сразу же возникает вопрос: кто

¹⁰ Написание даты в данном случае вызвало споры исследователей. Однако «характер письма и орнамента рукописи определенно указывают именно на XV век» (Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. — Труды Отдела Рукописей ГПБ, Л., 1953, с. 68. Здесь же опубликована и рассматриваемая приписка).

замышлял и финансировал создание книги в каждом конкретном случае и кто это санкционировал.

Выходные записи, дающие ясный ответ на этот вопрос, чрезвычайно редки. Вот одна из них: «В лето 6930 [1422] написаны быша книги сия к св. Николе за Великую реку рукою многогрешного Луки дьякона. А повелением раба божия инока Исаия и всех чернцов св. Николе. А серебром (так!) дал Митрофан чернец коречьник по души своей и себе на спасение» (рис. 1).¹¹ Итак, в данном случае написание книги финансировал монах, по всей видимости, из ремесленников.¹² А «повелел» ее написать — от имени монастырской братии — такой же рядовой «чернец», а не кто-либо из монастырской администрации, как это бывало в подавляющем большинстве случаев. Заказана же была в данном случае книга богатая — на пергамене, хорошего письма и художественного оформления, какие заказывали чаще всего люди состоятельные и именитые (рис. 2).¹³

В большинстве выходных записей русских книг XV в. инициаторами их названы духовные лица, преимущественно монастырские, — от рядовых иноков до представителей верхушки церковной иерархии — настоятелей монастырей и архиереев разных степеней.

Что касается первых — простых, нетитулованных монахов — то финансировать изготовление книг, естественно, могли из них богатые люди, владевшие либо наследственным, либо приобретенным состоянием. Таковыми были прежде всего представители русской аристократии, по тем или иным причинам ушедшие в монахи. До XVI в. это были преимущественно вдовы (время насильственных пострижений опальных князей и бояр еще не наступило) — такие, как уже упомянутая княгиня Евпраксия, «замышлением» которой был написан не только Киево-Печерский патерик, но и Канонник 1457 г. Приобретали состояние обычно люди, ведавшие финансами и имуществом светских и духовных феодалов. Таков не названный по имени казначей Троице-Сергиева монастыря, «повелевший» в 1459 г. написать Псалтирь толко-

¹¹ Пг. 45. Цитаты здесь и далее приводятся в орфографии оригиналов, но с заменой несуществующих в современном русском алфавите букв на соответствующие («ъ» в середине слова сохраняется) и введении необходимой пунктуации.

¹² Слово «коречник» не найдено ни в одном словаре русского языка. Вероятнее всего, так назывались мастера, изготавлившие «корцы» — небольшие ковши, служившие в качестве меры емкости жидкости и зерна.

¹³ Цитированная выходная запись заметно контрастирует с помещенной выше вкладной 1467 г. некоего «Исаия Елентеевича» Хмелкова и его жены, которые пожертвовали в тот же монастырь «стол, сиречь скамью... себе за почесть, а своим родителем на память». Написание отчества с «вичем» (в данном случае, по псковскому произношению, с «вицем») и наличие фамилии вкладчика свидетельствуют о его знатности: простой человек в таких случаях указывал, чей он сын, а иногда называл и свое прозвище.

ОЛТ С С Ц О С Е МЦА ДКАБРА НА
 ПАМАТЬ СТОГОЩА И ЧЮТВОРА
 СПИРОДОВЫЯ ЕПИА РАБЪ БЖИИ И
 САНЯ ЕЛЕНТЕРВНИЦЪ ХМЕЛКОВЪ И
 ЖЕЛАЕГО ПРИНЬА ЗАЛЮБОВЪ ХБОУ ДА
 ЛИ СТОЛЪ СПРЕТЬ БКАМЬЮ ВЪ СЮЕН
 ТЪ ЖЕ СПРОСТАЮЩА И ПКО ПАЗАВЕ
 ЛИЦЬА СОВЕДА ПОУСТЬ АСВОИМЪ РО
 ДИТЪ БЛАМЪ ПАПАМА АСЪЕДАМЪ
 ПОИСТАРОШЕНЬИ ПЕСТРООВЕ БОЕРОВИИ
 КОВЪ ПСАМЕНОВЪ РОУМАНИЦЕВЪ И
 ПРИБИГОУАДЕНЬ ПАХОИ СТОГОНИКО ППРИ
 ВЪ СЕТАРШЕ СТОНИКО АСГОИАНЕРАП
 ОУТНЕМЪ СКОЕСКАГО ПРОВАТИ ИЛИВТО
 АМИКНСОДА ДА БОУДА ПРОКЛАТЬ
 ЯМЪ И ЦА НАПИСАНЫ БИША КНИГОСИИ
 ИЖЕ ТАМУ НИКОЛЕ СЛБЕЛНИЦЮ РЮКУ РУКОИ
 МНОГО ГРЕШНА ЛУКЪ ДЪВНО АПОБЪЛЕННЕ
 РАБАВНА И ПКО ИСАИЯ И ВЪ БУЕРНЬЦЕ ВЪ СТО
 НИКОЛЕ АСЕРВРОДАМЪ КТО СЪ ДАНЪ БУЕРНЬЦЕ
 КОДЕХНИКЪ ПЕДАШЕ СВОЕ И 1467
 ИВЕРННА

Рис. 1. Выходная запись Стихираря 1422 г. Над ней — вкладная 1467 г.

вую, или монах Илья, «замысливший» в 1498 г. переписать сочинения Ефрема Сирина, — казначей епископа суздальского.

Лица монастырской администрации, от «старцев» (так назывался монах, не обязательно очень старый, которому «под начал» и для «научения» отдавались молодые, начинающие чернецы) до настоятелей, заботились в первую очередь о приумножении книг «келейного правила» (цикла обязательного для монашествующих ежедневных молитв), а также специфического и регламентированного круга чтения своих подчиненных. Судя по терминологии выходных записей, монастырское книгоделание финансировалось либо из личных средств заказчиков, либо из монастырских, либо из средств посторонних лиц — вкладчиков.

Так, например, в выходной записи одной из Лествиц, помеченной 1419 г., сказано, что она создана «замышлением и строением честнейшаго в священноиноцех старца Саввы», т. е. иеромонаха настолько известного, что благословил его замысел и «строение» книги сам митрополит Фотий — глава русской церкви. Канонник 1485 г. отмечен в выходной записи как «строение и потружение» Гурия Тушина — игумена Кирилло-Белозерского монастыря, известного в качестве книгописца.¹⁴ Вероятно, это надо понимать так: Гурий приобрел необходимые для написания книги материалы и написал ее сам.

Что же касается терминов «повелел» и «благословил», то первый употреблялся тогда, когда иерарх заказывал книгу, а второй — когда разрешал кому-либо из своих подчиненных сделать это. Наибольшие возможности «повелевать» имели лица высших ступеней церковной иерархии. Посмотрим, для чего и как они пользовались своими возможностями.

Из иерархов русской церкви XV в. в качестве заказчика в выходных записях чаще всего называется новгородский архиепископ Евфимий. Его «замышлением» был в 1435—1436 гг. написан Октоих, его «повелением» в 1438—1441 гг. переписаны 6 сохранившихся томов годового комплекта Миней. И только одна из них — июньская 1439 г. — отмечена как созданная его «повелением и строением». Все эти книги предназначались для кафедрального новгородского Софийского собора. О пополнении соборной библиотеки богослужебными книгами заботились, судя по выходным записям, и другие новгородские архиепископы XV в. начиная с Иоанна, имя которого в качестве заказчика книг упоминается в них с 1391 г.

Интересен вопрос: на какие средства новгородские архиереи заказывали книги? В большинстве выходных записей это не указывается; вероятно, слово «повелел» имело смысл не только написать книгу, но и изыскать на это средства. Возможностей для этого у новгородских «владык» было достаточно — богатейшая

¹⁴ Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 169—200.

софийская казна и «паробки владычня двора», как называли себя в XIV в. некоторые новгородские книгописцы. Кроме того, архиереи пользовались правом «повелевать» писать книги в монастырях своих епархий. Минея 1438 г. была написана, например, по приказу Евфимия в Перыньском монастыре самим его игуменом. Привлекались средства и «мирских» людей — жертвователей. Так, например, богослужебный сборник 1411 г. был создан «повелением владыце Иоанна и изисканием Матвея Кусова»; в этой же выходной записи сказано, что книга была написана «святей Софии» (Сф. 399). Таких примеров можно привести еще много.

Завершением книгопроизводственной деятельности новгородских архиепископов стал полный кодекс библейских книг, созданный в 1499 г. по инициативе архиепископа Геннадия. До сих пор из книг Ветхого завета в русской книжности распространялись лишь те тексты, которые читались при богослужении; из новозаветных книг таковыми были Евангелие и Апостол, списки же русского Апокалипсиса до XV в. очень редки. Для создания Геннадиевской библии пришлось разыскать и перевести целый ряд ветхозаветных книг, которых до сих пор в России не было; и все это надо было свести воедино, отредактировать, наконец переписать единообразным почерком. Таким образом было положено начало «обобщающим книжным предприятиям», продолженным преемником Геннадия на новгородской кафедре Макарием, впоследствии московским митрополитом. Макарьевские минеи четвы и знаменитый «лицевой» иллюстрированный летописный свод XVI в. были непосредственными предшественниками русского книгопечатания. Так в XV в. были заложены основы создания общерусского репертуара чтения на базе организаторского опыта многих веков новгородского книгоделания, сосредоточенного при «владычнем дворе».

Забота епархиальных архиереев об умножении книг, причем наиболее авторитетных, списанных с древних оригиналов в Царьграде или на Афоне, наблюдается в XV в. повсеместно, особенно в старинных центрах книгописания, какими были, например, Смоленск и Тверь.

В Твери, где обращение к древним оригиналам книгописания отмечается уже в предыдущие столетия, о чем было сказано во Введении по поводу лицевого списка Хроники Георгия Амартола, в 1402 г. была написана Лествица. В выходной записи сказано, что ее оригиналом была книга, написанная в Константинополе известным болгарским книжником, впоследствии московским митрополитом Киприаном. «И той список вынесл священник Прохор град в Тверь... И умолих о той книзе господина епископа Тверского Арсения и написах сию книгу наборъзе», — говорит книгописец (Тм. 9). Забота тверских архиереев о распространении книг была, очевидно, как и в Новгороде, традиционной. Поэтому не случайной представляется характеристика одного из них — Ильи, данная в выходной записи Устава церков-

ного 1438 г.: «Изрядно бо и велие желание имеяше на съвокупление книжное и на украшение церковное» (Сн. 331).

В Смоленске увековечил себя в истории русской книги XV в. епископ Герасим — «родом москвитин, Титов сын, а Болванов внук», как сказано в выходной записи списка сочинений Исаака Сирина 1428 г. Здесь же скопирована выходная запись оригинала, написанного в 1420 г. в Константинополе «повелением» того же Герасима. «С сее же книги, — продолжает переписчик, — преписана бысть книга сия на вторую книгу» (FI — 476). Таково редчайшее для своего времени свидетельство о тиражировании рукописной книги. Так Герасим — человек незаурядной и трагической судьбы, окончивший свою жизнь на костре, содействовал распространению русской книги на территории тогдашнего Великого княжества Литовского.¹⁵

Таковы некоторые сведения, извлеченные из выходных записей русских книг XV в. об их заказчиках — представителях высших степеней церковной иерархии, об участии последних в формировании репертуара книги в России того времени. Их дополняют свидетельства об аналогичной роли представителей предшествующей ступени той же иерархии — настоятелей монастырей.

Выходных записей с упоминанием имен настоятелей монастырей сохранилось больше, чем с именами архиереев. И репертуар заказанных ими книг несколько шире: среди них гораздо меньше книг богослужебных. Объяснить это можно тем, что этой категории церковных иерархов были ближе читательские интересы их пасомых. Поэтому с именами настоятелей монастырей в роли повелевших или благословивших написание книги встречаются выходные записи не только книг богослужебных или обязательного монашеского круга чтения.

Так, например, в 1407 г. «благословением» игумена Саввы был написан Златоструй с интересными добавлениями; в 1418 — Диоптра «замышлением» Никона, игумена Радонежского. Игумен другого знаменитого уже в то время своей библиотекой монастыря — Кирилло-Белозерского — Кассиан в 1459 г. «повелел» написать Лествицу, а в 1452 г. — Пролог. В 1474 г. были написаны две книги — Псалтирь и Златоструй — «повелением» и «строением» архимандрита Киево-Печерского монастыря Иоанна. Списки сочинений Григория Богослова были сделаны в 1475 г. «повелением» валаамского игумена Иоакима и в 1479 г. в Кирилло-Белозерском монастыре. В 1496 г. «повелением» архимандрита Венедикта было переписано в Ярославле сочинение

¹⁵ Он стал жертвой борьбы за власть в этом княжестве. О политической активности Герасима свидетельствует — с одной стороны — его постановление константинопольским патриархом в митрополиты «на русскую землю», а с другой — послание к нему римского папы, дающее основание подозревать Герасима в склонности к католицизму (Л ю б а в с к и й М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910, с. 65).

Козмы Индикоплова — одно из старейших в русской книжности географических сочинений. Целую библиотеку четых книг заказал переписать в Новгороде в 1490-е годы для Соловецкого монастыря его игумен Досифей.¹⁶

Таковы некоторые из многочисленных примеров русских четых книг XV в., обязанных своим происхождением настоятелям монастырей. Они дополняют данные о репертуаре книг, заказанных архиереями, и все это дает представление о доле участия черного духовенства в производстве книг в России в XV в.

В сравнении с предыдущими четырьмя столетиями эти данные количественно заметно возросли, что объясняется интенсивным строительством церквей и монастырей, а также увеличением числа епархий в России XV в.

Что же касается белого духовенства, то доля его участия в производстве книги в XV в. также возросла, хотя и не в такой пропорции, как черного. И по традиции священники, особенно диаконы, чаще выступают в роли книгописцев, а не заказчиков. Однако известны случаи заказов книг и представителями белого духовенства.

Так, например, в 1407 г. была написана Минея «повелением священноиерея Поликарпа», а в выходной записи «Скрижали духовной» сказано: «В лето 6921 (1413 г.) поп Дометиян съвръши сию книгу рукоя Гаврилова» (Мз. 1494). В выходной записи списка 1414 г. сочинений византийского писателя XIII в. Иоанна Дамаскина переписчик отметил, что книга создана «замышлением и строением наставника моего Феодора протопопа» (Брс. 90). Нетрудно предположить, что этот протопоп был человеком обеспеченным, так же как некий «поп Иев», «повелением» которого был написан в г. Малом Ярославце Апостол 1465 г.: в выходной записи сказано, что он был «печатником» местного князя (Чд. 44). Бывали случаи, когда священник «благословлял» написание книги, «замышленное» монахом: в таком соотношении указаны эти представители белого и черного духовенства в выходной записи сборника сочинений отцов церкви 1430 г. (Прн. 133). Чаще же всего священники выступали в роли заказчиков или приобретателей книг для своих приходских церквей.

В пространной приписке Триоди 1410 г. сказано, что она была написана «во обители града Вологды в селе Васильеве Ивановича Говорова достоянием св. Симеона и Анны... нарядом Василья Ивановича, а благословением ерея Нестера» (МАМИД-760). Это надо понимать так: приходский священник «благословил» написание книги по инициативе местного землевладельца, но за счет («достоянием») церкви Симеона и Анны. В данном случае инициатива написания книги исходила от богатого прихожанина, но сделано было это не за его счет. Аналогичный пример: в 1453 г.

¹⁶ Ровов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, с. 294—304.

«во граде Волоце» в одном из монастырей было написано Евангелие «похотением» священника Измаила и «нарядом» некоего Михаила Григорьевича, вероятно, также именитого прихожанина (ИБ-24). Очень редко в роли заказчиков книги выступают диаконы, и это были, конечно, не рядовые церковнослужители, а люди, занимавшие, несмотря на свой невысокий духовный сан, значительное место в церковной иерархии. Таким был, например, Герасим Поповка — правая рука новгородского архиепископа Геннадия в его книгопроизводственной деятельности.

Приведенные примеры с достаточной полнотой показывают долю и качество участия заказчиков из духовенства — черного и белого — в производстве и распространении книги в России в XV в. Обратимся теперь к сведениям об участии в этом «мирских» людей.

В предыдущем столетии в качестве заказчиков книг, по свидетельству летописей и выходных записей, выступали в большинстве случаев люди титулованные. В XV в. сведения о таких заказчиках исчезают из летописей, а в выходных записях книг заметно уменьшается число имен князей и бояр. На смену им выступают люди именитые, но нетитулованные, которые часто действуют не от своего имени, а в качестве представителей прихожан или просто в ряду горожан. В 1425 г. в Пскове была написана книга «замышлением» некоего Тимофея Васильевича и «всех сосед св. Георгия», т. е. ближайших к этой церкви жителей, ее прихожан (Сн. 173). Годом раньше в Новгороде «улицане Михайловци» обошлись без какого-либо именитого представителя: в выходной записи Стихираря сказано, что он был написан «повелением» жителей названной улицы и «попов Еустафья и Феодора» (Сн. 897). Чаще же всего именитые горожане выступают в качестве заказчиков книг в случаях, когда они являлись старостами, причем книги заказывались как для приходских, так и для монастырских церквей. Так, например, Трефолой 1445 г. был написан «повелением и строением» старост одной из псковских церквей для игуменьи и «ея лавры», т. е. в церковь женского монастыря. «Повелением» двух старост в 1463 г. была написана книга для кафедрального псковского Троицкого собора. Эти и аналогичные случаи отражают специфические местные социально-экономические и церковно-административные условия: в Пскове, так же как и в Новгороде, сильны были «кончанские» или «уличанские» ремесленные организации, группировавшиеся обычно вокруг своих приходских церквей, но не было своего архиерея, пекущегося о снабжении книгами хотя бы кафедрального городского собора.

Пережитки былого, когда книги заказывались князьями, иногда представителями нескольких поколений одной династии, в XV в. сохранились в соседних западных княжествах. Так, например, в 1406 г. в Супрасльском монастыре был написан Пролог «желанием пана Солтана Солтановича, наместника Бельского»,

в 1471 г. — во Владимире Вольпском — Псалтирь толковая «повелением пана Солтана, нареченного в св. крещении Александра Александровича» и в 1488 г. Минея «повелением и желанием пана Солтана... маршалка Литовского». Это были представители русско-литовского православного рода Пересвит-Солтанов, из которого происходил и смоленский митрополит Иосиф; его «повелением» в 1495 г. был написан сборник, включивший в себя так называемую «Летопись Авраамки» — общерусский летописный свод конца XV в.

В выходных записях книг XV в. иногда упоминаются и северо-восточные удельные князья и их приближенные. Так, серпуховский князь Василий Ярославич «повелел» в 1452 г. переписать Житие Григория Омиритского, проповедовавшего в VI в. христианство в Аравии; в том же году «замышлением» дьяка великого князя Стефана Никифоровича была переписана византийская Хроника Георгия Амартола, которую он послал в Новгород казначею архиепископа Евфимия «сердечнаго его ради о сей книзе желания и любви», как говорится в выходной записи (Ег. 863). В данном случае следует отметить заказ книги в качестве дара с учетом читательских интересов определенного лица. На фоне многочисленных вкладных и дарственных записей на книгах, жертвуемых в церкви и монастыри «на помин души», этот факт особенно ярок.

В северо-восточной Руси князья выступали в качестве заказчиков книг, будучи церковными и монастырскими «ктиторами», что первоначально обозначало основателя храма или монастыря, а впоследствии стало относиться и к постоянным жертвователям в них. В таком качестве обозначен, например, в выходной записи сочинений Исаака Сирина 1416 г. некий князь Александр Иванович, причем сказано, что книга была написана «по воле» игумена. Однако в роли церковных старост, заказывавших книги от своего имени или по поручению прихожан, а иногда и монастырской «братии», в XV в. выступают обычно знатные, но не титулованные лица, преимущественно из богатых горожан, как об этом говорилось выше.

Подведем итоги сказанному относительно заказчиков русских книг XV в. Еще раз напомним, что сведения о заказчиках, извлеченные из выходных записей, не могут дать более или менее полного представления о том, как создавался в то время репертуар книги. Как можно заметить, в приведенных примерах почти сплошь фигурировала книга богослужебная или религиозно-правово-учительная. И это потому, что, как было отмечено выше, выходные записи делались преимущественно в тех случаях, когда заказ написать книгу служил в качестве душеспасительного средства и делался преимущественно духовными лицами; последние владели и монопольным правом санкционировать такие заказы. Ко всему этому следует прибавить еще одно: большинство духовных лиц, известных в качестве заказчиков книг — люди монаше-

ствующие, которым — независимо от их иерархического положения — предписывался монастырскими уставами строго определенный круг чтения. И рядовой инок, и архиерей должны были ежедневно исполнять «келейное правило», читать книги определенных авторов, преимущественно идеологов и пропагандистов аскетизма. Поэтому не случайно, например, такое большое число сохранившихся экземпляров XV в. Лествицы, в выходных записях которой в качестве заказчиков, а иногда и переписчиков отмечены монашествующие всех иерархических степеней — от рядового «чернеца» до митрополита. Монашествующие высших степеней церковной иерархии должны были, кроме того, заботиться о комплектовании своих церквей и монастырей, число которых в XV в. резко увеличилось, еще и богослужебной книгой.

Где же искать причину того, что в русской книге XV в. зафиксирован и распространялся достаточно широкий, и притом далеко не исключительно монашеский, репертуар чтения? Ответ на этот вопрос может быть только один: в последующих звеньях цепи заказчик—книгописец—владелец—читатель.

Обратимся к сведениям о социальном составе русских книгописцев XV в. и сравним статистические данные о них со сведениями о заказчиках.

В выходных записях русских книг этого столетия выявлено 133 имени заказчиков, среди них 45 настоятелей монастырей, 19 священников, 18 монахов, 14 архиереев и один диакон, 14 лиц относятся к представителям светской администрации и 22 заказчика не обозначили свое социальное положение — их можно предположительно отнести к людям светским и нечиновным. Соответствующие данные о социальном составе книгописцев XV в. таковы: диаконов — 62, монахов — 59, священников — 18, настоятелей монастырей — 7, архиереев — 2; 102 книгописца назвали лишь свои имена и, как правило, в просторечной форме.¹⁷ Приведенные цифры достаточно красноречивы: если большинство заказчиков — представители верхов феодального общества, то большинство книгописцев к таковым не принадлежало.

В изучении социального состава древнерусских книгописцев встречаются те же трудности, что и при статистической обработке данных выходных записей о заказчиках книг. Это — те же случаи копирования выходных записей оригиналов. Пример можно привести из списков той же Лествицы — книги, многократно и повсеместно переписывавшейся и потому дающей обильный материал для изучения географии распространения и персоналии древнерусской рукописной книжности.

¹⁷ Поименные перечни заказчиков и книгописцев XV в. см. ниже, Приложения 1, 2.

Как уже было сказано, в нескольких списках Лествицы скопирована приписка 1421 г.: в ней упоминается некий «убогий Евсевий непотребный Ефрем». Первое из этих имен названо в приписке к книге еще 1388 г., причем сообщаются биографические сведения: Евсевий, «родом сербин», был слугой турецкого султана и бежал от него на Афон. Второе упоминается в сборнике XV в. при одной из его статей в таком контексте: «преведено (так!) от гречьска языка на русийскы в св. горе Афонстей в лето 6933 (1425) кир Иаковом доброписцем убогому Евсевию, непотребному Ефрему русину» (ТС-756). И оба эти имени (очевидно, «мирское» и монашеское одного человека — второе обычно давалось на ту же букву, что и первое) приводятся в «списке русских монахов на Афоне XIV—XV вв., сделавших что-нибудь по перенесению в Россию южнославянских текстов».¹⁸ Остается неясным, кто же все-таки был этот человек — серб или русский? Несомненно лишь, что в приписку к русским спискам Лествицы его имя попало из их общего протографа.¹⁹

Терминологические трудности при статистической обработке сведений о персоналии русских книгописцев усугубляются трудностями ономастическими. Последние относятся главным образом к книгописцам, не указавшим своей принадлежности к духовенству. Дело в том, что имена людей низших слоев феодального общества в документах русского средневековья было принято писать в уничижительной форме — «Ивашка», «Сидка» и т. п. В выходных записях книг к именам книгописцев в уничижительной или просторечной форме присоединялись еще и эпитеты — «грешный», «убогий», «дурной», «унылый», «грубый» и т. п., в наборах которых часто изоцрялись мастера древнерусской книги.

Что же касается книгописцев духовного звания, то, как правило, их имена пишутся в книжной форме. Однако и здесь отражается иерархия феодального общества: лица низших степеней духовенства — диаконы и простые чернецы, так же как книгописцы-ремесленники, искажали свои имена, сопровождая их самоуничижительными эпитетами. Приведу примеры.

¹⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 32.

¹⁹ Иногда к скопированным записям оригинала книгописцы прибавляли сведения о себе. Так, например, в экземпляре Лествицы, хранящемся ныне в Куйбышевской областной библиотеке, к приписке Евсевия-Ефрема добавлено: «А с сего списка преписах аз многогрешный пресвитер Атанасие в лето 6966 (1458)». Имя книгописца Афанасия упоминается в нескольких выходных записях русских книг (Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 289). Крайние даты этих записей (1370—1473 гг.) доказывают, что это имя носило несколько книгописцев, в том числе игумен Высоцкого монастыря в г. Серпухове. Подробнее об афонских книгописцах см.: Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — Труды, 1968, т. XXIII, с. 171—198.

В выходной записи Апостола 1465 г. сказано, что он написан «от руки многогрешного и ленивого, непотребного диака Митици — се рех произволением нареченнаго от мира сего, а иже в св. крещении нарицаемый именем Микита» (Чд. 44). В данном случае названо не мирское имя монаха, а бытовое, каким прозвали диакона Никиту окружавшие его. Монах «Федосишка» утверждает, что Апостол 1460 г. писал «грубыми буквами, грехослужительною десницею» (Тхвр. 182), а некий «Иев поп» отметил в следующем году, что Евангелие он написал «рукою шюею» (QI — 570). Если в первом случае это — явная неправда, так как книга написана вполне каллиграфически, то на основании второй записи можно предположить, что книгописец был левшой. Таким образом, «самокритицизм» книгописцев, бывший в значительной степени данью традиции и далеко не всегда искренним, простирался и на ту часть записей и приписок, которая касалась качества труда.

Самые большие трудности встают перед исследователем в определении социального положения книгописцев. Для людей духовного звания указание сана дает основание для такого определения; но что касается других лиц, то такое определение затруднено. Лишь в редчайших случаях книгописцы указывают свое социальное положение, как это сделали, например, «коморник» (ключник) князя Черторыйского «Артемьца», написавший «повелением» своего «господаря» в 1475 г. Минею, или писец книги толкований библейских пророков 1500 г. «Гридя подъячей дворцовый». А между тем едва ли не большинство четых книг XV в. написано лицами, не указавшими свою принадлежность к духовному званию, либо людьми низших степеней этого сословия. И очень часто именно такие книгописцы в своих выходных записях и приписках выражают свое отношение к написанному ими, фиксируют события политической и социально-экономической жизни — как местные, так и общегосударственные, вводят современного читателя в атмосферу и обстановку книгоделания того времени. Можно привести примеры на каждый из перечисленных случаев.

Переписав Устав церковный, книгописец объясняет его название — «Око церковное»: без этой книги «церковное исполнение в невидении, яко во тме патается» (Арх. д-3). Переписчик Толкового апокалипсиса 1448 г. так паупствует эту книгу: «Аще ли кто испытливими мыслми и не страхом божиим приходит и почитает не пользы ради душевныя, но ища словес, дабы друга препрети, дабы себя мудрейшим онаго показати, — да себе убо ничтоже полезно обрящет» (обращающийся к этой книге не со страхом божиим, чтобы почитать ее для душевной пользы, но в поисках слов, чтобы другого переспорить, а себя умнее показать, — пусть не найдет в ней ничего для себя полезного). Остается неизвестным, кто написал это, так как данная выходная запись анонимна, но она достаточно ярко отражает представле-

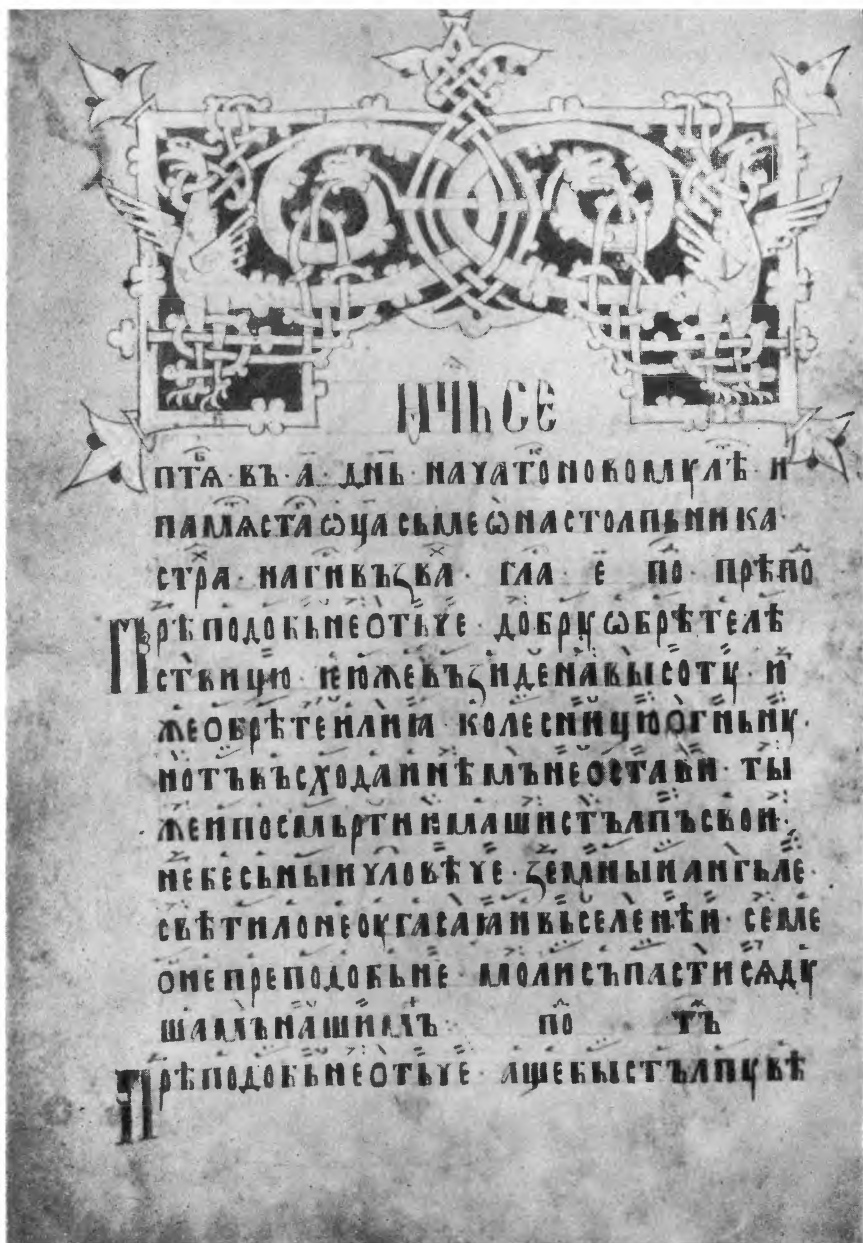

Рис. 2. Первый лист Стихираря 1422 г. Над текстом — знаки знаменной нотации.

възвѣститы гвншешу . сам
 гь самъ слышнтъ . самъ пи
 сла гтелъ свіею . и пмтша
 ѿвещь ѿцпшею . и пшлза
 шамастни пшлзлннхъ свіею
 брашнмъ дврл . н велнкл . и не
 блгъ блвннгъ . н зыдхъ въ стрѣ
 тенн енн плешеннкю . и пр
 клатмандлы свншн . аз те
 н стргъ ѿ негшеуь . ѿ сткох
 глвцею . н ѿмхъ пношені
 е ѿ свѣтлѣ въ .

ПѢ СЕСТЫНѢ СІ ѿ ВѢ
 НАРНѢ ВѢ ШАРНАШ
 И ТЕШАРНШЬ . КАКѢ ВѢ ДѢ ВѢ

АБАЗ ОУ СѢ ГЛАШОУ
 ГЛАИ АБАЗ

Рис. 3. Лист Киевской псалтири 1397 г. с иллюстрациями эпизодов юности Давида.

МАДАНІА СВОЕГО • КРАТІА
 МОДОБРИ ВЕЛИЦИ • ННЕ
 БЛАГОКОЛИВНИГЬ • ИЗЪ ЦА
 ВЪ СРЪТЕНІЕ ННО ПЛЪМЕ
 НИКІА • И ПРОКЛАТМА
 ЦДОЛЫ СВОИМИ • АЗЪ ЖЕ
 И СТЪГЪ МЕЧЬ О НЕГО • И
 ШБЕЗГЛАВНЕГО • И ШНАХ
 ПОИШЕНІЕ ШИШІ СЛЕВЪ :

ПЪ МШУСЕ ШВА ВЪ Н СХДЪ ПЪ А
 ОНМАГЪИ • СЛАВНО ШПРО

Рис. 4. Лист Угличской псалтири 1485 г. с иллюстрациями эпизодов юности Давида.

Рис. 5. Изображение Иоанна Синайского и его учеников в Лествице XV в.

Рис. 6. Иллюстрация названия книги — Лествицы XV в.

Рис. 7. Иллюстрация Лествицы конца XV—начала XVI в.

НРОСЛАВЪ СЕИ НСО РЕКОХО . ЛЮБИМЪ БЪ КНИГА . И МНОГЪ
 И СПИСАВЪ И ПЛОЖИ СЪ ВЪ ТЪБИ СОФНИ . ЮЖЕ СОЗДА ГАМЪ .
 И ОУКРАСИЮ ЗЛАТОМЪ . И СРЕДОМЪ . И СОСЪУДЫ ЦРКВНЫМЪ .
 ВМНЖЕ ШЕБЫНЫИ ПЪВНИ БОУВЪ ЗДАЮ . БЪГОДЫ ШЕБЫ
 НЫИ . И ИМЪ СЪРВЪ И ПЛАШЕ ПОГРАМЪ И ТОМЪ СТОМЪ .
 И ПОТЪ ПЛАША ПОПЫ . И ДА ИМЪ ШИМЪ ИМЪ СЪ ОУДО .
 ВОДА ИМЪ ОУЧИТИ ЛЮБЕ . ПО ПЕРЖЕ ТЪ МЪ ПЕРОЧИМЪ ШЪ
 И ПРИХОДИТЬ УАСТО КО ЦРКВАМЪ . ПОУМНО ЖИША ПРЕ
 ЗВИТЕРИ . ИЛИ ХУТЬ ЯМЪ СТИИ . ПРАВАША И РОСА ВЪ И
 МНОГИ ЦРКВИ . ИЛИ ХУТЬ ЯМЪ СИЛО . АВРАГЪ СЪ ПОВАШЕ СЪ
 ПОВЕЖА ЕМЪ . НОВЫМЪ ИЛИ ХУТЬ ЯМЪ СКИМИ РАТЪ СЪ ФЪ МЪ .
 И РОСЛАВЪ ИМЪ ПЪВЪ ГЪ РАТЪ СЪ ФЪ МЪ . СЪ ИЛЪ БЪЦЦЪ СЪ И
 СТЫИ МЪ СЪ И . ЮЖЕ СОЗДА ВОЛОДИ МЪ РЪ . ШЪ И РОСЛА ВЪ И
 ПУСТОЛИ ПОМЪ ФЪ И ПЕНТАМЪ РАТЪ СЪ ФЪ И И РОСЛА ВЪ : МА
 И ДА ИЛИ ПЪВЪ РАТЪ СЪ ФЪ МЪ . И ДА И РОСЛА ВЪ И ДЪ ОШАМЪ
 ВОЛОДИ . РАТЪ СЪ ФЪ И . ВОЛОДИ МЪ РЪ . СЪ И РОСЛА ВЪ .
 И ПОИДЕ ПАМЪ . И ПОВЕДИ ШЪ И . И ПО МЪ РАШКО И ОУДО И
 ВОЛОДИ МЪ РЪ ШЪ И КО СЪ ДЪ ШЕЩИМЪ ШЪ КО И МЪ . И СЪ ДИ
 РАХУ КОЖЕ СЪ И . ТОЛЬКОВЪ МОРЪ ВЪ И

Рис. 8. Иллюстрация Радзивилловской летописи (книгописная мастерская Ярослава Мудрого).

Рис. 12. Заставка Апостола, заказанного Досифеем в Новгороде.

ния книжников того времени о возможностях и целях использования книги.

Из заметок книгописцев о современных им политических и социально-экономических событиях можно привести две. Писец «Измайло» в приписке к Минее 1425 г. отмечает завершение строительства во Пскове оборонительных сооружений и «установление» новых денег, а «Сидко» Молчанов в приписке к Маргариту 1477 г. сообщает о том, что в этом году был присоединен Новгород «великого князя саблюю Иоанна Васильевича к русскому государству» (F I — 193).

Особую ценность для истории русской книги представляют сведения выходных записей и приписок о самом процессе работы книгописцев. В отдельных случаях отмечается, кто книгу писал и кто ее «правил», т. е. проверял, вычитывал; иногда книгописец отмечал, что писал с «неисправлена списка», предупреждая таким образом своих читателей о неполной достоверности переписанного им текста. Один из них — переписчик сборника середины XV в. — признается: «Сколько могох исправи ти божиею помощью, толико и поддхася: писал мирянин — велми нужно есть правити» (Мз. 640). Писец Минеей первой половины того же столетия был более многословным: «Груба бо поистине книга сия, груба и всякого недоумения полна, понеже с неисправлена списка писана, а писавый груб. Сего ради възвестих, да не на мя речь будет, яко умолчавша». Многословие данного книгописца отразилось на полях многих листов этой книги: «Увы мне — комары съдолевают ми! Горе тебе, Мартирие, не стяжавшему терпения!»; «Увы, увы — ох комарова прещения не можеши терпети — горе тебе!». Эти и некоторые другие непосредственные и эмоциональные восклицания чередуются с бытовыми, хозяйственными заметками, например: «Полвтора дни братья трудятся, скотом травы секуще». Наконец, приписка, сделанная декоративным письмом — вязью: «Сие потружение — грубое потружение грешного инокa Мартирия шестника», т. е. пришельца, жителя другой местности (Ол. 36).

Приведу еще одну, анонимную запись — Минеей четвь 1490 г., свидетельствующую не только о добросовестном отношении книгописца к своему делу, но и о его заботе о распространении книги. «Господа моя, отци и братья, — чтите, а не клените, а исправляйте Христа деля (ради, — *Н. Р.*), зане есмь сам не поспел прочести ни просмотрити. А на список бы есте пожаловали — давали кто похоцет писати. А яз писал списков деля, чтобы то в земли расплодилось» (Сф. 1385).

Об условиях труда книгописцев, о их бытовом окружении свидетельствуют многочисленные и опять-таки преимущественно «покаянные» их приписки, в которых они объясняют свои ошибки.

В пространной выходной записи очень интересного по содержанию сборника 1422 г., составитель которого проявил незауряд-

ную эрудицию,²⁰ сказано: «...аже буду, облазнявсь, криво написал где, или строку переступил в своей грубости и в молодё уме, или в помышлении, или с другом глаголя, или в какове соблажнении, или бестудныя слова глаголющи, или на какой позор смотрячи в забытыя пеступил слово или строку от своего неразумия, то бы вы, отци и братие, не кляните бога ради». Здесь перечислены многие и разнообразные бытовые явления, отвлекавшие его, молодого книгописца, и ставшие причиной ошибок: разговоры при работе, причем и «бесстыдные», какие-то заинтересовавшие его зрелища и другие «соблажнения», заставившие его даже в этой покаянной тираде допустить опisku: «пеступил» вместо «преступил», т. е. перескочил. И это — в очень обстоятельной по содержанию и тщательной приписке, в которой сообщается, что книга писалась «в великую поводу (большое половодье, — *Н. Р.*), коли владыка Семеон преставился». Последние слова, равно как и имя посадника, который был в тот год, написаны кинноварью, так же как фраза о заказчике и имя книгописца — «Микифор». Завершается эта приписка традиционным выражением радости по случаю окончания переписки книги, слова которого написаны попеременно чернилами и кинноварью: «Яко же рад заяц, избывши тенета, тако рад писец, дописав последняго листа ему».

О желательности оптимальных условий работы книгописца свидетельствуют приписки такого типа: «Помози, господи, рабу своему Кузме: дай бог ему рука крепка, а сердце бы ему весело, а око бы ему быстро, а ум тверезв» (Минея 1407 г. из недавно поступившей в ГПБ коллекции В. А. Крылова, № 2). «Крепость руки» подтверждается четким почерком этой книги, хорошее настроение помогает при всякой работе, а «быстрый глаз» — зрительное восприятие оригинала — необходим для успешного списывания. И последнее прошение не лишне, имея в виду такие слова выходной записи Пролога 1425 г.: «И писал книги сия раб божий многогрешный Данило — диакон св. Михаила. А чи буду где помялся или описался в своей грубости, или с другом беседа или попирен (т. е. после пира, с похмелья, — *Н. Р.*), и вы, отци и братие...» — следует обычная просьба об исправлении ошибок. Заключается эта запись пожеланием: «А хто чтеть — чти в разум» (Сн. 839).

Однако не всегда небрежности книгописания объясняются «мирскими» развлечениями — случались и трагические обстоятельства. Писец Минеи 1461 г. предупреждает, что его книга не была просмотрена и правлена; более того, предвидя желаю-

²⁰ В сборнике содержатся многочисленные тематические подборки выписок из сочинений отцов церкви. Одна из них озаглавлена так же, как Изборник Святослава, но содержание ее совсем другое (QI — 312: конец выходной записи отделен от основного текста и хранится в ГПБ под шифром QIV — 53).

щих восполнить этот пробел, он указывает местонахождение оригинала, с которого списывал. Причина этого выясняется в его приписке: «Ох мне Илии, списавшему книгу сию сидящу в железах!» (Пг. 552). За какие-то провинности этот книгописец был закован в «железа» и посажен в тюрьму, но продолжал писать книги даже в этих неблагоприятных условиях.²¹

Приведенные примеры достаточно ярко и разносторонне характеризуют условия труда и отношение к своей деятельности русских книгописцев в XV в. Некоторые из них свидетельствуют, что никакие, даже самые тяжелые, житейские обстоятельства не заглушали в них желания трудиться для распространения книги — трудиться с любовью к своему делу. И возникает вопрос, насколько стимулом такой деятельности русских книгописцев XV в. был профессиональный или читательский интерес к книге.

Для ответа рассмотрим случаи написания книг без указания заказчиков, когда с большой долей вероятности можно предположить не профессиональные, а читательские интересы книгописцев. Подобные примеры можно привести с самого начала XV столетия.

В 1403 г. пекий Онфим, не указавший своей принадлежности к духовному званию, написал в московском Андронникове монастыре книгу, очень близкую по своему составу к Изборнику Святослава. Последний, удовлетворяющий чрезвычайно широким читательским интересам — от поэтики до астрономии, труден для переписки: его текст разбит на множество мелких статей самого разнообразного содержания и конструкции, что требует от переписчика максимального внимания. Однако никаких жалоб на трудности переписки этой книги нет, а исправность ее текста, придающая большое значение именно этому «Онфимову Изборнику» в изучении наследия первой из известных датированных четых книг в России, свидетельствует о внимании и ответственности, с которыми в данном случае книгописец отнесся к своему труду. И нет в нем обычной выходной записи с именами «стяжавших», «повелевших» или «благословивших» создание этой книги. Все это дает основание предполагать, что стимулом к созданию этой книги послужили читательские интересы данного книгописца.

В том же году была написана Лествица, о которой уже говорилось выше в связи с упоминанием существовавшей в Твери

²¹ Неизвестно, какие обстоятельства заставили так же громко вздыхать переписчика пергаменного Стихираря XV в. (Тп. 76): «Ох мне лихого сего писания и еще ох!» — и звать о помощи: «О, святая безмездника, поспешите!». «Безмездниками» (в двойственном числе) здесь названы, вероятно, святые врачи Козьма и Демьян: в их Житии отмечается, что они лечили людей «без мзды». Возможно, что одним из этих имен звали данного книгописца; может быть, призыв о помощи именно к Козьме и Демьяну объясняется и тем, что этот книгописец работал, будучи тяжело больным.

традиции переписывать книги с наиболее авторитетных оригиналов. Следует обратить внимание на одну фразу выходной записи этой книги, в которой также нет упоминания заказчика или «благословившего»: «И умолих о той книзе господина епископа Тверского Арсения с великим желанием и написах сию книгу на боръзе». Желание, читательский интерес этого не назвавшего себя книгописца заставили его не только вымолить ее почитать, но и поспешить переписать (Тм. 9).

Не указали на свою принадлежность к духовенству и не назвали имен своих заказчиков книгописцы: Елисей, переписавший в 1419 г. апокрифическое Хождение Иоанна Богослова, Феодор, включивший в свой сборник, написанный в 1421 г., отрывок Слова о законе и благодати, писец Пролога 1429 г. Евстафий Шепель, назвавший себя «мирским человеком» и некий «Семион Стратилат». Последний пример дает повод для следующего предположения: переписывая в 1453 г. византийскую Хронику Георгия Амартола, где много описаний военных действий, этот книгописец заинтересовался ими и назвал себя по-гречески — словом, означающим, быть может, его социальное положение, — «воин». Это слово могло быть ему знакомым по Житию, житийным иконам и храмам в честь воина-мученика Феодора Стратилата, достаточно распространенным в России XV в. Один из таких храмов сохранился в центре Новгорода до наших дней, а его храмовая икона «Феодор в житии» широко известна. Во всяком случае и здесь усматривается активный читательский интерес книгописца к переписанной им книге исторического содержания. Можно было бы привести еще достаточное число примеров, свидетельствующих о том, что русские книгописцы XV в., как и в предыдущие столетия, менее всего были простыми копиистами, но я ограничусь еще двумя, относящимися ко второй половине XV в., чтобы дополнить картину разнообразия не только репертуара переписанных ими не по заказам, а, вероятно, по собственной инициативе книг, но и видов работы.

Писец Апостола 1468 г. проделал работу гораздо более сложную, чем переписка книги, о чем в выходной записи сказано кратко: «Сий апракос с тетра нового извода преведохом» (ТС-79). Книга «нового извода» была перекомпонована в данном случае на старый лад: Апостол апракосного типа, текст которого располагался в порядке его чтения в церкви в течение года, был для XV в. уже архаизмом. И проделавший это назвал себя весьма кратко: «Грешный Варлаам — его и труд».²²

Вероятно, очень опытным книгописцем был «Федор Климов сын Шарапов» из Углича; от него сохранились две Псалтири,

²² В 1495 г. такой же труд проделал «диак Грядя» в Новгороде «повелением» Михаила Васильевича Кутузова. Варлаам же не называет имени заказчика, что дает основание предполагать, что он сделал перекомпоновку Апостола по собственной инициативе.

написанные в 1485 и 1491 гг. Поля первой из них покрыты иллюстрациями текста — так называемыми «маргинальными», восходящими к древней, еще византийской традиции, представленной в России таким блестящим образом, как Киевская псалтирь 1397 г. Современные искусствоведы не признают художественных достоинств за Угличской псалтирью 1485 г.;²³ однако она является очень важным и весьма показательным памятником истории русской книги. Поэтому на ней подробно остановлюсь в следующей главе, посвященной оформлению русской книги XV в.

Обратимся теперь к авторской работе русских книгописцев XV в. С самого начала истории русской книги существовало три вида такой работы: написание послесловий, в которые иногда перерастали выходные записи, составление компилятивных «изборников», а также сборников — тематических и смешанного содержания. Примеры двух первых из названных видов авторской работы книгописцев находятся в старейших из сохранившихся русских датированных книг — Остромировом евангелии и Изборнике 1076 г.

Послесловие Остромирова евангелия начинается в традиционной, заимствованной из Византии форме, состоящей из двух обязательных и одного необязательного элемента. К первым двум относится благодарение бога за завершение книгописного труда и извинение перед читателями за допущенные при этом ошибки; третий — пожелание добра заказчику книги.

Этот последний элемент писец Остромирова евангелия диакон Григорий развил в пространную биографическую справку о своем заказчике, в которой, желая ему и членам его семьи здоровья на долгие годы, не превозносит каких-либо его достоинств. Копируя в 1073 г. Изборник, переведенный с греческого языка на болгарский лет за полтора до этого, другой диакон — Иоанн переписал и пространную, велеречивую похвалу заказчику книги — болгарскому царю, переадресовав ее русскому князю. От своего имени он не сделал традиционной приписки, ограничившись лишь тем, что назвал имена заказчика-князя и свое да добавил еще загадочную фразу, которую можно понимать как упрек заказчику.²⁴

Примечательно, что приписки типа той, что в оригинале Изборника Святослава, в которых превозносились в витиеватых вы-

²³ Новейший публикатор Киевской псалтири и автор ее монументальнейшего исследования пишет о «незаслуженной известности» и «грубости» иллюстраций Угличской псалтири (Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской псалтири. М., 1978, с. 40).

²⁴ «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори». Эта фраза послужила заглавием статьи акад. Б. А. Рыбакова, в которой доказывается, что это — упрек «к зачинщикам усобицы — младшим братьям великого князя, и в первую очередь Святославу» (в кн.: Изборник Святослава. Сборник статей, с. 220).

ражениях заказчик книги, не стали традицией в русской рукописной книжности последующих веков. Отразившая сложный придворный церемониал болгарского царя, которого современники называли «полугреком», она не соответствовала обычаям русских князей XII—XIV вв., которым в условиях феодальных и иных почти непрерывных войн просто некогда было обзаводиться пышными придворными ритуалами. Пожелания русских книгописцев периода феодальной раздробленности своим заказчикам были гораздо проще и короче, подчас даже несколько фамильярны. «Дай бог ему с святыми покушати?» ужина и обед», — желает, например, книгописец XIII в. своему заказчику — новгородскому архиепископу Клименту.

Московские книжники XV в., действовавшие в соседних тогда с Русским государством Великом княжестве Литовском и Польском королевстве, иногда писали Послесловия — похвалы их правителям. Это можно объяснить местными условиями — существованием развитого придворного ритуала, в котором на последнюю роль играли писатели и поэты — авторы панегириков польским королям и литовским князьям. Для примера процитирую упоминавшуюся выше приписку к книге, заказанной в 1420 г. смоленским епископом Герасимом.

Автор этой пространнейшей приписки утверждает, что литовскому князю Витовту «крепко служили» великие князья московский, тверской, рязанский, Новгород и Псков. «Спроста рещи — весь руський язык и дары подаваху ему; и тако служаху ему и вьсточнии великии царь татарьский, тако же и немецкий великий князь служаху ему со всеми грады своими». Далее подвластными Витовту называются молдавский, «бесарабьский» и «волошкий» господа и даже чешский король. «А от тех великих земель (так!) которому осподарю повелеваше к собе быти — они без всякого ослушания прихождаху к нему от своих земель» и т. д. и т. п.²⁵ И это непомерное желание превознести, вопреки исторической истине, Витовта соответствовало политическим симпатиям заказчика данной книги.

Подобные примеры в книгах XV в., написанных в Московской Руси, редки. Даже целая плеяда роскошных книг этого столетия не дает сведений о своих заказчиках и исполнителях — они названы по именам позднейших владельцев. Таковы так называемое Морозовское евангелие, написанное, как предполагают, по заказу главы русской церкви — митрополита Фотия, Евангелие Хитрово, в миниатюрах которого находят руку самого Андрея Рублева, и анонимное Евангелие Андронникова монастыря. Лишь в одном случае — роскошном, но уступающем по своим художественным достоинствам названным Евангелии 1495 г., заказанном новго-

²⁵ FI — 276, л. 153 об.—154. См.: Соболевский А. И. Запись начала XV в. — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, Киев, 1895, кн. IX, отд. II, с. 219—222.

родским архиепископом Геннадием в Валаамском монастыре, есть настоящий панегирик заказчику, «его же благословением архиепископия его мир глубок приемлет, церковь же божия православная одеждоу свыше истканною одеяся — исправлением его и учением — и светлеется паче солнечных зарей». И эти витиеватые, пышные слова сказаны не каким-нибудь знаменитым в то время писателем — мастером «плетения словес», а, вероятно, простым книгописцем, написавшим тайнописью лишь свое имя — «Закхей», которым и называется эта книга (24.4.26).

Приписки, адресованные русскими книгописцами XV в. заказчикам книги, пестрят просторечием, отражают подчас не официально-рабоченные, а какие-то короткие, дружеские отношения с ними, невзирая на то, что в подавляющем большинстве случаев книгописец стоял на более низкой иерархической ступени, чем его заказчик. В качестве примера приведу выходную запись Исалтири следованной 1481 г., сделанную, вероятно, ее главным писцом от имени всех (книга написана разными почерками).

«Приими, господине, приими весело твоего желания требование. Любве бо закон превзыдох, твоею святынею понужен — господина моего игумена Логгина. Аще, господине, и закоснехом небрежениемъ, ума скудостию, но обаче трудне края достигохом и опашь осязахом в лето 6989-е...» (Приими, господин, прими с радостью исполнение твоего желания, к которому побужден я был тобою, игуменом моим Логгином, превзойдя закон любви. Если, господин, мы и закоснели в нерадении и скудости ума, но все-таки достигли конца и осязали его в год 6989-й). В этой тираде просто поражает необыкновенный бытовизм, которым — и притом чрезвычайно образно — отмечен момент окончания труда по переписке книги. Вместо традиционного сравнения книгописца с путешественником, вернувшимся домой, или мореплавателем, приставшим в гавани, или, наконец, с зайцем, избегнувшим капкана, здесь говорится, что книгописцы добрались «до края» и пощупали «хвост» книги! («опашь осязахом»). И далее в молитве, сочиненной, по всей видимости, самим книгописцем, адресованной уже не заказчику этой книги, а каждому, кто вслух прочтет («проглаголет») ее (в соответствующем месте написано «пмярек»), — опять просторечие и на сей раз в словах, обращенных к самому богу: «Покланяю главу мою грешную и колени прегыбаю и тлкну в нетрудное твое милосердие, аще и бестудне, яко длъжный тмоу талант или блудный сын и мытарь». Наряду с нагромождением сюжетов евангельских притч — образов должника крупной суммы (в тысячу «талантов»), заблудшего сына и сборщика податей — здесь говорится, что милосердие не стоит богу труда и что в него можно «толкнуться» без стыда (Овч. 67).

После этого не кажется неожиданной приписка писца Минеи XV в., напоминающая пародию на концовку-рефрен многих молитв, прославляющую св. Троицу: «Яли отца у сена. Отца — кнудом, а сына — двема... Вился хмель по деревью — умному на

потеху, а безумному на работу» (Брс. 1206). И от таких книгописцев можно ожидать переписки памятников жанра «Моления Даниила Заточника», в котором пародия на книги «священного писания» чередуется с фольклорными, скоморошескими элементами.²⁶ Приведенные примеры показывают, как и в каких жанрах, помимо выходных записей, книгописцы становились сочинителями и какой вклад могли внести в историю не только русской книги, но и отечественной литературы.

Второй вид сочинительства русских книгописцев XV в. — составление компилятивных «Изборников», восходит, как уже было сказано, к Изборнику 1076 г. Сама эта книга не получила традиции — ее полных списков последующих столетий, в том числе XV в., не сохранилось. Однако способ составления Изборников «от многих книг», как об этом говорит составитель Изборника 1076 г., получил тогда распространение.

Важно отметить, что при составлении Изборников XV в. использовался не Изборник 1076 г., а Изборник Святослава. Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, Изборник 1076 г., составленный «грешным Иоанном» не по заказу, но для себя самого, возможно, в наставление сыну, хранился, скорее всего, у его потомков, а не в княжеской или монастырской библиотеке, и потому был недоступен для списывания.²⁷ Во-вторых, — и это главное — в глазах древнерусских книжников Изборник Святослава был несравнимо более авторитетен, чем книга какого-то неизвестного лица. В заглавии этого княжеского Изборника сказано, что он составлен «от мног отец толкования» важнейших богослужебных книг, что подтверждается импозантными фронтисписами, настольчиво, в четырех вариантах, изображающими отцов церкви в торжественном интерьере. Однако это не мешало русским книжникам XV в. весьма свободно обращаться с этой книгой. Как уже было сказано, отдельные ее части отрывались друг от друга и компилировались с выписками из других «книг многих». И в дальнейшем чаще копировался не Изборник Святослава, а его компиляции с другими памятниками, сделанные в XV в.

Наконец, третий вид творчества русских книгописцев — создание не изборников-антологий по тематическому принципу, пре-

²⁶ Лихачев Д. С. Слово Даниила Заточника. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, с. 327. Списки «Слова», или «Моления», Даниила Заточника ранее XVI в. пока что неизвестны. Но это вовсе не значит, что их в XV в. не было. Без переписки или по крайней мере хранения его списков в этом столетии он вряд ли бы дошел до последующих веков.

²⁷ Розов Н. Н. Изборник 1076 года как памятник истории русской книги. — ИОЛЯ, 1976, XXXV, с. 549. Сторонник распространенного среди советских историков мнения об «аристократическом» происхождении этой книги Г. Н. Моисеева предполагает, что она хранилась у потомков Святослава, к которым относится его род владельца Изборника 1076 г. в XVIII в. кп. М. М. Щербатова (Моисеева Г. Н. Из истории «Изборника» 1076 г. — ТОДРЛ, 1979, т. XXXIII, с. 374).

имущественно в правоучительных целях, а так называемых сборников смешанного содержания, составленных не из выписок, а из текстов, переписанных целиком, должен быть рассмотрен особо. Именно в таких в подавляющем большинстве своем анонимных сборниках сохранились те памятники древнерусской литературы, которые дают основание советским литературоведам утверждать, что именно с XV в. начинается «оригинальная русская беллетристика».²⁸ Но рассмотреть вопрос о происхождении и содержании таких сборников следует позднее, после изложения более или менее полной картины производства и распространения книги в России в XV столетии, и лучше сделать это при рассмотрении библиотек данного столетия: составление в них такого рода сборников особенно выделяется на общем фоне религиозно-правоучительного репертуара книг этих библиотек. Последнее в наши дни привлекает внимание советских литературоведов, собравших и обобщивших о таких сборниках уже значительный материал. Он и будет рассмотрен в последней главе предлагаемого исследования.

В заключение остановимся на географии распространения русской книги в XV в. Если сравнить карту-схему мест происхождения и путей миграции русских книг XI—XIV вв.²⁹ с таковой же, относящейся к XV в., то обращают на себя внимание следующие отличия.

Во-первых, судя по числу дошедших до нас экземпляров, сохранили и даже увеличили удельный вес в производстве книги такие старейшие центры, как Киев, Тверь, Смоленск. Во-вторых — и это главное — на библиогеографической карте России XV в. заметно возросло число городов ее юго-западного и северо-восточного регионов, откуда происходят многие из сохранившихся книг того времени, и общее число таких пунктов на этой карте-схеме заметно возросло. Стала гуще и сеть линий, показывающих пути миграции книги, и это при прекратившейся уже к тому времени массовой миграции населения, которая во времена феодальной раздробленности была одной из главных причин миграции книг.

Как уже было отмечено, в XV в. возродилось значение Киева в производстве и распространении книги. Этот город — «мать городов русских» — не только продолжал снабжать оригиналами книгописцев северо-восточной Руси, но и сам заметно интенсифицировал книгоделание. При этом книги писались не в одном

²⁸ Лихачев Д. С. Сюжетное повествование, стоящее вне жанровых систем XI—XIII вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 195.

²⁹ Розов Н. Н. К определению понятия «книга» в историческом аспекте по русским материалам. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 16—17, вклейка.

лишь Киево-Печерском, но и в других монастырях, и, судя по сохранившимся экземплярам, книги далеко не исключительно богослужебные. То же относится и к Твери, где в самом начале XV в., как уже говорилось, была создана новая редакция Киево-Печерского патерика, сохранившаяся в списке 1406 г. Особо следует отметить оживление книгописания в городах юго-западной Руси, входивших в XV в. в состав Великого княжества Литовского и королевства Польского: сохранились книги, написанные в данном столетии в Витебске, Владимире-Волинском, Гродно, Коломые, Каменце-Подольском, Луцке, Львове, Остроге, Смоленске, Слуцке, Ужгороде и их окрестностях. Что же касается городов северо-восточной Руси, то от XV в. дошли до нас книги, написанные в таких небольших или отдаленных от крупных культурных центров городах, как Белозерск, Галич Костромской, Вологда, Кашин, Козлов, Малоярославец, Старая Руса, Углич, Устюг Великий, Чухлома.

После того что было сказано об активной деятельности новгородских «владык» по снабжению книгами церковей и монастырей их обширнейшей епархии, можно ожидать большого числа книг XV в., написанных в Новгороде. И эти ожидания оправдываются. Однако в отношении к данному столетию нельзя уже сказать, что большая часть сохранившихся книг — новгородского происхождения, как это установлено для предыдущих четырех веков. Это следует рассматривать как следствие двух причин, обусловленных внутриполитическим положением России в XV в. Первая — постепенная утрата, а к концу этого столетия и ликвидация самостоятельности Новгородской земли, что снизило ее активность в культурной жизни страны. Вторая, тесно связанная с первой, — прекращение к концу XV в. книгопроизводственной деятельности «владычня двора», где была в течение пяти веков сконцентрирована эта деятельность, при явно недостаточной активности участия в ней многочисленных монастырей Новгородской земли. Книги, написанные в них в XV в., насчитываются единицами.³⁰ В то же время, точнее еще с конца предыдущего столетия, в Москве и ее окрестностях началась активная книгопроизводственная деятельность основателей монастырей, в первую очередь Сергия Радонежского и его учеников. Один из них — Кирилл, бывший непродолжительное время настоятелем Симонова монастыря, основанного племянником Сергия, удалившись в далекий Белозерский край, основал здесь, в пределах Новгородской земли, свой монастырь и сразу же стал создавать при нем библиотеку. На книгописной деятельности Сергия Радонеж-

³⁰ Подробнее см.: Розов Н. Н. Искусство книги Древней Руси и библиография. По новгородско-псковским материалам. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 24—51. Здесь же карта-схема мест происхождения рукописных книг Софийской библиотеки и маршрутов их миграции.

ского и Кирилла Белозерского остановлюсь подробнее в главе, посвященной русским библиотекам XV в.; сейчас же только обращу внимание на Кирилло-Белозерскую библиотеку, отдельные книги которой XV в. уже фигурировали неоднократно выше в качестве примера того, какой интенсивной была книгопроизводительная деятельность данного монастыря Новгородской епархии, но московской традиции. Однако другая знаменитая северная русская библиотека — соловецкая — обязана своим началом Новгороду, и это было последним фактом традиционной «естественной» миграции книги, завершающим полутысячелетнюю историю книги этого крупнейшего культурного центра Севера России. В то же время усилилась «принудительная» миграция — вывоз книг из Новгорода при военных походах на него московских великих князей, продолженная в следующем столетии и приведшая к тому, что едва ли не основной фонд русской книги XI—XV вв., сохраненный Новгородом, переместился в Москву.

Оживлению миграции книг внутри страны содействовало появление в России книжного рынка: свидетельства его существования находятся в записях и приписках на книгах XV в. Они будут рассмотрены ниже, в специальной главе предлагаемого исследования.

Что же касается миграции книг из-за рубежа, то в ней в XV в. произошли изменения в направлении и мощности тех традиционных книжных потоков, которые питали русскую книгу с самого начала ее существования. Русские книжники по-прежнему старались раздобыть книги из афонских, палестинских и константинопольских монастырей или скопировать их — переписать тщательно, слово в слово, вплоть до выходных записей. Память о древних зарубежных оригиналах таких книг сохранялась долго: «Принесли-де тот Устав того ж Савина монастыря начальники Савва и Варсонуфий с собою от грек», — отмечено почерком XVII в. на книге XV в.³¹ Это были книги церковно-канонические и четьи монашеского круга чтения.³²

Вне этого круга находились четьи книги зарубежного происхождения, попадавшие в Россию другим традиционным путем — при посредстве династических связей русских князей. Здесь можно привести лишь один, но в высшей степени убедительный пример — византийские книги, которые привезла с собой жена

³¹ Усп. п. 5. Речь идет об основателях тверского Сретенского монастыря. Однако датировать точно эту книгу по названным именам невозможно: в первой половине XV в. два игумена данного монастыря носили имя Савва.

³² Вздорнов Г. И. Описание русских и южнославянских рукописей XIV—начала XV в., написанных в Константинополе и на Афоне и посланных на Русь. — ТОДРЛ. 1968, т. XXII, с. 184—198 (приводятся сведения о 16 русских книгах XV в. с указанием их оригиналов и подробнейшей библиографией).

Ивана III София Палеолог, положившие начало библиотеке московских царей.³³

Мощный поток зарубежного книжного влияния хлынул в Россию во время завоевания турками Балканского полуострова. Не очень многочисленные, но опытные и энергичные болгарские и сербские книжники, такие, как митрополиты Киприан и Григорий Цамблак, монах Пахомий Логофет и др., немало содействовали распространению на русскую литературу XV в. так называемого «второго южнославянского влияния», отразившегося как в содержании, так и в художественном оформлении книги того времени. Памятники русской литературы стали переписываться попеременно с южнославянскими, в заставках и инициалах книг быстро и повсеместно распространился «балканский» орнамент. Так, например, в Торжественнике 1444 г. сочинения митрополита Илариона соседствуют, помимо проповедей Иоанна Златоуста, с произведениями болгарских писателей — Иоанна экзарха и Климента Охридского (Чд. 262). Важно отметить, что деятельность этих книжников развивалась одновременно как в центре Московского государства, так и на его периферии, в частности в бывших тогда еще под властью Литвы и Польши западнорусских землях, где православную церковь возглавлял Григорий Цамблак.

Главное же заключалось в том, что «второе южнославянское влияние» пришло в нашу страну тогда, когда существовала уже интенсивная миграция книг — международная и внутри страны, бывшая следствием сложившихся к XV в. социально-экономических и внутриполитических условий, о которых было сказано в начале этой главы. И в международном книгообмене участвовали тогда книжники не только таких старинных и крупных центров, как Новгород, Тверь, Москва, но и отдаленных северных монастырей. Приведу один достаточно убедительный пример — выходную запись книги сочинений Григория Богослова 1479 г. (Пг. 989).

В ней говорится, что оригинал был привезен «от Сербския земли» в Спасский монастырь на Каменном острове Кубенского озера, игумен которого поручил его переписку «искусно разумеющему» в этом деле книгописцу. Далее эта книга попала в Кирилло-Белозерский монастырь, куда ее привез игумен Трифон и где ее «перевели» выходцы из Троице-Сергиева монастыря Симон Картмазов и Спиридон, а переписал некий «Достофей». Все это подробно, с перечнем имен лиц, участвовавших в миграции, переводе и переписке книги, указал переписчик данной книги — некто «Олешка Палкин», которого явно заинтересовали ее пере-

³³ Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Это монументальное исследование до сих пор не утратило своей ценности, несмотря на то что его автор проявляет заметный скептицизм. В печати периодически поднимается вопрос о поисках этой библиотеки; однако все усилия остаются тщетными, хотя поиски идут уже полтора столетия.

петии.³⁴ И такой интерес у многих книжников северных монастырей вызвала книга не церковно-каноническая, а четья, что дает основание предположить в данном случае существование читательского интереса к книге, который стал причиной ее миграции, как международной, так и местной — в пределах Белозерского края.

Следует отметить, что книги, попадавшие в Россию в XV в. из Балканских стран, переписывались здесь не менее тщательно, чем книги из греческих монастырей. Об этом свидетельствует, например, выходная запись списка сочинений Афанасия Александрийского, сделанного в 1489 г. по заказу упоминавшегося выше Герасима Поповки (помощника новгородского архиепископа Геннадия в книжном деле) его братом, впоследствии известным переводчиком и дипломатом Дмитрием Герасимовым: «А писаны с списка старые книги болгарские, а писати есми велел слово в слово» (Пг. 968).

Имеются свидетельства еще об одной причине миграции книг в России XV в. — о библиофилии. В дополнение к приведенным выше сведениям о книголюбях того времени процитирую приписку сборника житий святых 1432 г. В ней сказано, что книга была написана на Афоне, в Лавре св. Афанасия неким Авраамием «русином» и «перенесена бысть от Греческого царства на Русь... в Тверь... при господине отци учителя и наставници и многомилостивом и братолюбивом и книголюбивом (подчеркнуто мною, — Н. Р.) Саве игумене» (Ег. 543). Быть может, и эпитеты, которыми так щедро награжден этот игумен, были вызваны симпатией данного книгописца к его книголюбию? К библиофилам XV в. из низших слоев духовного сословия можно отнести «Самуила диака с Дубкова», который отметил, что Хронограф в 1494 г. он списал в Пскове «себе на утешение» (Рм. 453). Отметим, что утешался этот книгописец не житиями святых, а книгой по всемирной истории.

В заключение обзора особенностей русской библиогеографии XV в. отмечу еще один вид миграции — не книг, а книгописцев. Многие из них называли себя «шестниками» — словом, значение которого до конца еще не выяснено, но употребление его книгописцами XV в. свидетельствует в пользу одного из предполагаемых значений — «пришелец».³⁵ Таковыми в выходных записях

³⁴ Им посвящена специальная статья современной болгарской исследовательницы, см.: Иванова Климентина. Историята на един южнославянский ръкопис в руската книжнина през XV в. — Българско-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977, с. 158—168.

³⁵ В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. 3, СПб., 1903, ст. 1605—1606) указано четыре значения этого слова и только одно из них — «слуга княжеский» — не под вопросом. Приведенные примеры ставят под сомнение это значение (диаконы не могли быть княжескими слугами) и дают основание снять вопрос о значении слова «шестник» («пришелец»), для обоснования которого Срезневский приводит фразу из новгородской летописи: «не хотим шестника

себя назвали: иеродиакон Игнатий — ярославец, переписавший в Новгороде в 1456 г. «повелением» посадника Василия Степановича Устав церковный (31.6.8); диаконы из Твери — Борис, написавший в 1463 г. Евангелие в Пскове «повелением» двух старост, и Андрей, переписавший в 1474 г. Златоструй в Киеве «повелением» архимандрита Печерского монастыря. Неизвестно, какие причины заставили этих книгописцев работать далеко от родных мест, однако не случайно, что два из них выполнили заказы не представителей церковной или монастырской администрации, а «мирских» людей, хотя и облеченных административной (посадник) или церковной (старосты) властью. Такие странствующие мастера книги, независимые от церковной или монастырской администрации, могли быть среди книгописцев-профессионалов своего рода «свободными художниками». Если это так, то мы встречаемся с еще одним новым в истории русской книги явлением XV в. Из книгописцев, не указавших своей принадлежности к духовному званию, к этой же категории должен быть отнесен и «смольянин» Антон Семенов сын Челюсткин, переписавший в 1487 г. книгу в Слуцке, в одном из местных монастырей, где, вероятно, недоставало собственных мастеров этого дела.³⁶ «Шестником» назвал себя и игумен Перынского монастыря в Новгороде; в выходной записи Минеи 1438 г. он, как тогда полагалось, кается в своих ошибках, сделанных «с другом глаголя или дети уча» (Сф. 191). Последнее — редкостная среди причин небрежности, указанных в записях и приписках русских книгописцев XV в. — дает основание для такого предположения: не являлись ли такие книгописцы одновременно и учителями грамоты и книгописания вроде появившихся в XVII в. на Украине так называемых «мандривних диаков»? Такое, казалось бы, слишком далеко идущее предположение находит подтверждение в биографических сведениях об одном книгописце XV в. — Мартиниане, ученике Кирилла Белозерского, имя которого значится как писца в Каноннике 1423 г. В Житии Мартиниана сказано, что он учился грамоте у «мирского диака» Алексея, делом которого было «книги писати и учити ученики грамотныя хитрости» (Пг. 739, л. 3). И если это предположение в дальнейшем подтвердится еще новыми фактами, то откроется возможность выяснить еще одну сторону деятельности русских книгописцев XV в. — педагогическую.

Таковы некоторые дополнительные факты, наблюдения и предположения касательно деятельности русских книгописцев,

владыкою», т. е. новгородцы хотели иметь в качестве архиепископа не пришельца, а коренного жителя их земли.

³⁶ Последнему предположению противоречит факт написания в том же Слуцке в 1462 г. книги «повелением» игумена другого монастыря — новгородца по происхождению (это подчеркнуто в выходной записи), но мастером явно местным — диаконом Колядой (13.3.21). Отметим, что в данном случае «шестником» оказался не писец, а заказчик книги. И этот случай следует отнести к фактам деятельности новгородских книжников в соседнем Литовском княжестве.

освещающие ее новые стороны, новые грани. Отсутствие подобных сведений в источниках истории русской книги предыдущих веков также дает основание отнести такое расширение деятельности книгописцев к явлениям и особенностям именно XV в.

Интенсификация миграции книги и ее мастеров внутри России и расширение книжных связей с народами зарубежных, в том числе южнославянских, стран внесли весомый вклад в формирование репертуара русской книги. Неизгладимую печать наложили они и на внешность русской книги XV в. — на ее письмо и художественное оформление. Но если в содержании этой книги не было противостояния оригинальных и привнесенных, зарубежных, памятников русским, то в ее художественном оформлении оно наблюдается. Памятники южнославянской литературы так быстро и органически вошли в ткань русской книжности XV в. потому, что в большинстве своем были однородны по жанрам с памятниками русской литературы того времени. Жития болгарских и сербских святых, сочинения писателей этих стран, преимущественно ораторского жанра, органически вошли в состав традиционных для русской книжности сборников — Прологов, Торжественников, Минеи четых. «Балканский» же орнамент был трансплантирован на почву вековых традиций письма и оформления русской книги. Устойчивость этих традиций была обусловлена их тесной связью с другими областями древнерусского искусства — монументальной и станковой живописью, которые постоянно, с самого начала истории русской книги, взаимодействовали с книжной миниатюрой и народным прикладным искусством, еще более сильно влиявшим на орнаментальное оформление книги. Как и в чем, в какой степени в каждом из компонентов оформления русской книги XV в. отразилось это противостояние и какие оно дало результаты — об этом будет рассказано в следующей главе предлагаемого исследования.

Художественное оформление и иллюстрирование русской книги XV в.

Во внешнем облике русской книги в XV в. произошли настолько разнообразные и подчас радикальные изменения, что их рассмотрение необходимо сопровождать экскурсами в предшествующие и последующие столетия более пространными, чем это делалось до сих пор. Такой план изложения предлагаемой главы диктуется также необходимостью показать, насколько художественный облик русской книги XV в. является итогом ее эволюции в предшествующие четыре столетия и какие его элементы получили дальнейшее развитие в XVI в., накануне появления в России книгопечатания.

Изменения претерпели все элементы художественного оформления русской книги XV в., и в наибольшей степени — ее орнаментация. Достаточно сказать, что в течение одного лишь столетия одновременно существовало и развивалось до пяти стилей орнамента — случай, в истории русской рукописной книги беспрецедентный! И среди них были как традиционные — затухающие и возрождающиеся, так и новые, занесенные из-за рубежа, и те, что являлись результатом постоянного влияния местного народного прикладного искусства. Много новшеств появилось и в книжной миниатюре XV в.; наблюдаются, в частности, случаи перехода изображения автора в иллюстрацию содержания его произведения. Наконец, от XV в. сохранились иллюстрированные книги исторического содержания — прямые предки знаменитых книжных колоссов следующего столетия, «лицевых» летописных сводов. Все это дает основание остановиться подробно на каждом из элементов художественного оформления русской книги XV в.

В дореволюционном русском и советском искусствознании три основных элемента художественного убранства русской рукописной книги — орнаментация, миниатюра и иллюстрация — чаще всего изучаются по отдельности. И при этом подчас нет четкости в разграничении названных терминов. Так, «миниатюрой» назы-

вают то целиком орнаментированные детали художественного убранства книги, например фронтисписы, то изображения, полностью лишенные орнаментации. В книговедческом аспекте компоненты художественного убранства книги следует рассматривать комплексно, но при четком разграничении терминов в соответствии с ролью каждого из названных компонентов в конструкции книги и интерпретации текста ее создателями. С этой целью, в некотором противоречии со сложившейся в искусствоведческой литературе традицией, применительно к материалу предлагаемой монографии — русской книге XV в. будем придерживаться следующего значения терминов: орнаментация — разрисовка фронтисписов, заставок и инициалов; миниатюра — изображение, преимущественно автора книги, занимающее всю площадь страницы; иллюстрация — изображение, раскрывающее трактовку текста писцом или рисовальщиком книги и направляющее его понимание читателем. В сохранившихся русских книгах XV в. иллюстрации размещаются преимущественно не на отдельных листах, а в разрывах текста и на полях.

Начало изучению художественного оформления и иллюстрации русской рукописной книги было положено такими корифеями и энтузиастами изучения культуры Древней Руси, как Ф. И. Буслаев и В. В. Стасов. Много было сделано для облегчения и популяризации изучения искусства русской книги и учеными хранителями крупнейших собраний рукописной книги. Один из них — хранитель Отдела рукописей тогдашней Императорской Публичной библиотеки, крупный ученый-археограф, впоследствии академик, А. Ф. Бычков — организовал в 1856 г. постоянную выставку славянских и русских рукописных книг XI—XVIII вв., привлекающую всеобщее внимание. Выставка послужила стимулом для изучения художественного оформления славянской и русской рукописной книги другим сотрудником ИПБ — В. В. Стасовым. В результате 30-летнего труда появился монументальнейший альбом «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (СПб., 1887) и ряд статей В. В. Стасова, посвященных художественному оформлению славянских и русских рукописных книг.

В древнерусском книжном орнаменте В. В. Стасов отмечал отражение прикладного искусства и народного быта. В «тератологическом» («чудовищном»), как его назвал Буслаев, орнаменте инициалов одного Евангелия XIV в. он усмотрел, например, сцены ритуала древнерусского языческого культа.¹

Альбом Стасова сразу вызвал огромный интерес, который проявился в том, что уже на первый его выпуск (издание выходило частями) появилась рецензия Ф. И. Буслаева.² Завершение изда-

¹ Стасов В. В. Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей. — Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1884, № 49.

² Журн. Мин-ва народного просвещения, 1884, май, с. 54—104.

Ший альбома Стасова было отмечено развернутой рецензией известного ученого-слависта академика И. В. Ягича.³ Не приуменьшая заслуг автора в изучении славянского и русского искусства, оба рецензента отметили случаи противоречия его датировки и локализации памятников исторической географии и данным лингвистического анализа.

Локализация материала действительно является уязвимым местом альбома Стасова. Так, например, в разделе «Севернорусский орнамент», в перечне мест происхождения книг, наряду с городами — Новгородом и Псковом — назван регион «Северное поморье». И эта рубрика заполнена материалом, извлеченным из двух старообрядческих книг поморского письма XVIII и XIX вв. (табл. 79 и 80), в то время как на этой территории, входившей некогда в состав Новгородской земли, книги писались еще в XIII—XV вв. И некоторые из них, богато орнаментированные, могут стать предметом искусствоведческого анализа.⁴ Вызывает сомнение рубрика «Белозерск»: на соответствующей таблице (№ 78) представлены образцы орнаментации заставок и инициалов книг XV—XVII вв. только из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, унаследовавшего, как было сказано, московскую книжную традицию. Вероятно, В. В. Стасову не были известны орнаментированные книги, созданные в самом Белозерске; в числе их есть и книги XV в., например Устав церковный 1466 г. (Щк. 315).

Русская книга XV в. в альбоме Стасова представлена с достаточной полнотой: из 170 русских рукописных книг XI—XVIII вв. 27 отнесены им к данному столетию. На 15 из них обозначена дата написания, на 11 — место; остальные локализованы преимущественно по местам их нахождения в последующие века. Датировка и локализация остальных книг XV в. в альбоме Стасова требует проверки — на базе палеографического и лингвистического анализа современными методами и средствами, как это сделано в Предварительном списке славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР.⁵ Кроме того, локализация книжного орнамента должна быть связана с изучением других видов искусства того или иного региона, как об этом за 20 с лишним лет до выхода в свет альбома Стасова писал Ф. И. Буслаев.

«Стиль этих украшений (речь идет о заставках и инициалах, — Н. Р.) вполне соответствует современному им стилю не только живописи, но и архитектуры, скульптуры, литейного и резного искусства... Кто желал бы составить себе понятие о господствовавших у нас в старину стилях, тот может судить о них по укра-

³ Ягич И. В. Труд В. В. Стасова «Славянский и восточный орнамент». — Вестник изящных искусств, 1888, т. VI, вып. 2, с. 161—166, 170—178.

⁴ Например, Псалтирь 1296 г. (Сн. 235).

⁵ Археогр. ежег. за 1965 год. М., 1966, с. 177—272 (опубликованы сведения о славянских и русских книгах XI—XIV вв.; сведения о таких XV в. готовятся к печати).

шению рукописей». ⁶ В наши дни, когда стали интенсивно изучаться местные художественные школы живописи и прикладного искусства, причем тех же регионов, где создавалась и рукописная книга, локализация последней — на основании данных палеографического и лингвистического анализа текста — должна сочетаться с изучением отмеченных Ф. И. Буслаевым связей.

Графический анализ орнаментации русских рукописных книг с локализацией происхождения ее отдельных элементов был сделан выдающимся ученым, филологом-славистом В. Н. Щепкиным. Его определения основных стилей этой орнаментации — «византийский», «тератологический» и «балканский», «неовизантийский» и «старопечатный», базирующиеся на широком и глубоком изучении истории книги — зарубежной и русской, приняты в современном искусствознании и имеют все основания для применения в советском книговедении. Что касается периода истории русской книги, являющегося объектом рассмотрения в предлагаемом исследовании, то ключевым является следующее положение: «югославянское влияние вытесняет тератологию в западнорусском, Московском и Новгородском государстве с начала XV в.; взамен того распространяются орнаменты двух стилей: нововизантийский и балканский». ⁷

В советском искусствознании в последнее тридцатилетие отмечается интенсивное развитие интереса к художественному оформлению древнерусской рукописной книги. Творчески осваивая и развивая лучшие традиции дореволюционного искусствознания, советские искусствоведы, обращаясь к рукописной книге, стремятся к комплексному изучению элементов ее художественного оформления, хотя продолжают и отдельные ее исследования. К комплексным исследованиям относятся монографии старейшего советского искусствоведа А. Н. Свирина (1886—1976) и О. И. Подобедовой; к отдельным — работы Т. Б. Уховой, О. С. Поповой, Т. В. Ильиной и других молодых исследователей. ⁸ Центром комплексного изучения искусства рукописной книги в настоящее время является Сектор истории древнерусского искусства Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания в Москве. Уделявший всегда большое внимание искусству книги Древней Руси в своем периодическом издании «Древнерусское искусство», этот сектор посвятил два его выпуска специально рукописной книге, предоставив возможность осветить самые разнообразные аспекты изучения этого искусства представителям различных историко-филологических наук.

Эволюция от отдельного изучения элементов художественного убранства русской рукописной книги к комплексному на-

⁶ Буслаев Ф. И. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии. — Современная летопись, 1863, № 9, с. 14.

⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 71.

⁸ Ссылки на работы перечисленных авторов будут приведены в дальнейшем.

глядно представлена двумя монографиями А. Н. Свирина. Назвав первую из них «Древнерусская миниатюра» (М., 1950), он достаточно подробно исследует в ней и остальные компоненты этого убранства, в том числе орнамент. Дальнейшее развитие этого направления дало ему основание назвать вторую монографию иначе, ближе к материалу ее изучения: «Искусство книги Древней Руси» (М., 1964).

* * *

Старейшие из сохранившихся до нашего времени русские книги свидетельствуют о том, что уже в XI в. их мастера освоили основные средства художественного оформления своей продукции, известные в истории византийской и южнославянской книги, а отчасти западноевропейской и восточной. И все элементы художественного убранства книги они воспринимали комплексно, как единое целое: в каждой из древнейших русских книг — и в «богатой», изготовлявшейся по заказам лиц духовной и светской администрации, и «ремесленной», делавшейся книгописцами без участия художников, — обязательно присутствуют по крайней мере два из трех видов орнаментации книги — разрисованные заставки и инициалы. И в них гораздо больше, чем в миниатюре, проявилась самостоятельность творчества русских мастеров книги, причем в инициалах — раньше и полнее. Объяснить это можно так.

В богослужебной книге, которая украшалась всегда особенно тщательно, отдельные элементы художественного убранства по-разному соотносились с окружающей их средой. Миниатюры были связаны с иконами, которые считались священными предметами и им воздавались ритуальные почести. И в книжной миниатюре меньше всего приходится ожидать импровизации, самостоятельного творчества русских художников. Да и сама та книга, которая оформлялась наиболее пышно — на престольное Евангелие — была наполовину предметом культа: при ритуальных выносах перед ней несли свечи, ей кадили, ее целовали, как иконы. Поэтому оформление на престольных Евангелий начиналось с досок переплета, которые часто «оковывались» золотыми и серебряными окладами, украшались драгоценными камнями. Это делало именно данную книгу наиболее соблазнительной для грабителей и послужило причиной разрушения многих ее экземпляров, которые после «одрания» (по свидетельству многочисленных летописей) окладов рассыпались по листам и тетрадам. Поэтому от первых веков существования русской книги сохранился один лишь драгоценный оклад, переделанный в 1551 г.⁹

⁹ Симоны П. Мстиславово евангелие XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1910. От первоначального оклада этой книги, сделанного, согласно записи в ней, в Константинополе, сохранились лишь две золотые пластинки с изображениями апостолов, выполненные в технике так называемой перегородчатой эмали, которая оказала сильное влияние на орнаментальное оформление и миниатюры старейших русских книг.

Аналогии заставкам, особенно первого в истории русской книги стиля — «старовизантийского», с его эмальерной техникой отделки деталей, находились также в предметах культа, памятниках ювелирного искусства — на металлических окладах тех же напрестольных евангелий и икон, в орнаментации церковной утвари. Относительно заглавных букв — инициалов, которые истари были необходимым средством рубрикации текста, вопрос об источниках приходится решать иначе. Среди предметов, окружавших старинную книгу, аналогии им находились только в однородной среде — в оригиналах, с которых списывали и разрисовывали книги, и в этом заключались гораздо большие потенциальные возможности импровизации и творчества в инициалах, чем в заставках и миниатюрах.

Убедительной иллюстрацией всему сказанному является старейшая из сохранившихся русских датированных книг — Остромирово евангелие 1057 г. Многочисленные заставки этой книги копируют византийские образцы как в своей иерархии (большие нарисованы в начале четырех частей основного текста, малые — в его дополнительной части), так и в контурах и раскраске. Миниатюры В. В. Стасов считал «чисто византийскими», но в инициалах отметил особенности, которых нет в византийской книге данного и предшествующих веков.¹⁰ Современные исследователи отмечают в миниатюрах Остромирова евангелия заимствования из художественного убранства и иконографии западноевропейской книги.¹¹

Интересное и весьма значительное в истории оформления русской книги явление наблюдается в тех случаях, когда книгописцы обходились без художников и сами рисовали необходимые элементы орнаментального оформления своих изданий. Таковыми являются новгородские Минеи рубежа XI и XII вв. Эти, как и другие многотомные книги, уже тогда изготовлялись не мастерами-каллиграфами, в большинстве известных случаев представителями низших ступеней церковной иерархии при участии художников-оформителей, а артелью книгописцев, которые рисовали их заставки и инициалы сами — в меру своих способностей рисовальщиков, в пределах своей «орнаментальной эрудиции». В инициалах книг, разрисованных художниками в византийском стиле, они разглядели составляющие их простейшие графические элементы, которые начали комбинировать в разрисовке заглавных букв. Это было началом орнаментального творчества русских книгописцев. Идя дальше, они стали вводить в разрисовку инициалов и букв заголовков орнаментацию предметов народного прикладного искусства, изображения окружавших их реалий быта. Таким образом, богослужебная книга, рождаясь во внебого-

¹⁰ Стасов В. В. Собр. соч., т. 2. СПб., 1894, ст. 133.

¹¹ Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). — Доклады XIII Международного конгресса исторических наук, т. 1, ч. 7. М., 1974, с. 291.

служебной среде, унаследовала от нее новые черты своего оформления.

В принципе эти черты были схожи с элементами художественного облика книг, изготовлявшихся по индивидуальному заказу богатых людей высококвалифицированными писцами и художниками — книг, уже с самого начала своего существования ставших раритетами. Но если до сих пор таинственными остаются «лики» инициалов Остромирова евангелия, то в инициалах книг XI—XII вв. ремесленного производства попадаются живые, человеческие, мужские или женские лица. Химеры инициалов богатых книг часто заменяются в «ремесленных» вполне схожими с натурой изображениями рыб, птиц, домашних животных. И все это — в тесной связи с орнаментацией предметов прикладного искусства, резьбой по дереву, кости и металлу, а также с произведениями литейного и кузнечного ремесла и рукоделия — вышивкой жемчугом и бисером.¹² Сказанное является иллюстрацией приведенных выше слов Ф. И. Буслаева о соответствии стиля орнаментации инициалов и заставок стилям других памятников искусства той или иной поры.

В заставках и инициалах «чудовищного» стиля появляется фигура человека, занимающегося обычными в быту русских людей того времени делами — охотой, рыболовством, войной, развлечениями, причем в книгах, преимущественно богослужебных. Как будто ожидая непонимания читателем этих не соответствующих тексту книги действий, книгописцы и рисовальщики стали сопровождать их краткими пояснительными надписями, еще более усиливающими контраст между содержанием книги и ее оформлением. Таковы, например, надпись «Гуди гораздо!» около пляшущего в инициале Евангелия скomorоха или ругань рыбаков, тянущих сеть с рыбой в инициале Псалтири. Но если и в разрисовке инициалов русские книжники XIV в. умели изобразить не только отдельные действия людей, но и целые сценки, то, когда тератологический орнамент вырывается на простор заставок, особенно фронтисписов, возникают новые, еще большие возможности создания сюжетных композиций, о чем будет сказано ниже.

Что же касается следующего компонента художественного оформления древней русской рукописной книги — миниатюры, то и здесь с течением времени открывались большие просторы для импровизации и творчества, чем в иконописи. И хотя сюжеты русской книжной миниатюры были однообразнее сюжетов иконописи, иконография их была значительно богаче: художник-миниатюрист не был так связан каноническими требованиями. Поэтому самые распространенные в русской книге первых шести веков ее существования персонажи — евангелисты — изобража-

¹² Подробнее см.: Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977, с. 67—71 и вклейка между с. 64 и 65.

лись на миниатюре в разнообразных ракурсах и позах, в различных душевных состояниях. Они то сидят, беспомощно опустив руки в ожидании вдохновения, как, например, в Спасском евангелии XIII в. из Ярославского музея, то пишут, то читают или правят написанное. Иногда в изображение евангелиста вводятся другие персонажи, кроме постоянного спутника Иоанна — его ученика Прохора; это чаще всего эпонимы заказчиков или писцов, а может быть, и художников книги. Евангелист Лука, который, по преданию, был иконописцем, иногда изображался пишущим икону.¹³ Все эти различия трактовки изображений одних и тех же персонажей нельзя объяснить только относительной независимостью миниатюры от иконописи: здесь, конечно, сказался и особый интерес к книжникам — людям той же профессии, что писцы и художники книги.

Интерес к изображению автора Псалтири среди русских книжников усиливался, очевидно, тем, что в данном случае изображался не просто автор, а автор-исполнитель текста книги, причем в двух жанрах — как музыкант и как танцор. Впрочем, в выходных миниатюрах, на первых листах Псалтири, Давида рисовали в образе книгописца и лишь в редких случаях, обычно на полях, — в других указанных качествах.¹⁴ Но это уже — иллюстрация, о чем речь пойдет ниже. Однако недаром распространено мнение, что в инициалах тератологического стиля — в тех, где нарисован музыкант с гуслями или плясун, — изображен не русский скоморох, а библейский царь-псалмопевец. В доказательство ошибочности такого мнения можно привести один из фактов давно установленной связи художественного оформления книги с монументальной живописью — изображение музыканта на фреске одной из псковских церквей XIV в., подписанное «Ант скоморох».¹⁵ Но вполне допустимо, что рисунок музыканта-танцора в инициалах в какой-то степени навеян образом Давида. Псалтирь была едва ли не самой популярной книгой русского средневековья, и ее «лирический герой» — человек со всяческими людскими слабостями, постоянно грешивший, искренно кающийся

¹³ Из новейших советских книг о русской миниатюре наибольшее число изображений евангелистов приведено в монографии О. С. Поповой, опубликованной на французском языке и почти недоступной советскому читателю. Кроме того, миниатюра рассматривается здесь как самодовлеющий вид искусства, в связи только с иконописью, при недостаточном внимании к истории книги (Ророва О. *Les Miniatures russes du XI-e au XV-e siècle*. Leningrad, 1975).

¹⁴ В качестве уникального случая изображения Давида в роли музыканта-исполнителя на отдельном листе можно привести миниатюру одной Псалтири XIII в. Подробнее см.: Розов Н. Н. Музыкальные инструменты и их ансамбли в миниатюрах Хлудовской (русской) Псалтири. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 91—105.

¹⁵ Подробнее см.: Розов Н. Н. Еще раз об изображении скомороха на фреске в Мелетове. К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968, с. 85—96.

и вновь нарушающий элементарные нормы морали, — такой человек явно интересовал средневекового читателя. А образ царя-лицедея, не только сочинявшего псалмы, но и исполнявшего их — пением и танцем, мог ассоциироваться с «народным артистом» русской древности — скоморохом. Недаром Псалтирь цитируется и даже пародируется в Молении Даниила Заточника, пронизанном скоморошечным балагурством.

Таковы некоторые соображения по поводу интерпретации русскими художниками книги самого популярного сюжета миниатюр — изображения автора книги. Вернемся, однако, к орнаментации и рассмотрим еще один ее вид — фронтиспис. Закончить экскурс в историю художественного оформления русской книги XI—XIV вв. лучше всего именно этим его элементом по следующим соображениям.

Во-первых, фронтиспис — та деталь орнаментального оформления книги, в которой русский тератологический орнамент проявил свои возможности наиболее полно. Во-вторых, на нем особенно наглядно можно проследить начало тех кардинальных изменений, которые внес XV век в историю художественного оформления русской книги. В-третьих, с начала данного столетия фронтиспис в своем первоначальном значении уходит из истории русской книги, чтобы вернуться в нее с началом книгопечатания, а еще через столетие возродиться в рукописной книжности — старообрядческой, поморского письма и оформления. Каким образом фронтиспис наряду с прочими элементами орнаментального убранства русской книги — заставками и инициалами — обеспечил свое существование и на второе полутысячелетие ее истории — об этом не позволяют говорить хронологические рамки предлагаемого исследования. Однако зафиксировать значение этой детали художественного оформления русской книги на рубеже двух полутысячелетий ее истории представляется целесообразным.

Фронтиспис в качестве первого, вводящего элемента орнаментации книги восходит к обрамлению так называемых «канонов согласия» — указателей чтений, помещавшихся на первых листах евангельских кодексов греческого и латинского, а также армянского и грузинского алфавитов. В древнерусских Евангелиях апракосного типа надобности в таких указателях не было: их текст располагался в последовательности круглогодичного ритуального чтения. И один из древнейших среди известных фронтисписов русских книг — фронтиспис Юрьевского евангелия начала XII в., скорее всего, является реликтом его происхождения от Четвероевангелия, в котором указатели были необходимы.¹⁶ Однако контур этого фронтисписа несколько не напоминает ажурные и легкие обрамления канонов и близок к монументальным архи-

¹⁶ Происхождение Юрьевского евангелия — апракосного типа — от «тетра» доказывается в исследовании: Жуковская Л. П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 45—52.

текстурным фронтисписам Изборника Святослава. Здесь важно отметить сочетание традиций орнаментального убранства богослужебной и четьей книги — факт знаменательный в истории искусства русской книги.

Такая форма фронтисписов развивалась мастерами русской книги в последующие два века в следующих направлениях: с одной стороны, в них умножались детали интерьера храма — светильников, алтарной преграды, а с другой — объем этого интерьера уменьшался и освободившееся пространство заполнялось орнаментом. Во втором случае предоставлялся простор для фантазии орнаментировщиков, которые заполняли это пространство господствующей в оформлении русской книги XIII—XIV вв. тератологией. В результате получались фронтисписы, в которых почти целиком размывался архитектурный контур и орнаментальное заполнение приобретало самодовлеющую роль. Законченные образцы таких фронтисписов, которые уже нельзя назвать архитектурными, дает новгородская книга. Размах и «буйство» тератологического орнамента позволяют в некоторых из таких фронтисписов увидеть сюжетные композиции, не соответствующие, а иногда и противоречащие содержанию книги, которую они открывают. И если в свое время В. В. Стасову, для того чтобы представить себе картину древнерусского языческого ритуала, пришлось составлять ее из отдельных инициалов, то в наши дни сюжеты, отражающие подчас не далекое прошлое, а современную созданию книги действительность, усматриваются во фронтисписах целиком. Так, например, акад. Б. А. Рыбаков увидел во фронтисписе новгородской Псалтири XIV в. отражение учения тогдашних «стригольников».¹⁷ Все это — очень далеко от изначальной функции фронтисписа в качестве «выходной миниатюры» с изображением автора или заказчика книги.¹⁸ Таким образом, фронтиспис, первоначально служивший порталом книги, вводящим читателя в ее содержание, превращался иногда в нечто противоположное, уводящее читателя в совсем ином направлении.

С конца XIV в. в связи с угасанием тератологического орнамента возрождается функция фронтисписа как «выходной миниатюры». Внутреннее пространство в нем начинает расширяться и вмещать в себя изображения автора. Однако и в таких случаях сохраняются иногда элементы сюжетной тератологии. Так, например, в Евангелии конца XIV в. (Вскр. 2) боковые столбы фронтисписа венчают бородастые обнаженные фигуры, которые поддерживают горизонтальную конструкцию орнаментального плетения. Они очень похожи на те фантастические фигуры, которые на упомянутом выше фронтисписе «стригольнической» Псалтири в ярости направляют друг в друга орнаментальные

¹⁷ Рыбаков Б. А. Антицерковное движение стригольников. — Вопросы истории, 1975, № 3, с. 159—160.

¹⁸ Айналов Д. В. К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, 1936, т. III, с. 15.

переплетения. В схожем по композиции фронтисписе Устава церковного конца XIV—начала XV в. (Сн. 328) эти фигуры превращаются в человеческие, нарисованные в том же месте, но одетыми. И лишь орнаментальное навершие их остроконечных колпаков напоминает о происхождении этих фигур из тератологического орнамента.¹⁹

Превращению архитектурного фронтисписа в рамку миниатюры содействовало изменение конструкции текста той книги, которую в старину он чаще всего украшал. В XV в. наряду с Евангелиями-апракос стали распространяться Четвероевангелия. Однако указатели чтений в русских Четвероевангелиях помещались не в начале, а так же, как и в Евангелиях-апракос, в конце. Утвердившееся же в практике русских книжников значение фронтисписа в качестве начального элемента орнаментального убранства книги мешало рисовать его в другом месте; поэтому с распространением в России Четвероевангелий не появились архитектурные обрамления их указателей, как это можно было ожидать, имея в виду происхождение фронтисписа от таких указателей. С распространением Четвероевангелий усилилась роль изображения авторов этой книги. В Евангелиях-апракос тексты четырех авторов перемежались; теперь они оказались сконцентрированными в четырех обособленных частях, и каждая из них отделялась не только изображением евангелиста, но и большой заставкой, в то время как в Евангелиях апракосного типа, как правило, рисовалась лишь одна большая заставка — в начале книги.

Многочисленное повторение былого фронтисписа, ставшего отныне орнаментированной рамкой миниатюры, дробило и измельчало его первоначальную функцию портала книги, низводя ее до значения заставки, которой искони отделялись друг от друга части книги. И лишь в книгах XV в., написанных в Новгороде и Пскове, где в предыдущие столетия были созданы совершеннейшие образцы сюжетной тератологии, изредка встречаются такие фронтисписы.

Что же касается элементов тератологии в обрамлении миниатюр русских книг XV в., то они затухают, подготавливая почву для пришедших им на смену новых стилей орнаментального убранства кодексов.

Так, например, в Евангелии, созданном в 1409 г. в Пскове, находятся три изображения евангелистов; каждое из них заключено в богато орнаментированную рамку, сохраняющую традиционную форму архитектурного фронтисписа — контур многоглавого храма. Однако тератологический орнамент с наиболее характерным его элементом — переплетением чудищ — заполняет лишь две из них; третья рамка составлена из переплетений гео-

¹⁹ Оба эти фронтисписа опубликованы в качестве иллюстрации в статье: Щепкина М. В. Тератологический орнамент. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. 2. М., 1974, с. 236.

метрических фигур. Так наглядно отразилось затухание тератологии и изменение традиционной функции фронтисписа в ornamentации одной и той же книги. Но здесь же — в третьей заставке, составленной из переплетений кругов и квадратов, намечается переходное звено от тератологического орнамента к сменявшему его «балканскому». И недаром одна заставка этой книги рассматривается в статье о тератологическом орнаменте, а другая — в статье о балканском в новейшем обзоре памятников книжного орнамента этих двух стилей.²⁰

В заключение рассмотрения фронтисписов отметим, что на грани XIV и XV вв. из истории русской книги навсегда ушла та их разновидность, в которой в наибольшей степени «тератология сумела в ярких образах донести до нас неисчерпаемое богатство народной фантазии, аромат и дух своей эпохи, живой голос народа, в чем и по сей день непреходяща ее ценность».²¹

* * *

Переходя к рассмотрению следующего элемента орнаментального убранства русской книги XV в. — заставки — еще раз отметим ее генетическую связь с фронтисписом: в тератологическом орнаменте заставки своей формой иногда напоминают его антаблемент. Таковы, например, заставки уже упоминавшейся Псалтири 1296 г., Евангелия 1355 г. (Сн. 70), Служебника 1381 г. (Вскр. 7) и некоторые другие. В названных Евангелии и Служебнике над верхней кромкой заставок, устремляющейся вверх, подобно наверху архитектурных фронтисписов (это сходство усиливают килевидные выемки нижней кромки), возвышаются головы фигур, типичных для тератологического орнамента. Но они мирно смотрят друг на друга и уже не устремляют друг в друга орнаментальные переплетения, а отводят их в стороны. Как будто малое в сравнении с фронтисписом пространство заставки умеряет воинственный пыл этих фигур, что снижает свойственную тератологии динамичность орнамента. В центре заставки Пролога 1400 г. (Сн. 240) помещена в полный рост крупная человеческая фигура с лицом, повернутым в профиль, и в традиционных для новгородского тератологического книжного орнамента красных сапогах. Но она не «удавлена», как было раньше в новгородской тератологии, плетением орнамента,

²⁰ Там же, с. 235; Шульгина Э. В. Балканский орнамент. — Там же, с. 242, 243.

²¹ Ильина Т. В. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978, с. 85. В качестве примера затухания тератологического орнамента автор приводит Стихирарь 1422 г., приписка из которого цитировалась выше, в 1-й главе (с. 22). В данном случае трудно согласиться с тем, что «уже наличие единственной заставки говорит о затухании стиля» (с. 82). Стихирарь — книга, текст которой не состоит из таких обособленных частей, как Евангелие, и наличие в одной заставки вполне закономерно.

а просто держится за него. Так же мирно начинают себя вести и свободно чувствовать в переплетении орнамента и птицы, в которых в большинстве случаев превращаются к концу XV в. былые неведомые чудища тератологического орнамента. Порой они как бы позируют перед зрителем или нежно перевиваются длинными шеями, как в заставке уже упоминавшегося Евангелия 1409 г. Так трансформировалась тератология в заставках, утратив при этом одно из характернейших своих качеств — динамичность, которая давала возможность появления во фронтисписах сюжетных композиций.

Таких возможностей не было в балканском, чисто декоративном орнаменте. Его разнообразные, сложные и красочные плетения безжизненны. Если и появляются изредка рисунки птиц, сидящих наверху заставок этого орнамента, например в Уставе церковном XV в. (Усп. 5), то они воспринимаются как нечто чужеродное. Однако и у балканского орнамента было то самое качество, которое явилось первопричиной жизненности тератологического, — его связь с народным прикладным искусством.

Эта связь всегда была стимулом развития орнаментации русской книги. Уже первый стиль этой орнаментации — старовизантийский, название которого указывает на его чужестранное происхождение, с самого начала стал испытывать на себе влияние русского народного прикладного искусства. Однако это влияние встретило сопротивление материала, на котором в XI—XIV вв. писались книги, — пергамена: рисовать на нем красочные, с золотом, орнаменты — дело нелегкое, дорогое и хлопотливое. Поэтому мастера русской книги — не богатой и подносной, а обывочной, массовой — изоцрились в рисовании заставок и инициалов чернилами или киноварью и достигли в этом большого совершенства, как это видно в орнаментации, например, того же Юрьевского евангелия. «Непрозрачность пергамена, его способность впитывать краску придает миниатюрам плотность эмали, тогда как бумага, впитывающая краску, делает их легкими, прозрачными. . . Кроме того, бумага дает возможность „раскраски“ рисунка жидкой краской».²² Это полностью относится и к орнаментации книги.

Расширение возможностей орнаментации в сторону обогащения красочной гаммы и ее нюансировки, ставшее возможным в истории русской книги в связи с переменой писчего материала, по времени совпало с распространением «второго южнославянского влияния». Разнообразие графических каркасов балканского орнамента и их многоцветное наполнение трансплантировали на русскую почву влияние прикладного искусства славянских народов, восходящего к общим с русским народным прикладным искусством праславянским корням, и в этом заключалась одна из причин быстрого и повсеместного распространения балканского

²² С в и р и и А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 51.

орнамента в русской книге XV в. Кроме того, — и это также имело немаловажное значение — балканский орнамент поддается переводу в прорись, т. е. легко трафаретизируется, что невозможно было сделать при господстве тератологического орнамента, в котором каждая деталь рисовалась от руки.

Посмотрим сначала, какие отражения прикладного искусства и ремесла встречаются в заставках переходного к балканскому стилю в книгах, созданных в XV в. там, где тератологический орнамент достиг наивысшего совершенства — в Новгородской земле. Вернемся к Евангелию 1409 г. и сравним одну из его четырех заставок данного, переходного типа с рамкой, в которую помещено изображение евангелиста Луки. В отличие от последней, где еще чувствуется дыхание тератологии, данная заставка не содержит уже никаких намеков на тератологию, хотя это еще и не балканский орнамент: окружности сделаны от руки, а не с помощью циркуля или шаблона, как это делалось в заставках названного орнамента. Зато она очень напоминает металлическое изделие — кольчугу. «Заставка выполнена в яркой псковско-новгородской гамме красок», — говорится в новейшей статье о балканском орнаменте. «Этот ранний русский плетеный орнамент вышел непосредственно из тератологии, поэтому не случайно, что вначале он встречается в рукописях вместе с тератологическим орнаментом, а более поздний, развитый, подражает славянским образцам».²³ С последним трудно согласиться: в данном случае нельзя говорить о «непосредственном выходе» заставки из тератологии — опосредование ее рисунка через предмет ремесла слишком очевидно. И в дальнейшем лучше говорить не о «подражании славянским образцам», а о поглощении книжного новгородского орнамента этими и иными «образцами».

Разнообразие каркасов и расцветки балканского орнамента давало возможность для дальнейшего развития в создании новых графических схем и в безграничном разнообразии сочетаний цветов раскраски. Во всем этом нетрудно убедиться, познакомившись с двумя публикациями — прошлого столетия и современной. В последней на основании изучения орнаментации книг одной лишь исторически сложившейся древнерусской библиотеки приведено 120 схем заставок балканского орнамента и их деталей.²⁴ В первой воспроизведено в цвете множество заставок того же стиля орнамента самых разнообразных размеров, конфигураций и расцветок. Это поистине калейдоскопическое разнообразие графических схем и раскраски балканского книжного орнамента нес-

²³ Шульгина Э. В. Балканский орнамент, с. 244 и сл.

²⁴ Ухова Т. Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, М., 1960, вып. 22, с. 5—56. Кроме схем орнамента, воспроизведены фотографии, но исключительно черно-белые, не дающие почти никакого представления об орнаменте, особенно балканском, где важное значение имеет раскраска.

проста привлекло внимание директора Строгановского училища и Художественно-промышленного музея в Москве В. Бутовского, в альбоме которого «История русского орнамента с X по XVI столетия по древним рукописям» (М., 1872) опубликованы 60 заставок балканского стиля из русских книг XV в. Названное училище и музей при нем ставили своей целью изучение и популяризацию народного прикладного искусства. И хотя современные искусствоведы оценивают альбом Бутовского не слишком высоко (он действительно в отношении группировки материала — лишь по хронологическому принципу — уступает альбому В. В. Стасова), историк русской книги находит в нем обильный материал для изучения художественного оформления русской рукописной книги, в частности XV столетия. Примечательно, что в этом альбоме нет ни одного фронтисписа данного века балканского стиля (из образцов тератологического стиля воспроизведено 7 заставок и 3 фронтисписа), что еще раз иллюстрирует уход из истории русской книги той важнейшей детали ее художественного оформления, в которой его предыдущий стиль столь полно выявил свои возможности в создании сюжетных композиций. И никакого несовпадения орнаментального оформления с содержанием книги теперь не могло быть: радующий глаз разнообразием своей графики и расцветки балканский орнамент, абстрагированный от содержания, не давал для этого никаких возможностей.

В поисках отражения в балканском орнаменте русских книг XV в. локальных художественных традиций обратимся сперва к экземплярам, созданным тогда на территории южной и юго-западной Руси. В то время здесь отмечается оживление книжного дела, связанное с особенностями социально-экономического и внутривластного положения. Главными из этих особенностей были те, что вызывались борьбой за культурную национальную независимость в условиях существования этих некогда русских территорий в составе Великого княжества Литовского и королевства Польского. Эта борьба отразилась во многих отраслях искусства, в том числе в станковой живописи. В XV в. в украинской иконописи гораздо сильнее, чем на других территориях тогдашнего православного региона Восточной Европы, отразилось влияние народной стихии при заметном ослаблении византийских традиций. Силой этого влияния следует объяснить распространение в предыдущие столетия на территории Украины тератологического книжного орнамента и сравнительно медленный его уход из рукописной книжности в XV в. В новейшем специальном исследовании орнаментики украинской рукописной книги приводятся достаточно образцов орнамента данного стиля в заставках и инициалах книги XV в., причем отмечается, что в последних такие образцы встречаются чаще.²⁵

²⁵ Запаско Я. П. Орнаментальне оформлення української книги, Київ, 1960, с. 52—54.

Что же касается балканского орнамента, то на Украине он нашел уже достаточно подготовленную почву не только в народном декоративном искусстве: элементы «циркульного», или «концентрического», стиля в книжном орнаменте отмечаются здесь начиная с XIII—XIV вв. Этому способствовали постоянные книжные связи с Молдавией и Валахией, через которые балканский книжный орнамент стал проникать на Украину гораздо раньше, чем в северные и северо-восточные регионы России. И не случайно то, что в середине XV в. в украинской книге появляются такие совершенные образцы балканского орнамента, как, например, в Евангелии, ныне по достоинству хранящемся в Музее украинского искусства во Львове с его уникальной коллекцией икон местного письма XV—XVIII вв.²⁶ Образцы отражения в заставках балканского стиля украинских книг XV в. местного прикладного искусства находятся в отделке их орнамента разноцветными точками, напоминающими бисер, в самих плетеных конструкциях некоторых из этих заставок, подобных плетению предметов бытового обихода из соломы, прутьев и лыка. А в инициалах Евангелия 1498 г., хранящегося в том же музее, очевидная связь с народным ткачеством дает основание предполагать, что художник, оформлявший эту книгу, сам был народным мастером.²⁷

К сожалению, сохранилось очень мало памятников украинской книжной миниатюры XV в., и они почти не привлекают внимания искусствоведов. Так, например, в насыщенном материалом альбоме известного знатока западноукраинского искусства И. С. Свенцицкого из 84 рукописных книг, откуда приводятся образцы орнамента и миниатюры, лишь одна относится к XV в. Пышный расцвет орнаментального убранства и миниатюры западноукраинской рукописной книги в следующем столетии, к которому относится подавляющее число образцов в альбоме Свенцицкого, был, конечно, во многом обусловлен достижениями искусства книги данного региона в предыдущем столетии.²⁸

Сохранившиеся памятники украинской книжной миниатюры XV в. отличаются оригинальной иконографией, отразившей, как

²⁶ Там же, с. 56—57. На вклейке между л. 48 и 49 воспроизведена в цвете одна из заставок этой книги.

²⁷ Там же, с. 58.

²⁸ См.: Прикраси рукописів Галицкої України XVI в. Жовква, 1922. Достаточное внимание уделяет книжной миниатюре в своих работах украинский искусствовед Г. Н. Логвин, издавший оригинально оформленную книжку-сувенир «З глибин. Давня книжкова мініатюра XI—XVIII століть» (Київ, 1974). Малый формат этого издания не дает представления о художественном облике рукописных книг из-за сильного уменьшения масштаба репродукций, выполненных к тому же не всегда удачно и в отношении передачи красок оригиналов (все репродукции цветные). Лучше получились в этом издании репродукции фрагментов миниатюр и орнамента.

и иконы того времени, местные традиции. Таково, например, Евангелие конца XV в. из того же Львовского музея (F 18). Написанное крупным уставом одной руки, оно украшено заставками балканского стиля яркой и разнообразной раскраски, золотой вязью заглавий, киноварными колофонами — всеми атрибутами богатого убранства рукописной книги. И во всем этом отражается яркость красок и разнообразие узоров украинского прикладного искусства. Своеобразна и иконография миниатюр, выполненных на золотом фоне: евангелист Марк изображен не только на фоне традиционного «палатного письма», но и какой-то пещеры; Иоанн нарисован среди столь же традиционного горного пейзажа, но без Прохора, и его голова обращена не к символу нисходящей с небес благодати, а совсем в другую сторону. И все это, стоящее на грани примитива, отражает не каноническое, а простонародное восприятие памятников изобразительного искусства, которое, повторяю, особенно ярко отразилось в украинской иконописи XV в.

В центральных областях России в XV в. сложились наиболее благоприятные условия для развития и распространения балканского орнамента: сюда еще в конце предыдущего столетия переселились такие опытные и деятельные южнославянские книжники, как Пахомий Серб, или Логофет (буквально: «словослагатель»), и Киприан, утвердившийся в 1390 г. на посту главы русской церкви. Сохранились книги, написанные собственноручно Киприаном: в них — киноварные инициалы балканского стиля и необычные для данного стиля заставки — без орнаментального плетения. При копировании в 1402 г. в Твери одной из этих книг — Лествицы — инициалы оригинала явно привлекли внимание переписчика: он не только старательно копировал их, но из элементов разрисовки скомпоновал киноварную заставку. Вероятно, ему не были известны заставки типичного балканского орнамента; однако, может быть, так получилось потому, что книга была написана второпях — «наборъзе», как сказано в ее выходной записи, и переписчику легче было самому сконструировать ее заставку, чем скопировать с какой-либо другой книги сложный балканский орнамент. Такие книги в начале XV в. в Твери уже были, например Устав церковный, вложенный в один из пригородных монастырей (основан в 1397 г.) — по преданию, зафиксированному позднейшей припиской на книге, одним из первых его игуменов. Она украшена простейшими заставками из переплетающихся кругов. В другом Уставе, написанном в 1438 г. в Твери «строением» епископа Ильи, имя которого упоминалось выше в ряду местных архиереев-книголюбов, находятся заставки разнообразного и более сложного рисунка балканского орнамента. В этом несомненно сказались присутствие в Твери книг, привезенных, как и первый из названных Уставов, с Афона. В числе их было Евангелие начала XV в., украшенное большими и малыми заставками, а также большими инициалами сложного и красочного

балканского орнамента. Быстрое усвоение тверскими книжниками балканского орнамента не является случайным, если вспомнить давние культурные связи с зарубежными странами былого Тверского княжества, и в частности деятельность в нем греческих книжников еще в 20-е годы предыдущего столетия. При этом участие Тверского княжества в международном книгообмене не было тогда односторонним, о чем свидетельствует нахождение опять-таки Устава церковного, написанного в 1317 г. в Твери греческим иконописцем Фомой-«сирианином» (т. е. сирийцем), в Ватиканской библиотеке.²⁹

Немало образцов балканского орнамента попадало в конце XIV и в начале XV в. с Афона, из Константинополя и Иерусалима в подмосковные и московские монастыри. Среди них уже тогда выделялся своей библиотекой Троице-Сергиев, где поселились многие южнославянские книжники. Поэтому не случайным является нахождение южнославянских рукописных книг того времени в этой библиотеке. «Образцы орнамента в этих и других подобных им рукописях внимательно изучались, и от начала XV в. начинается уже последовательная цепь рукописей русского происхождения, в которых мы находим точно такие же заставки и такие же инициалы», — пишет современный исследователь после перечисления ряда болгарских и сербских книг, имеющих владельческие пометы XV в. Троице-Сергиева монастыря.³⁰

В собственно московских монастырях находились, а может быть, и были написаны многие книги второй половины XV столетия, украшенные роскошным орнаментом балканского стиля. Таково, например, Евангелие того времени Донского монастыря или Апостол 90-х годов XV в. из Чудова монастыря. В первом находятся четыре большие заставки, выполненные на золотых каркасах многими красками — синей, зеленой, желтой, малиновой. И первая из них отдаленно напоминает антаблемент фронтисписа: внизу у нес килевидный выем, над верхней кромкой — намек на навершие. Может быть, художник этой книги видел древние евангелия апракосного типа, украшенные архитектурными фронтисписами; основанием для такого предположения является не только архаичная уже в то время апракосная форма этой книги, но и надпись «Апракос» в выеме заставки, над заглавием первого чтения. Как будто разрисовщик обращал внимание читателя на необычное в то время расположение евангель-

²⁹ Красносельцев Н. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, с. 22. О связи художественного оформления книги с местной школой иконописи см.: Попов Г. В. Пути развития тверского искусства в XIV—начале XVI века. (Живопись, миниатюра). — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. М., 1970, с. 310—358.

³⁰ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРЛ, 1968, т. XXIII, с. 175.

ского текста и этой надписью, и отступлением от канонической рамки заставки балканского орнамента.

В Чудовом кремлевском монастыре был, вероятнее всего, создан в 90-е годы XV в. Апостол, поражающий числом заставок балканского стиля (их там 48) и разнообразием их рисунка и раскраски, причем ни одна из заставок не повторена. Но инициалы этой книги, не менее роскошные, выполнены уже в другом, так называемом «нововизантийском» стиле, распространившемся в России одновременно с балканским.³¹

Относительно второго компонента художественного убранства русской книги XV в. в цитированной выше статье отмечается, что «книжное искусство славянских мастерских письма Константинополя и Афона в области лицевой миниатюры... сравнительно с орнаментом и графикой отразилось очень незначительно», потому что «греческие и афонские монастыри держались в изобразительном искусстве крайне аскетических взглядов».³² Поэтому, конечно, русские книжники, работавшие в московских монастырях, особенно в кремлевских, по соседству с великокняжеским двором, искали иных средств выразительности. И эти средства должны быть такими, чтобы эстетическое воздействие миниатюр на читателя не уступало бы аналогичному воздействию орнаментации книги. Не случайно поэтому многие книги, созданные во второй половине и в конце XV в. в московских монастырях, наиболее богато орнаментированные, содержат и разнообразные миниатюры, причем в количестве гораздо большем, чем было раньше.

Так, например, Апостол украшался до сих пор, да и то в редких случаях, единственной миниатюрой — евангелиста Луки, которому приписывается первая часть этой книги, так называемые «Деяния апостолов». В XV столетии появляются Апостолы с изображениями авторов остальных частей этой книги, и в числе их — упомянутый Чудовский, содержащий шесть миниатюр столь же прекрасной, как и заставки, работы. Сохранился «лицевой» Апостол первой четверти XV в., не меньшей художественной ценности, созданный в Кирилло-Белозерском монастыре учеником его основателя Христофором. В нем три большие красочные на золотом фоне заставки нововизантийского стиля и множество небольших заставок разнообразных рисунков и раскраски и также шесть изображений авторов отличной работы. Появление такого роскошного экземпляра в далеком северном монастыре не должно казаться неожиданным: как уже было сказано выше, этот монастырь был основан выходцами из Москвы, и один из них, Кирилл, был постриженником и некоторое время настоятелем богатейшего московского Симонова монастыря. «Ни Троице-

³¹ Заставки Чудовского апостола подробно описаны Э. В. Шульгиной (Балканский орнамент, с. 255—256). Далее приводятся краткие описания еще трех книг библиотеки Чудова монастыря, в которых имеется по одной заставке балканского стиля.

³² Вздорнов Г. И. Роль славянских... мастерских..., с. 183.

Сергиев, ни Чудов, ни Спасо-Андронников монастыри не имели столь удачных условий для развития искусства, как Симонов монастырь», — говорится в заключение характеристики художественной жизни данного монастыря.³³

В заключение характеристики значения балканского влияния в истории русской книги следует отметить, что его быстрое и повсеместное распространение в России XV столетия было обусловлено не только внешними, но и внутривосточными условиями. Балканский стиль так быстро завоевал русскую книгу не только вследствие энергичной деятельности южнославянских книжников и мощного потока книг, хлынувшего в то время в Россию главным образом из славянских монастырей Афона, но и благодаря генетической общности с русским народным искусством. И нельзя согласиться с утверждением, что «следствием широкого проникновения южнославянских рукописей на Русь была полная перемена общего облика русской рукописной книги: в письме — это смена устава и старшего полуустава младшим полуустановом, в заглавиях — начало употребления вязи, в заключительных разделах составных частей рукописей или книг в целом — расположение текста в виде какой-нибудь фигуры, например клином, в орнаменте — это смена тератологического и старовизантийского стиля балканским геометрическим или неовизантийским».³⁴ Появление полуустава, сначала в актах и грамотах, находилось в прямой связи с формированием единого Русского государства, сопровождавшимся резким увеличением и распространением деловой письменности. Элементы вязи обнаруживаются в заголовках русских книг еще в предшествующие столетия, а фигурное письмо конца частей или всей книги — колофоны — имеется уже в Изборнике 1076 г. Что же касается смены стилей орнамента, то это в полной мере относится лишь к тератологии: в отношении старовизантийского стиля лучше сказать не о «смене», а о трансформации. И само сосуществование в орнаментации русской книги XV в. двух стилей разноместного происхождения — факт, также объяснимый внутривосточными условиями России того времени, с характеристики которых и следует начать историю распространения в русской книге орнамента нововизантийского стиля.

* * *

Г. И. Вздорнов в статье, в которой содержится сомнительное утверждение «глобального» масштаба влияния балканского орнамента на облик русской книги, отмечает «любопытную законо-

³³ Вздорнов Г. И. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, с. 141. Христофоров апостол как памятник русского искусства хранится в настоящее время в Русском музее в Ленинграде.

³⁴ Вздорнов Г. И. Роль славянских... мастерских..., с. 172.

мерность»: в то время как «подавляющее большинство афонских рукописей, минуя Москву, поступало в монастыри новгородские и тверские ... почти все константинопольские рукописи шли в Москву или в подмосковные монастыри... Видимо, ориентация Москвы на Константинополь получилась естественно, поскольку великие московские князья, стремившиеся взять на себя руководящую роль в политической и культурной жизни всей северовосточной Руси, в международных отношениях логикой вещей вынуждены были искать и поддерживать контакты с аналогичными, главными политическими и культурными центрами».³⁵

Образование после веков феодальной раздробленности и иноземного ига единого и мощного Московского государства вызвало небывалый подъем политического самосознания и творческих сил русского народа. И, конечно, одними только поисками и развитием «контактов» с зарубежными культурными центрами, принятыми московскими князьями, нельзя объяснить то, что «конец XIV и начало XV века в истории древнерусского искусства, начиная с архитектуры и кончая неподражаемыми по своей художественной насыщенности драгоценными рукописями, — наиболее яркий период, связанный с исключительно сильным подъемом творческих сил русского народа».³⁶ На гребне этого подъема развернулась деятельность двух великих русских художников XIV в. — Феофана Грека и Андрея Рублева. С их именами связывается создание четырех шедевров искусства русской книги конца XIV—начала XV в., названных позднее по именам их заказчиков, «украшителей» и владельцев — бояр Федора Кошки, Богдана Хитрово и Бориса Морозова, а также анонимного Евангелия Андроникова монастыря, где умер и похоронен Рублев.³⁷

Важно отметить, что все четыре Евангелия написаны на пергамене и по расположению текста относятся к апракосному типу, хотя были созданы во времена распространения бумаги и Четвероевангелий. В этом проявилась какая-то намеренная архаизация, стремление написать и оформить книгу «под старину». Вероятно, поэтому они и украшены заставками не балканского, а византийского стиля. Быть может, воспоминанием о древнейших русских книгах навеяна и орнаментация их замечательных инициалов.

Принцип конструирования этих инициалов близок к Остромирову и Мстиславу евангелиям, а также другим роскошным и нероскошным книгам XI—XII вв., украшенным старовизан-

³⁵ Там же, с. 180—181.

³⁶ Свирин А. Н. Искусство книги..., с. 87—88.

³⁷ Это обстоятельство — один из аргументов в пользу признания преобладания влияния Андрея Рублева и его школы на художественный облик названных четырех книг. Некоторые исследователи приписывают мастерской Феофана Грека художественное оформление Евангелий Кошки и Хитрово (Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 71—82).

тийским орнаментом. Только если там из переплетений орнамента выглядывают лишь части каких-то химер, то здесь орнаментальные детали инициалов обвиты пластическими извивами туловищ змей или драконов. Иногда эти существа держат в пасти узор, изредка хватают друг друга. Фигуры птиц чаще всего венчают эти инициалы, и они, как правило, свободны от орнаментальных переплетений. Изредка инициал образуется только туловищем животного; таков, например, какой-то мохнатый зверек, изгибом своего туловища образующий инициал «С» в Андронниковском евангелии (л. 249). Все это напоминает фантастику инициалов Остромирова евангелия, иногда «ювелирных» зверей и домашних животных из заглавных букв новгородских Миней рубежа XI и XII вв., а не тератологию с ее «удушающими» неизвестных чудищ плетениями. И этот новый в истории русской книги стиль орнаментации, возникший в XV в., лучше называть не тератологическим, «чудовищным», а просто «звериным».

На примере этих шедевров очень хорошо прослеживается комплексное восприятие их мастерами всех элементов художественного убранства книги, что, как было сказано, свойственно уже старейшим из сохранившихся русских книг. Заставки, инициалы, миниатюры названных евангелий выполнены в одинаковой, живописной манере, на одинаковом и очень высоком профессиональном уровне. Однако в художественном оформлении этих очень похожих друг на друга книг наблюдается эволюция — в возрастании числа и разнообразия деталей их убранства. В Евангелии боярина Кошки лишь две заставки; «сила художественного воздействия» этой книги «заключается в простоте и необычайно тонком гармоническом сочетании всех элементов, составляющих художественный облик книги: размеры полей и их взаимная пропорциональность, четкость, ровность начертания букв и, наконец, как драгоценные произведения ювелирного искусства, написанные золотом и красками инициалы».³⁸ В Андронниковском евангелии к двум заставкам и «ювелирным» инициалам прибавляется одна миниатюра редкого для этой книги сюжета — «Спас в силах», являющаяся почти точной копией иконы, приписываемой Андрею Рублеву.³⁹ В Евангелии Хитрово к полному и обычному для этой книги набору — четырем заставкам и изображениям евангелистов, а также к разрисованным инициалам — добавлены миниатюры необычного сюжета: на отдельных листах нарисованы символы евангелистов. Среди последних особенно знаменито изображение ангела, несущего книгу, выполненное в манере того же Рублева. Те же элементы

³⁸ Свирин А. Н. Искусство книги. . . , с. 88—89.

³⁹ Хранится в Третьяковской галерее. Воспроизведена (в цвете) и описана в кн.: Аптолова В. И., Мневa Н. Е. Каталог древнерусской живописи, т. 1. М., 1963, с. 278—279, ил. 184. В описании приводится ряд аналогий с другими иконами, но ничего не говорится об отражении этой иконы в книжной миниатюре.

художественного убранства присутствуют и в Морозовском евангелии.

Шедевры искусства книги конца XIV—начала XV в. периода становления политической мощи Московского государства и подъема русской культуры, так же как их знаменитые предки эпохи расцвета Киевской Руси, стали образцами для мастеров русской книги XV в. Однако, как оказалось, невозможным полностью повторить художественный облик Остромирова евангелия даже в ближайшем его отражении — Мстиславовом евангелии, так и элементы художественного убранства рассматриваемых евангелий отразились в оформлении современных им книг в различной степени. Наибольшее влияние на искусство книги, причем уже с начала XV столетия, оказали миниатюры. В Евангелии, созданном около 1400 г. в Переяславле-Залесском «повелением» игумена одного из местных монастырей, кроме четырех миниатюр евангелистов отличной работы, изображен «Спас в силах», по своей иконографии и цветовой гамме очень близкий к аналогичной миниатюре Андронниковского евангелия. В Евангелии 1401 г., открывающемся заставкой геральдического стиля, есть изображения всех четырех евангелистов отличной работы, нарисованные без какого-либо обрамления, так же как и миниатюры еще нескольких евангелий, созданных в первой половине XV в. в Москве.⁴⁰ Что же касается инициалов этих четырех книг, то, как и инициалы Остромирова евангелия, они в полном составе не находятся более ни в одной из сохранившихся книг XV в. Лишь отдельные из них еще долго (до XVI в.) рисовались в начале каждой из частей четвероевангелий, созданных преимущественно в московских монастырских мастерских или в других монастырях московской художественной традиции. В качестве примера можно привести евангелия конца XV в. Чудова монастыря (№ 33) и первой четверти XVI в. Донского монастыря (№ 2), где элементы орнамента инициалов «феофановско-рублевских» евангелий использованы не только в начальных буквах каждой из четырех частей, но и в напольных украшениях. Заставки же этих книг выполнены, как и в некоторых других евангелиях конца XV в., в неовизантийском стиле. Причину этого следует искать не только в трудности рисования таких инициалов, что было под силу лишь художникам ранга или школы Феофана Грека и Андрея Рублева: графическая система заставок и инициалов нововизантийского стиля была более знакомой и доступной для художников книги, чем живописная, так как опиралась на древнюю традицию, восходящую к первым векам существования русской книги, к первому, старовизантийскому ее орнаменту. Миниатюры же школы Рублева при всем их совершенстве напоминают перенесенные

⁴⁰ Некоторые из этих миниатюр воспроизведены (в цвете) в книге О. С. Поповой (см. примеч. 13).

в книгу иконы. Это сходство усиливается отсутствием орнаментального обрамления, которое наряду с разрисованными заставками и инициалами вводит миниатюру в художественную ткань книги, так же как помещение икон в резные и позолоченные киоты включало их в ансамбль иконостаса. Иконы этой школы стали образцами, эталонами для русских художников, что было главной причиной их влияния на книжную миниатюру.

Художественное оформление русской книги XV в., особенно второй его половины, испытало также на себе влияние искусства западноевропейских стран. Оно шло в первую очередь от итальянских мастеров, приглашенных в Москву для строительства кремлевских соборов. Расписывавшие фресками стены этих храмов и изготовлявшие для них иконы русские мастера находились в творческом общении со своими западноевропейскими коллегами, перенимали их опыт. Но если в монументальной и станковой живописи усвоение опыта и традиций западноевропейского искусства наталкивалось на сопротивление местной, русской традиции, поддерживаемой всевластным авторитетом церкви, то в орнаментальном убранстве изделий русских мастеров дело обстояло иначе. И это не замедлило сказаться в орнаментации рукописных книг, на которую могли оказать влияние и западноевропейские печатные книги, впервые появившиеся в России в XV в.⁴¹ Множественность разноместных и разнородных зарубежных влияний отразилась в орнаментации двух книг, созданных в конце этого столетия в центре единого Русского государства.

В 1489 г., «в преименитом и славном граде Москве», как сказано в выходной записи, была создана Книга пророков. В ее заставках — много нового, до сих пор в орнаментации русских книг небывалого. В одной из них среди «невиданной растительности с необыкновенными цветами», по словам А. Н. Свирина, нарисованы два ангела, играющих на музыкальных инструментах. «Возможно, все эти детали были навеяны художнику итальянскими рукописями либо венецианскими изданиями конца XV века», — пишет тот же автор.⁴² Однако изображения музыкальных инструментов, в том числе и тех, что нарисованы в рассматриваемой заставке, встречаются в русских книгах еще в XIII столетии.⁴³ Разнообразны растительные и зоологические мотивы этих заставок. В расцветке первых переданы даже различные стадии жизни растений — от цветения до увядания; в иконографии вторых наряду с символическими и фантастическими животными усматриваются и реально существующие, например медведь.

⁴¹ Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1969, с. 104.

⁴² Свирин А. Н. Искусство книги..., с. 102—103.

⁴³ Розов Н. Н. Музыкальные инструменты в ансамбли в миниатюрах Хлудовской (русской) Псалтири, с. 91—105.

Своеобразие художественного облика Книги пророков сказывается и в ее миниатюрах — многочисленных изображениях авторов. Они нарисованы (каждый на отдельном листе) в полный рост, в разнообразных ракурсах и позах. Пророк Иона изображен энергично шагающим, слегка согнувшимся под тяжестью непомерно большого свитка на левом плече; на свитке написан отрывок текста соответствующей книги Библии. Даниил, нарисованный в тот драматический момент его жизни, когда он был брошен в ров на съедение львам, стоит, изящно изогнувшись; в руках у него также свиток с текстом, взрывающийся вверх, как бы уходящий в небо, откуда к нему устремляются фигуры ангела и пророка Аввакума. Пророк Захария изображен молодым, с молитвенным наклоном головы и опять-таки с «торчащим» свитком, но на сей раз меньшего размера. Все это разнообразие иконографии и раскраски находит свои аналогии в станковой и монументальной живописи того времени — периода тех самых развернувшихся широких фронтом работ по оформлению интерьеров кремлевских соборов, о которых было сказано выше. Здесь снова следует отметить связь книги с окружающей ее художественной средой: в эпоху развития в русских храмах многоярусных иконостасов в них появляется «пророческий чин». И предполагается, что такой ряд икон библейских пророков был в иконостасе Благовещенского собора — одного из тех кремлевских храмов, которые строились, расписывались фресками и украшались иконами в XV в.⁴⁴ Все это не могло не отразиться в книжной миниатюре XV в.

Вторая книга, отразившая многообразие разноместных влияний на оформление русской книги XV в., — Псалтирь, привлекавшая пристальное внимание еще Ф. И. Буслаева.⁴⁵ Книга эта диковинная не только по своему оформлению, но и по письму: ее полуустав постоянно переходит в скоропись разнообразных начертаний, подчас настолько необычных, что в ней находят сходство с тибетским письмом, а замысловатая вязь заглавий местами похожа на древнеарабское, куфическое письмо. Но особенно оригинальны ее заставки и инициалы. Среди первых наряду с орнаментированными в балканском и новозизантийском стилях попадаются иногда просто имитации памятников прикладного декоративного искусства — роскошных тканей, затканых золотом, махровых плетений ковров и даже изразцов. В инициалах — киноварных и многокрасочных — наряду с выполненными в тех же двух стилях встречаются буквы самого разнообразного абриса и орнаментации, а также просто рисунки, например скачущих всадников, причем в одном случае нарисован ангел, а в другом —

⁴⁴ Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв., с. 74.

⁴⁵ Буслаев Ф. И. Образцы письма и украшений из Псалтири с исследованием по рукописи XV в. — Собр. соч., т. III, Л., 1930, с. 158—190.

степной кочевник. По словам А. Н. Свирина, «художественная сторона» этой книги, так же как ее письмо, «не поддается определению, так как до настоящего времени неизвестны ее истоки, и она остается в течение более столетия с того момента, когда видел ее Ф. И. Буслаев, такой же загадочной и стоящей особняком в искусстве Древней Руси».⁴⁶

Итак, данная Псалтирь нетипична для художественного облика русской книги XV в. Но она с необыкновенной полнотой отразила тот широчайший диапазон влияний — византийского, южнославянского, западноевропейского и восточного — на искусство русской книги, который накопился в ее истории на рубеже двух полутысячелетий. В облике этой Псалтири, как в зеркале, отразилась вся совокупность зарубежных влияний на письмо и оформление русской книги XI—XV вв. И то, что эта книга стоит особняком среди своих современниц, является убедительным доказательством чрезвычайно важной особенности истории книги нашей страны. Обладая таким широким выбором разнообразных и разноместных зарубежных влияний, мастера русской книги постоянно и последовательно развивали и совершенствовали свои стили ее художественного оформления, соответствующие их собственным эстетическим потребностям.

Что же касается иноземных влияний, то преобладание тех или иных из них в образовании художественного облика русской книги было связано с той или иной политической ситуацией как внутри страны, так и международной. В типологически схожих ситуациях начала и конца первого полутысячелетия истории русской книги — в период быстрого расцвета политической мощи и подъема культуры Киевской Руси и в век становления Московского государства — преобладало влияние Византии, что отразилось в распространении старо- и нововизантийского книжного орнамента. Поэтому, как было уже сказано, нельзя говорить о «замене» нововизантийским орнаментом в русской книге XV в. предшествующего, тератологического: историческая ситуация создала условия для возрождения первого в истории русской книги стиля орнаментации. И не случайно, что нововизантийский орнамент, который «в подробностях несколько отличается от более древнего византийского», стал господствующим «в роскошных рукописях Московского государства».⁴⁷

Если начало XV столетия в истории искусства русской книги связывается с именами Феофана Грека и Андрея Рублева, то в конце его разворачивается деятельность еще одного знаменитого русского художника — Дионисия и его сыновей Владимира и Феодосия. Влияние искусства первого из них усматривается в отдельных миниатюрах Книги пророков; с именем последнего советские книговеды связывают происхождение так называемого «ста-

⁴⁶ Свирина А. Н. Искусство книги. . . , с. 98.

⁴⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 71—72.

ропечатного» стиля орнаментации книги. И хотя расцвет этого стиля приходится на XVI столетие и во второй его половине он связан с русским книгопечатанием, корни его ищут и находят в книжном орнаменте XV в.

Характеризуя неовизантийский стиль, советский историк книги Н. П. Киселев пишет: «Заставки, покрытые сетью тонких линий... разрабатанные на основе рисунков несравненного изящества, свидетельствуют о выдающейся одаренности каких-то неизвестных, но первоклассных мастеров, быть может, связанных со школой Дионисия и Феодосия. Имена этих художников особенно упоминаются в связи с тем, что начальные этапы нового стиля (имеется в виду старопечатный, — Н. Р.) относятся еще к XV в., скорее всего к 1480-м годам».⁴⁸ Другой советский книговед пошел дальше и в заключение раздела «Феодосий Изограф и его мастерская» пишет: «В 80-х гг. XV столетия в Москве появился мастер, который смело нарушает установившиеся каноны оформления рукописных книг... Наш мастер... впервые вводит в русскую книгу элементы старопечатной орнаментики, которая по-настоящему расцветает в зрелых работах Феодосия Изографа».⁴⁹ И хотя среди искусствоведов это утверждение вызвало возражения,⁵⁰ факт участия Феодосия в изготовлении книжных заставок, гравированных на металле, подтверждается документально — его именем на нескольких оттисках заставки.⁵¹ Таков еще один, совершенно неожиданный результат эволюции неовизантийского орнамента — результат, предопределивший появление в истории русской книги «старопечатного» орнамента задолго до начала книгопечатания в нашей стране.

Знакомство с первыми двумя слагаемыми художественного оформления русской книги XV в. — с ее орнаментацией и миниатюрой — показывает, какой разнообразный и богатейший арсенал средств художественного воздействия на читателя накопился в истории книги нашей страны за первые пять столетий ее существования. В руках выдающихся мастеров, в подавляющем боль-

⁴⁸ Киселев Н. П. Происхождение московского старопечатного орнамента. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. XI. М., 1965, с. 174.

⁴⁹ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 120—121.

⁵⁰ Попов Г. В. Дионисий и московская миниатюра. (Иллюстрация Лествицы в рукописи Герасима Замыцкого — памятник белозерского периода деятельности артели художника). — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 257.

⁵¹ Один из них наклеен в Апостоле XVI в. Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — Краеведческие записки, Ярославль, 1958, вып. III, с. 213—214. Два таких оттиска наклеены в Евангелии того же времени, подробнее о них см.: Немировский Е. Л. Возникновение... с. 135—142.

шинстве своем безымянных, способных воспользоваться всем богатством этого арсенала, книга становилась настоящим памятником изобразительного искусства. Однако этим не исчерпывался вклад книги XV в. в историю русского искусства: она подвела некоторый итог и истории русской музыки.

Фиксация напевов текстов появляется в русской книге уже в первые века ее существования, и это были не единичные и разрозненные случаи: сохранился почти полностью (10 томов из 12) годовой комплект Миней XII в., текст которых сопровождается так называемыми «крюковыми» нотами. Несмотря на то что этот комплект, как и тот, что был создан на рубеже XI—XII столетий, который упоминался выше, был изготовлен новгородскими книгописцами без участия художников и также «артельным» способом, в нем наблюдается гораздо большее стремление к украшению текста. Наряду с инициалами и примитивными заставками, рисованными чернилами, в них встречаются заставки и инициалы, графически более совершенные, сделанные киноварью и раскрашенные, есть попытки ввести в орнаментацию изображение: в заставке октябрьского тома нарисован Христос и ангелы (Сн. 160). В орнаментации отдельных заставок обнаруживается влияние старовизантийского и даже гератологического стилей. Создатели этих «звучащих» книг явно стремились усилить их эстетическое воздействие доступными им средствами изобразительного искусства. И не случайно, что на этих же книгах сохранились следы особой заботы книгописцев об их сохранности: «О горе тому, кто черькает у книг по подем! На оном свете те писмена исьцеркают беси на лице жагалом железным», — написано в январском томе (Сн. 163, л. 255 об.; в ноябрьском томе сохранился фрагмент подобной записи — Сн. 161).

Века феодальной раздробленности и чужеземного ига, нанесшие огромный урон памятникам культуры Древней Руси, замедлили развитие русской музыки, прервали одну из древнейших традиций ее фиксации, так называемую «кондакарную». В обстановке общего политического и культурного подъема в XV в. началось и возрождение русской музыки. «Восстанавливаются основные певческие традиции, сформировавшиеся и достигшие своего первого расцвета в эпоху Киевской Руси», — пишет современный исследователь и добавляет: «Изучение этого процесса затруднено, так как дошедших до нас певческих рукописей XV—начала XVI в. известно мало».⁵² Но и эти немногочисленные экземпляры дают многое. Во-первых, они продолжают свидетельствовать о том, что певческие книги и в XV в. старались лучше украсить; если не было возможности нарисовать такую красивую заставку, как, например, в Стихираре 1422 г., то для нее оставалось место, явно в расчете на то, что кто-нибудь в будущем

⁵² Фролов С. В. Старейшая певческая рукопись Дрвлекранилища Пушкинского Дома. — ТОДРЛ, 1976, т. XXXI, с. 385.

заполнит его. И эти расчеты в большинстве случаев оправдывались: на оставленных для них местах появляются заставки и инициалы следующего столетия, от которого сохранилось значительно больше певческих книг, и многие из них роскошно орнаментированы. Во-вторых — и это главное — в списках XV в. сохранились статьи по теории музыки и ее нотации, дающие современным исследователям ключ к расшифровке последней.⁵³ Таков в самых общих чертах вклад русской книги в историю отечественной музыки.

Переходя к рассмотрению иллюстрации русской книги XV в., прежде всего отметим, что от этого столетия, так же как и от предыдущих, сохранилось очень мало ее памятников. Вероятно, это не случайно, а отражает особенности репертуара и функционального предназначения русской книги XI—XV вв. Подавляющее большинство ее экземпляров было рассчитано на чтение вслух; такова почти вся богослужebная книга и значительная часть книг для чтения. Художественное оформление книги — ее орнаментация и миниатюры — помогали выразительности чтения: они оформляли деление текста на смысловые и сюжетно законченные куски,⁵⁴ а также способствовали общему эмоциональному подъему исполнителей; последнее, как уже было сказано, явно учитывалось при изготовлении «звучащей», певческой книги. Рассматривать же иллюстрации чтецу или певцу в церкви или вне ее было просто некогда — это отвлекало бы его внимание от орфоэпии или музыки текста книги — и появление иллюстрации следует рассматривать прежде всего как признак изменения исконного функционального предназначения книг традиционных или же в качестве свидетельства появления нового жанра в репертуаре книги.

Из всех книг «священного писания» — Библии — в старину наиболее часто читаемыми были две: Псалтирь и Евангелие. Но если относительно чтения последнего в быту русских людей XI—XV вв. можно только строить предположения на основании распространения так называемых «Толковых» и «Учительных» евангелий, то домашнее чтение Псалтири засвидетельствовано уже в XII в. Поучением Владимира Мономаха. И не случайно то, что именно Псалтирь стала в истории русской культуры первой иллюстрированной библейской книгой.

Традицию иллюстрирования Псалтири русская книга заимствовала, как и многое другое, из Византии. Однако уже в ста-

⁵³ Подробнее см.: Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. По рукописным материалам XV—XVIII веков. Л., 1972, с. 25—67.

⁵⁴ О значении элементов орнаментального убранства книги в качестве «опознавательных знаков для чтеца» пишет О. И. Подобедова: Некоторые проблемы изучения рукописной книги. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 7.

рейшей из сохранившихся русских иллюстрированных Псалтирей (Хлудовской XIII в.) сочетаются две традиции: иллюстрирование на полях и на отдельных листах, связанные с двумя ее редакциями. Это свидетельствует о творческом подходе к делу изготовителей Хлудовской псалтири, которые не ограничились копированием оригиналов. Иллюстрации знаменитой Киевской псалтири 1397 г., относящейся к первой из названных традиций, также являются, по моему твердому убеждению, не копией византийского оригинала, по самостоятельному творчеством ее художников.⁵⁵ И эта традиция «маргинального» иллюстрирования Псалтири, когда рисунки располагаются только на полях, в непосредственной близости к тексту, очень удобная для читателя, получила в русской рукописной книжности последующих веков значительное распространение. Вторым после Псалтири 1397 г. сохранившимся памятником этой традиции является Псалтирь 1485 г., созданная в Угличе.

Углическая псалтирь в свое время привлекла пристальное внимание Ф. И. Буслаева, посвятившего ей значительную часть своего исследования «Византийская и древнерусская символика по рукописям от XV до конца XVI в.». Но в те времена ученым не была еще известна Киевская псалтирь 1397 г., и в работе Буслаева она не фигурирует. Поэтому остановлюсь на сравнении этих двух одноименных, но различных по своему художественному облику книг.

Ф. И. Буслаев отмечает прежде всего простонародность иллюстраций Углической псалтири, роднящую ее с лубочными картинками XIX в., наряду с тем, что ее «наивный писец и его невзыскательные читатели лучше многих образованных людей нашего времени понимали античные формы, принятые христианским искусством в самую раннюю эпоху его развития».⁵⁶ Отсюда — подмеченные им отражения в иллюстрациях Углической псалтири «скульптурного начала», прежде всего в изображениях символических фигур, восходящих к античности, а также и весь тот символизм, которым пронизаны иллюстрации этой книги. Не зная того, что в России уже существовала Псалтирь, близкая к византийским оригиналам, — Киевская, Буслаев, говоря об иллюстрациях библейских сюжетов в Углической псалтири, предполагает, что их «символический параллелизм» восходит непосредственно к византийскому оригиналу, который «относился уже к той эпохе, когда в иконописи определились и установились изображения

⁵⁵ Розов Н. Н. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, с. 65—82. Автор новейшего исследования утверждает, что эта книга скопирована с византийского оригинала, но с какого именно — неизвестно, хотя им привлечены обширные сведения о многих сохранившихся византийских Псалтирях такого типа иллюстрации (Вздорнов Г. И. Исследование о Киевской псалтири. М., 1978, с. 64—74).

⁵⁶ Буслаев Ф. И. Исторические очерки народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, с. 203.

всех важнейших событий евангельских, типы многих мучеников и святых, а также некоторых церковных праздников». ⁵⁷ В иконографии этих сюжетов в Угличской псалтири Ф. И. Буслаев находит отражения отдельных византийских и древнерусских памятников изобразительного искусства — монументальной и станковой живописи, а также книжной миниатюры. В заключение он пишет: «Несмотря на плохую технику угличских миниатюр, нельзя не заметить в некоторых следы высокого стиля». ⁵⁸ Далее кратко характеризуются отражения иллюстраций Угличской псалтири в одноименных книгах XVI и XVII вв.

Располагая возможностью сравнить Угличскую псалтирь с Киевской, попытаемся дополнить и уточнить некоторые выводы Ф. И. Буслаева. Прежде всего отметим текстуальные различия, начинающиеся с заголовков. В Киевской псалтири в них содержатся элементы комментария: названы имена авторов и адресатов отдельных псалмов, иногда указываются обстоятельства их написания. В Угличской все псалмы надписаны одинаково: «Псалом Давидов» или просто «Псалом», и это уже ограничило возможности ее мастера. В заголовке, например, 71-го псалма в Киевской псалтири сказано, что речь пойдет о сыне Давида — Соломоне; в Угличской этого нет и, естественно, отсутствует изображение последнего. Однако в Угличской псалтири нет многих иллюстраций Киевской, связанных и с текстом псалмов, — паряду с тем, что встречаются иллюстрации, в последней отсутствующие. ⁵⁹ Все это, прежде всего, свидетельствует о том, что Угличская псалтирь не восходит к Киевской, как это предполагали некоторые исследователи. ⁶⁰

Однако мастер Угличской псалтири, так же как и иллюстратор Киевской, не был простым копистом и отразил в некоторых рисунках свое осмысление, а местами недопонимание сложной аллегорической системы образов текста. Так, он добавил, например, иллюстрацию выражения 5-го псалма «гроб отверст гортань их» (имеются в виду «нечестивые») рисунком каменной гробницы; в Киевской псалтири это выражение понято и иллюстрировано буквально. ⁶¹ Непонятым остались в Угличской псалтири и некоторые реалии, в частности музыкальные инструменты, названные в тексте; сама псалтирь — струнный инструмент в руках Давида в Киевской псалтири (рис. 3) — в Угличской пре-

⁵⁷ Там же, с. 209.

⁵⁸ Там же, с. 212.

⁵⁹ Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. О генеалогии русских лицевых Псалтирей XIV—XVI вв. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. М., 1970, с. 229—233.

⁶⁰ Свирин А. Н. Искусство книги..., с. 104.

⁶¹ Трудно согласиться с объяснением этого изображения как «замысловатой композиции в виде „двух износящих словеса“ нечестивцев» (Вадорнов Г. И. Исследование о Киевской псалтири, с. 106): буквализм понимания иллюстратором текста в данном случае слишком очевиден.

вратилась в какую-то коричневую доску (л. 337; рис. 4). Однако она не заменена рисунком гуслей, как это делали иллюстраторы русских Псалтирей XVI и XVII вв. той же «маргинальной» традиции. Зато аллегория ада, изображенную в Киевской псалтири, согласно византийской традиции, в виде обнаженной мужской фигуры, в которой нетрудно увидеть ее прообраз — античного властелина преисподней Аида, мастер Угличской всюду заменяет темной фигурой с растрепанными, торчащими волосами, как было принято в средневековой русской живописи изображать «нечистую силу», дьявола (такие маленькие фигурки, причем весьма динамичные, есть и в Киевской псалтири).

Перечисленные и многие другие отличия Угличской псалтири от Киевской имеют немалое значение для изучения истории иллюстрации русской книги. Они показывают, как менялся облик книги традиционного содержания и столь же традиционной системы иллюстрирования при переходе в иную социальную среду. Киевская псалтирь — книга «аристократическая» как по совершенству художественного оформления, так и по своему «социальному происхождению»: ее заказчиком был архиерей, а исполнителем протодиакон; этот духовный сан (буквально — «первенствующий диакон») в приписках русских книгописцев указывается чрезвычайно редко. Заказчик Угличской псалтири неизвестен; может быть, его и не было, а Федор Клементьев сын Шарапов — как назвал себя ее исполнитель — изготовил эту книгу для своего собственного домашнего чтения. Сохранилась еще одна Псалтирь его письма 1491 г., без иллюстраций, относящаяся к так называемому «следованному» типу этой книги, приспособленному для богослужебного употребления. Быть может, этот, по всей видимости, опытный книгописец представлял разницу функционального предназначения между богослужебной и четьей книгами, создавая для себя иллюстрированную Псалтирь?

В иллюстрациях Псалтири 1485 г. особенно ценны отражения народного понимания текста и сама «лубочность» их исполнения, отмеченная еще Ф. И. Буслаевым. Если иллюстрации Киевской псалтири с их мягкой гаммой красок, с их ювелирной отделкой тончайшими золотыми линиями — асистами — напоминают храмовые мозаики и иконы, то плотные и грубоватые тона Угличской — раскраску изделий народного прикладного искусства. В качестве памятника, стоящего на грани между живописью и прикладным искусством, она должна привлечь внимание искусствоведов. А факсимильное издание Угличской псалтири, вслед за Киевской,⁶² предоставит возможность книговедам изучить на данном,

⁶² Киевская псалтирь 1397 г. из Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОЛДП F 6). М., 1978. Факсимильное воспроизведение памятника в данном случае не совсем точно передает краски оригинала, особенно цвет пергамента. Однако для книговедческого изучения это издание вполне приемлемо — в первую очередь для изучения связей текста, насыщенного аллегориями и иноска-

весьма убедительном примере взаимодействие традиционного и народного начала в иллюстрации русской книги в переломный момент истории последней. Важно отметить, что в русских лицевых Псалтирях XVI в. в сюжетах иллюстраций наблюдается больше сходства не с Угличской, а с Киевской псалтирью. И это не случайно: большая часть этих книг была создана по заказам представителей московской знати. Один только боярин Дмитрий Годунов — дядя царя Бориса — заказал в 1594 г. сразу десять экземпляров Псалтири с иллюстрациями на полях, пожертвовав их в кремлевские соборы и самые знаменитые монастыри.⁶³

Киевская и Угличская псалтири являются примерами изменения облика книги при перемене ее традиционного функционального назначения. Одна из книг Ветхого завета, гораздо больше других применявшаяся при богослужении, Псалтирь в своем новом качестве — книги для чтения — стала выглядеть совсем иначе. И достигается это исключительно с помощью иллюстрирования: орнамент заставок и инициалов обеих этих книг — традиционный, византийский. Однако в данном случае сюжеты, иконография, сама система иллюстрирования были также традиционными, заимствованными — не рабски, но творчески — из их оригиналов.

Обратимся теперь к примеру, когда иллюстрация рождается на наших глазах из другого элемента художественного оформления книги — миниатюры. Рассмотрим случай, когда иллюстрация появляется в результате качественного изменения традиционной иконографии изображения автора и названия книги.

Как уже говорилось, авторы в древнерусских книгах изображались чаще всего в образе книгописцев в разных состояниях — приготовления к писанию и за работой. Гораздо реже попадаются изображения авторов в качестве исполнителей своих произведений; миниатюра Хлудовской псалтири — явление уникальное. И совсем редко авторы рисовались вместе с теми, кому их книги предназначались. Однако в одной из популярных книг русского средневековья — Лествице Иоанна Синайского — автор стал изображаться в ином качестве: не пишущим книгу, а проповедующим свое учение. Такое изображение находится в Лествице первой трети XV в. (ГБЛ, собр. В. А. Десницкого; рис. 5): Иоанн стоит на небольшом возвышении, обернувшись к толпе своих учеников — разного возраста, данных в различных ракурсах и позах, но каждый — индивидуально. Однако статуарность, поза «пред-

заниями, с его иллюстрацией. В этом большую помощь окажет подробное описание миниатюр, опубликованное Г. И. Вздорновым в «Исследованиях о Киевской псалтири» (с. 105—145) в отдельном томе, приложенном к ее факсимальному изданию.

⁶³ Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. О генеалогии... Там же сводная таблица сюжетов иллюстраций Киевской, Угличской и Годуновских псалтирей с указаниями важнейших «разночтений» между ними.

стояния», столь свойственная древнерусской живописи, отразилась и на этом изображении уже не состояния, но действия.⁶⁴ Зато ничего от статуарности не остается на другой миниатюре, иллюстрирующей название книги: по лестнице спешат взбежать на небо три монаха (стремительность движения подчеркивается тем, что каждый из них шагает через несколько ступеней, а также развивающейся верхней одеждой — мантией двух из них); два монаха стремглав падают в пропасть, в пасть красному чудовищу, символизирующему ад, которое уже поглощает третьего (рис. 6). Если вспомнить самый ранний в истории русской книги пример, когда на миниатюре было изображено название книги, совпавшее в том случае с изображением ее «коллективного автора», то новаторство иллюстраторов этой Лествицы становится особенно явным. В Изборнике Святослава «собор отцов» — авторов статей этой книги — изображен внутри здания, строго фронтально и статуарно, хотя при большом разнообразии иконографии «лик»». Можно привести и хронологически более близкий пример — знаменитую миниатюру Сийского евангелия 1340 г., где толпа апостолов нарисована в движении, идущими к Христу. Но, во-первых, шествие это также церемониальное, а во-вторых — и это главное — данная миниатюра не является иллюстрацией, она нарисована в конце евангельского чтения, рассказывающего о суде над Иисусом, когда, как об этом говорится в тексте, ученики его разбежались. Вероятно, художник просто воспользовался почти чистой страницей (на ней написаны лишь три с половиной строки одного столбца), чтобы показать свое искусство, а не для того, чтобы иллюстрировать книгу.⁶⁵

Имеется возможность увидеть и результат эволюции рассмотренных иллюстраций Лествицы на примере экземпляра начала следующего столетия, художественное оформление которого современными искусствоведами связывается с творчеством Дионисия и его школы. Это — сборник (ТС-162), в котором объединены два весьма популярных в русском средневековье аскетических произ-

⁶⁴ Вряд ли правомерна трактовка этой сцены как «мистическое присутствие знаменитого отшельника в момент обсуждения иноками его заветов и наставлений» (Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980, с. 89). Несвязанность позы Иоанна с группой монахов, стоящих фронтально, проще объяснить несовершенством композиции этого изображения, несущего следы традиционной статуарности «портретов» авторов книг.

⁶⁵ Г. И. Вздорновым обнаружена еще одна миниатюра этой книги, вырезанная кем-то и хранящаяся ныне в Русском музее. Однако и она не является иллюстрацией, так как располагалась среди текста, ей не соответствующего. Предположения о причинах появления и сюжете этих изображений высказаны Г. И. Вздорновым в статье: Из истории искусства русской рукописной книги XIV в. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 146—150. При этом отмечается, что русские евангелия XI—XV вв. «вообще не имеют миниатюр, которые сопровождали бы текст» (с. 150), т. е. иллюстраций.

ведения: Лествица и Паренесис (буквально — «Увещевание») Ефрема Сирина. Обе рассмотренные выше миниатюры совмещены здесь на одной странице с некоторыми дополнениями (рис. 7). Иоанн с развивающимся вверх свитком в руках стоит на ступеньках крыльца храма, обращаясь к толпе монахов, стоящих слева, изображенных более «кучно», чем на миниатюре предыдущей Лествицы, — настолько, что лица стоящих сзади не видны. Лествица на небе начинается за спиной Иоанна, как бы приглашающего жестами рук своих учеников воспользоваться ею. В небе — два летящих ангела; один из них держит в руках венец — такой же, которым венчает Христос, высунувшийся из радужного сегмента неба в правом верхнем углу миниатюры, монаха, добравшегося до вершины лестницы. К символу ада — красной пасти — добавлены две черные силуэтные фигуры крылатых дьяволов, которые крючками стараются сдернуть монахов с лестницы. Справа, на лещадках горы стоят один над другим три стола с яствами и питьем. Несмотря на обилие дополнительных деталей, эта миниатюра выглядит более статуарной и иконописной, чем предыдущая: монахи уже не бегут по лестнице, а шагают по ступеням. И недаром сопоставление ее с иконами круга Дионисия заняло так много места в недавно опубликованном исследовании — том самом, где оспаривается предположение о существовании специальной книжной мастерской этого художника.⁶⁶ Вторая же миниатюра этой книги целиком традиционна: Ефрем Сирин изображен за столиком с письменными принадлежностями на фоне «палатного письма», лещадок гор и отдельных деревьев на них.

Приведенный пример показывает, с одной стороны, как книжная миниатюра традиционного сюжета — изображение автора — может стать иллюстрацией, с другой — возможностью возвращения последней «в лоно» миниатюры. Миниатюра лишается своего важнейшего свойства — динамизма, что давало ей возможность изображать не только состояние, но и действие, и превращается вновь в икону, вшитую в книгу. У Дионисия так вряд ли бы получилось: его иконы и особенно росписи полны динамизма, изображают не только состояние, но и разнообразные действия персонажей. В данном случае явно проявилось эпигонство, старание художника «подогнать» миниатюру под ту сторону творчества знаменитого мастера, которая ему больше импонировала, — иконописное «благолепие». Поэтому совмещение двух эпизодов на одном рисунке — прием, дающий большие возможности для изображения действия, в данном случае не имел обычного результата.

Совмещение на одном рисунке двух и более сюжетов, широко применявшееся иллюстраторами русской книги XVI в. и давшее им максимальные возможности изображения действия, — прием, зародившийся также в конце XV столетия. Об этом свидетельствует сборник конца XV — начала XVI в., значительная часть ко-

⁶⁶ Попов Г. В. Дионисий и московская миниатюра, с. 269—274.

того подробно иллюстрирована многочисленными изображениями между законченными кусками текста двух произведений — Хождения Иоанна Богослова и Жития Бориса и Глеба. Иллюстрации этой книги были подробно изучены и опубликованы ее бывшим владельцем акад. Н. П. Лихачевым.⁶⁷

Иллюстрации первого из названных литературных памятников он сравнил с «лицевым» его списком первой половины XVI в. При этом выяснилось, что, кроме текстуальных и лексических различий между двумя этими книгами, имеются и иллюстративные. Из последних наиболее интересны два, являющиеся следствием цензуры текста списка XVI в.

На первой из этих иллюстраций Лихачевского списка изображено «видение» ученика Иоанна Богослова — Прохора, который в миниатюрах Евангелия обычно рисовался вместе со своим учителем: во время чтения им в церкви этой книги (Прохор впоследствии стал дьяконом) от престола потекла вода, которую присутствующие стали черпать «ушатцами», ведрами и корчагами, «а ин же перстом лизаше», как сказано в тексте. Необычное, экстравагантное поведение этого персонажа, нарушившее благолепие богослужения в один из важнейших его моментов, явно привлекло внимание иллюстратора книги, и он нарисовал его, проявив одновременно равнодушие к бытовым реалиям: никаких ушатов, ведер и корчаг на иллюстрации нет — все фигуры подставляют под струю кувшины. Бытовизм этой сцены, видимо, оказался неприемлемым для создателей списка Хождения XVI в., и она оказалась исключенной из текста. Во второй иллюстрации ортодоксов XVI столетия, вероятно, смутило изображение другого «видения»: при входе в город Эфес Иоанну и Прохору явилась огненная колесница со «страшными» возницами. На иллюстрациях лихачевского списка нарисованы два концентрических круга из киноварной плетенки с соединяющими их радиусами — не колесница, а колесо, вписанное в квадрат. Этот рисунок окружают пять красных серафимов — таких же, какие нарисованы на описанной выше иллюстрации по углам престола; из крыльев четырех из них высовываются головы символов евангелистов — льва, тельца, птицы и человека. В данном случае, возможно, отразилась не только фантазия иллюстратора, но и какие-то апокрифические, может быть, даже еретические его представления.

Стимулом иллюстрирования Хождения Иоанна Богослова, по всей видимости, была занимательность его содержания в целом и экспрессивные описания отдельных эпизодов. Вот как, например,

⁶⁷ Ныне она хранится в составе коллекции Н. П. Лихачева (ЛОИИ, кол. 238, оп. 1, № 71). Подробно об этой книге см.: Лихачев Н. П. 1) Лицевое Житие св. благоверных князей русских Бориса и Глеба по рукописи конца XV столетия. СПб., 1907, с. 18—24; 2) Хождение св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова по лицевым рукописям XV и XVI веков. СПб., 1911 (здесь же — таблица сравнения иконографии сюжетов иллюстраций этих книг).

описывается избивание Иоанна язычниками: «И ту абие акы зверие дивии сыроядци нападаху ему и разбивши и о землю нападше ему зубы своими хапаху». И все эти подробности буквально переведены в иллюстрацию, причем двое из язычников одеты в европейские костюмы (л. 62 об.). Однако по экспрессивности изображения иллюстрация уступает тексту: «разбитый о землю» Иоанн нарисован как бы согнувшимся в земном поклоне (лишь голова его повернута вверх) — поза, распространенная в иконописи, особенно в клеймах житийных икон, а нападающие на него как дикие звери — «сыроядцы» — люди спокойно стоят над ним; только один из них, склонившись, скорее лижет, чем «хапает зубами», спину поверженного. И недаром так много общего с иллюстрациями Хождения находят в клеймах житийной иконы Иоанна Богослова конца XV—начала XVI в.⁶⁸

Второй цикл иллюстраций сборника Н. П. Лихачева — Жития Бориса и Глеба — отличается несколько большей иконописностью: фигуры этих иллюстраций удлинены и несколько статуйны. Однако в них наблюдается стремление рисовальщика к исторической документальности, что нашло свое выражение в изображении реалий быта, костюмов и вооружения. Иллюстрация этого произведения в русской книге здесь появляется впервые; ближайшая аналогия им — так называемый Сильвестровский сборник конца XIV в., где Житие Бориса и Глеба также иллюстрировано.⁶⁹

Видимо, отсутствием традиции иллюстрирования следует объяснить то, что Житие еще одного русского святого — знаменитого государственного деятеля и полководца Александра Невского — оказалось в лихачевском сборнике без иллюстраций. Но в данном случае надо иметь в виду и следующее: Житие Бориса и Глеба — памятник русской литературы XI в. — сразу же нашло многочисленные отражения в иконописи, в то время как Житие Александра Невского начало распространяться только в XV в., а изображения его в древнерусской иконописи появляются

⁶⁸ Попов Г. В. Иллюстрации «Хождения Иоанна Богослова» в миниатюре и станковой живописи конца XV в. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, с. 207—221. В статье эти иллюстрации связываются с другими лицевыми книгами последней четверти XV в., говорится, что все иллюстрированные списки Хождения XV и XVI вв. «в своей основе имели оригинал, изготовленный при княжеском или митрополичьем дворе» (с. 212).

⁶⁹ Срезневский И. И. Сказание о св. Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860. В издании воспроизведен факсимильно текст и даны прориси иллюстраций; некоторые из последних переданы в цвете. О связи этих иллюстраций с иконописью пишет Н. П. Лихачев (см.: Лицевое Житие..., т. 12—15). Им посвящена также глава монографии А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944, с. 157—176), где он сравнивает иллюстрации двух списков этого памятника — Сильвестровского и из собрания Уварова (XVI в.), уделяя большое внимание изображению в них реалий княжеского быта, а также оружия.

только в XVII в. Таков еще один факт связи иллюстрации русской рукописной книги с иконописью.

Иллюстрации Жития Бориса и Глеба рассматриваются исследователями наряду с тверским списком начала XIV в. византийской хроники Георгия Амартола в качестве источников того качественно нового вида летописания, к которому относятся колоссы рукописной книжности следующего столетия — 10 томов Лицевого летописного свода с их 16 тысячами изображений. Несколько особняком стоит в этом ряду так называемая Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись конца XV в.

Происхождение текста этой книги дебатруется в достаточно обильной литературе, начинающейся с работ акад. А. А. Шахматова; истоки и особенности ее иллюстрации послужили поводом для меньшего числа исследований историков и искусствоведов.⁷⁰ С книговедческой точки зрения представляются прежде всего интересными некоторые итоги изучения этой книги, дающие представление о процессе ее написания и иллюстрирования.

Исследователями отмечаются незаконченность иллюстрирования этой книги и следы работы нескольких рисовальщиков, каждый из которых оставил в ней отражение своего осмысления текста. Как установило новейшее исследование иллюстраций Радзивилловской летописи, проделанное с помощью современных технических средств — фотосъемки в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, над ними работали три мастера, два первоначально и одновременно с перепиской текста, третий — позднее. При этом два первых рисовальщика иногда механически соединяли в одном рисунке два изображения, помещенные рядом в двух столбцах оригинала; когда же на странице оказывалась иллюстрация лишь в одном столбце, то рисовальщики, чтобы растянуть изображение до полей страницы, повторяли фигуры и детали оригиналов, что вносило иногда «своеобразный ритм замедленного действия», а чаще «нарушало» этот ритм и внутреннюю слаженность композиции. «Однако во всех случаях миниатюрист стремится в пределах одной композиции представить одно событие»,⁷¹ в чем и заключается отличие иллюстра-

⁷⁰ Обзор литературы, посвященной Радзивилловской летописи, см.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 49—53.

⁷¹ Подобедова О. И. Миниатюры..., с. 56. В дальнейшем отмечается «глубокая связь» Радзивилловской летописи «с традициями древней русской миниатюры», в том числе с иллюстрациями Жития Бориса и Глеба, говорится об архаической манере ее первого рисовальщика, о том, что второй мастер «явно обнаруживает свою принадлежность к более позднему периоду в развитии древнерусской художественной культуры» (с. 60), что отразилось в исправлении, дорисовке и даже замене им некоторых изображений первого иллюстратора (последние сделаны на наклейках). Все это связывается с исторической судьбой этой книги, причем высказывается предположение о ее тверском происхождении (с. 90—94).

ций Радзивилловской летописи от Лицевого летописного свода XVI в.

Отсылая интересующихся гипотезами о происхождении Радзивилловской летописи к цитированному новейшему исследованию, остановлюсь на сюжетах, связанных с историей русской книги. Они начинаются с изображения создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия. На первой из этих иллюстраций (л. 13) две симметрично расположенные по краям рисунка фигуры в облачении архиереев пишут на свитках, сидя за столами. Так, вероятно, иллюстратором Радзивилловской летописи или ее оригинала были поняты два первоначальных этапа деятельности солунских братьев: работа по созданию алфавита и перевод важнейших богослужебных книг. Сходство обеих фигур, в то время как Кирилл и Мефодий различались не только возрастом, но и своим иерархическим положением (архиереем позднее стал только второй из них), может быть объяснено двояко: либо здесь механически соединены изображения Мефодия в двух столбцах оригинала, о чем говорилось выше, либо же просто повторена одна и та же фигура, либо в сознании иллюстратора значение деятельности обоих братьев уравнивалось одинаково высоким духовным саном. Второе предположение подкрепляется иконографией Кирилла и Мефодия: в болгарской и древнерусской иконописи они оба часто изображались в облачении архиереев.⁷²

Вторая иллюстрация начального периода истории славянской письменности (л. 14) изображает уже сам процесс производства книги: Мефодий диктует двум «попам доброписцам», как сказано в тексте; первый из них пишет в раскрытой книге, а второй, вероятно, уже закончил свой «урок» и сидит перед попитром, на котором лежит раскрытая книга, протягивая руки к Мефодию.

Обе эти иллюстрации не имеют следов позднейшей правки или дорисовки. Третья иллюстрация (л. 88), относящаяся уже непосредственно к истории русской книги, была даже заклеена изображением сюжета, к данному месту текста никак не относящегося. Это свидетельствует о том, что иллюстрации Радзивилловской летописи были срисованы с разных оригиналов различной политической тенденциозности и к ним каждый иллюстратор отнесся по-своему. «Только руководствуясь летописным текстом, далеким от интересов Киевской державы, можно было

⁷² Василев Асен. Образы на Кирил и Методий в чуждото и нашето изобразително изкуство. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963, с. 393—488. В статье приводятся многочисленные иллюстрации — изображения Кирилла и Мефодия в итальянской, болгарской и русской монументальной и станковой живописи IX—XX вв. В числе их — описанная иллюстрация Радзивилловской летописи и изображение солунских братьев в русском иконописном подлиннике XVII в., где оба также в архиерейском облачении (с. 414).

миниатюру, относящуюся к тексту о правлении Ярослава Мудрого и прославляющую его просветительскую деятельность, заменить изображением павших коней, с которых сдирают шкуры во время мора коней в войске Владимира Ярославича», — пишет О. И. Подобедова.⁷³ Первоначальная же, заклеенная иллюстрация имеет для истории русской книги первостепенное значение. На ней изображена книгописная мастерская Ярослава Мудрого — в качестве иллюстрации знаменитого летописного текста, описывающего создание первой русской библиотеки (рис. 8). По краям этой иллюстрации, так же как в изображении деятельности Кирилла и Мефодия, нарисованы две фигуры в схожих одеяниях, сидящие перед столами на почти одинаковых, каких-то плетеных креслах со спинками, не похожих на те «столы», на которых сидят в иллюстрациях Радзивилловской летописи князя. Человек, изображенный слева, с лицом более молодым, чем у изображенного справа, держит в руках книгу, вероятно, только что снятую с массивного пюпитра, стоящего на столе, и жестом приказания вручает ее молодому человеку. Стоящие рядом двое пожилых людей обращены к человеку, сидящему справа и держащему в руках длинную полосу бумаги, на которой написано несколько строк текста. Совмещение на этом рисунке двух иллюстраций оригинала выявляется тем, что фигура молодого человека почти полностью заслонена двумя персонажами правой части композиции. В результате получилось «замедленное действие», смысл которого — соответственно с иллюстрируемым текстом — можно представить себе так: некто, вероятно, один из руководителей книгописной мастерской, дает книгу молодому человеку, чтобы тот перевел или переписал ее; сидящий справа пожилой человек читает текст будущей книги, вероятно, проверяя его. То, что он не только читает, но и, может быть, собирает править текст, показывает стоящая на его столе чернильница (на столе слева ее нет). Двое находящихся перед ним пожилых людей то ли вручили «правщику» текст, то ли ждут, когда он отдаст его им для переписки; скорее всего — последнее, так как оба они протягивают к нему руки. Интересны костюмы действующих на этой иллюстрации лиц. Сидящие на флангах фигуры — в плащах, сколотых около шеи круглыми пряжками, — явно «светские» лица; фигуры в центре — духовенство: на двух пожилых из-под фелони или мантии видны епитрахили, на третьем, молодом, может быть, стихарь — видно только оплечье. И на память приходят имена известных по выходным записям книгописцев XI в. — «попа Упыря Лихого», написавшего, по его выражению, «из кириловице» книгу в 1047 г. для сына Ярослава Владимира, диаконов Григория и Иоанна — писца Изборников 1073 и 1076 гг., священника, которого звали, вероятно, Петром (его имя читается

⁷³ Подобедова О. И. Миниатюры... , с. 80.

плохо) — одного из писцов Архангельского евангелия. 1092 г. Некоторые из названных лиц были не только переписчиками: выражение «из кириловице» исследователями понимается как указание на то, что оригинал книги Упыря Лихого был написан глаголицей,⁷⁴ Григорий и Иоанн списывали свои книги с болгарских оригиналов. Таким образом, в рассмотренной композиции можно увидеть нечто большее, чем иллюстрацию данной книги.

В Радзивилловской летописи есть еще две иллюстрации, относящиеся к истории русской книги. На первой из них нарисовано, как пишется монастырский устав, что явствует из текста (л. 93); на второй митрополит приказывает вписать имя Феодосия Печерского в Синодик. Первая ближе к традиционной иконографии книгописания: монах пишет на свитке, как иногда изображались евангелисты; вторая более непосредственно иллюстрирует текст: митрополит дает книгу монаху, который вписывает в нее начальные буквы имени «Θεω» (л. 154).

Следует подчеркнуть, что все приведенные примеры относятся именно к книгописанию; другой вид древнерусской письменности, так называемой «деловой», отражен в иллюстрациях Радзивилловской летописи многократно — в сценах отправления послов и заключения договоров между князьями (в этих сценах нарисованы свитки-грамоты). И иллюстрации процессов создания книги находятся в этой летописи, кроме последней, в начальной ее части, принадлежат ее первому рисовальщику, в творческой манере которого отмечаются черты явного архаизма. Как бы ни объяснять это — либо тем, что данные иллюстрации восходят к древнейшей, не дошедшей до нас лицевой летописи, либо как специфическую черту художественного мышления этого иллюстратора — в рисунках Радзивилловской летописи мы видим зрительное восприятие человеком первого полутысячелетия истории русской книги процесса ее создания. И все эти реалии книгописания достойны такого же внимания историков книги, какое уделил современный историк изображению воинских сцен и их деталей — оружия, отдельных родов войск — или процессов труда, а также сельскохозяйственных орудий и инструментов ремесла.⁷⁵

Кроме иллюстраций, изображающих процесс книгописания, внимание книговедов должно привлечь в Радзивилловской летописи отражение работы книгописцев и иллюстраторов при создании самой этой книги: следы компиляции текста, свойственные русскому летописанию, совпадают с аналогичными приемами ее рисовальщиков. Что же касается дальнейшей редактуры, также обычной для летописания, то в данном случае она больше видна не в тексте, а в его иллюстрировании. Так, на-

⁷⁴ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 25.

⁷⁵ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры..., с. 4—40.

пример, исследователи отмечают последовательное проведение феодальной «табели о рангах» в исправлениях вторым мастером рисунков первого путем дорисовки деталей одежды и головных уборов персонажей.⁷⁶ Третий же мастер, дополнивший работу своих предшественников преимущественно в части архитектурных фонов и работавший кистью, яркими красками, «по-видимому... был не лишен наблюдательности и юмора. Часто, быть может даже вопреки иллюстрируемому им сюжету, он придает веселое выражение действующим лицам многих сцен... Занимает его и язык жестов».⁷⁷ Все это придает иллюстрациям Радзивилловской летописи необычную по тем временам живость, какую-то кинематографичность, что действительно не только ставит эту книгу вне ряда ее «лицевых» современниц, но и дает возможность увидеть в ней прообраз той системы иллюстрации, которая наиболее полно отразилась в лицевых летописных сводах XVI в.

Важно отметить и необычную, максимальную слитность текста и иллюстраций Радзивилловской летописи, что особенно четко выявляется при ее сравнении с другими «лицевыми» книгами предшествующих и последующих столетий. Достигается это простым приемом: вокруг иллюстраций нет рамок; они сами как бы обрамляют, подытоживают куски текста.⁷⁸ При этом не чувствуется какой-либо заданности, предварительной разметки текста, чтобы высвободить место для иллюстраций, как это было в работе над Лицевым сводом.⁷⁹ Писец и рисовальщик как будто трудились рядом в полном единомыслии, какие именно эпизоды следует иллюстрировать. Местами это показывают колофоны, расположенные не там, где они обычно делались, — в завершении законченных кусков текста; иногда они разрывают текст на полужразе. Так, например, сведена колофоном середина фразы в небольшой статье под 6497 (989) годом: «И попы корсуньский пристави служити в ней и вдав», продолженная на следующей странице: «ту все еже взял в Корсуни» (л. 67 и об.). Это может быть объяснено так: писец заинтересовался текстом данной статьи, повествующей о построении князем Владимиром церкви, и сделал так, чтобы ее иллюстрация выделялась среди остальных, будучи отделена от текста колофоном

⁷⁶ Подобедова О. А. Миниатюры. . . , с. 64—72.

⁷⁷ Там же, с. 87.

⁷⁸ Отсутствие рамок иллюстраций отличает Радзивилловскую летопись от тех книг, которые обычно ставятся в ряд памятников русской лицевой историографии XIV и XVI вв. — тверского списка Хроники Георгия Амартола и Лицевого летописного свода Ивана Грозного.

⁷⁹ В оригиналах Лицевого свода обнаружены следы предварительной разметки текста (для иллюстраций) каплями воска, см.: Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редких книг БАН. М.; Л., 1966, с. 5—19.

и расположена вверху страницы. Еще пример. В изложении одного из эпизодов жизни монахов Киево-Печерского монастыря — такого красочного, как искушение затворника Исаакия бесами, колофоном написан текст, рассказывающий, как его заставили плясать под аккомпанемент целого оркестра. На иллюстрации, также венчающей страницу, изображены бесы, играющие на различных музыкальных инструментах, и пляшущий среди них монах — картина, достойная изображения, что и сделал рисовальщик, причем опять-таки «с подачи» писца. Приведенные примеры показывают, что писцы и иллюстраторы Радзивилловской летописи работали с одинаковой «раскованностью», явно без присмотра какого-либо начальствующего лица. Они сами решали, какие эпизоды летописного повествования иллюстрировать, чтобы тем самым — применением средств зрительного воздействия — усилить их впечатление на читателя. Отмеченные и многие другие «вольности» писцов и рисовальщиков Радзивилловской летописи, а также полное отсутствие в ее рисунках «иконописности» делает эту книгу из ряда вон выходящей среди иллюстрированных книг своего времени и последующих веков.

«На страницах Кенигсбергской летописи отразились все стороны жизни Древней Руси, политической, военной, торговой, распри князей, народные восстания, расправа с феодалами и др. ... Таково многообразие Радзивилловской летописи, так живо, бесхитростно, иногда с налетом гротеска раскрывающих картину жизни Древней Руси», — пишет А. Н. Свирин.⁸⁰ И все это не было заимствовано из какого-либо зарубежного источника, не являлось результатом выполнения чьего-нибудь заказа, не было навязано, как остальные иллюстрации книг XV в., о которых говорилось выше, влиянием станковой или монументальной живописи. Радзивилловская летопись — великолепный и уникальный образец искусства собственно книжной иллюстрации, родившейся в атмосфере активного читательского интереса к книге ее создателей — безымянных писцов и рисовальщиков. Это — первый из сохранившихся образцов нового качества одного из самых древних жанров русской литературы — летописания, качества, появившегося в результате возбуждения активного читательского интереса к прошлому своей страны в переломный момент ее истории.

Сравнение с Лицевым летописным сводом XVI в. выявляет еще одну особенность Радзивилловской летописи — ее демократичность. Лицевой свод был задуман и осуществлен под бдительным руководством главы русской церкви митрополита Макария, а последние его тома были правлены рукой если не самого Ивана Грозного, то, конечно, с его ведома.⁸¹ И исправления

⁸⁰ Свирин А. Н. Искусство книги..., с. 105 и 107.

⁸¹ Андреев Н. Е. Об авторе приписка в лицевых сводах Грозного. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, с. 117—148. В статье подводятся некоторые итоги

эти были далеко не того масштаба и смысла, чем те, следы которых несут иллюстрации Радзивилловской летописи: если в последних видна главным образом забота о соблюдении феодальной «табели о рангах», то в Лицевом своде отразились бурные внутривосточные события времени его завершения. И главной заботой заказчика и исполнителей Лицевого свода была фиксация для потомков официальной точки зрения на эти события.

Различными представляются и причины незавершенности этих двух лицевых летописей. Лицевой свод не был закончен, скорее всего, потому, что в годы его завершения внутривосточная ситуация менялась чуть ли не каждый день и окончательная точка зрения на его политическую направленность так и осталась неустановленной. Радзивилловскую летопись, заканчивающуюся событиями, отдаленными от времени ее создания двумя с половиною столетиями, не было надобности приводить в соответствие с какими-то официальными «установками» XV в. Созданная явно не по заказу высокопоставленного лица, она не содержит следов первоначально заданной или позднее внесенной политической тенденциозности.⁸² Ее иллюстраторы добавляли рисунки только в части подробностей; немногочисленные случаи полной замены, заклеивания иллюстраций были вызваны лишь различием оригиналов у разных рисовальщиков. Переписчики Радзивилловской летописи также не стремились к коренной переделке ее текста, как это делали всевластные коррективы Лицевого свода. Этим и объясняется принципиальное отличие последнего от Радзивилловской летописи — книги, с необычной, не свойственной ее «лицевым» современникам живостью отразившей в иллюстрациях зрительное восприятие истории своей страны представителями демократических низов ее населения, к которым несомненно относятся создатели этой летописи. Им, а также безымянным владельцам и читателям этой книги, сохранившим ее для потомков, мы обязаны тем, что у истоков

дискуссии начала 1960-х годов. Она написана в качестве отклика на работу Д. Н. Альшица под таким «говорящим» названием: «Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый?» (ТОДРЛ, 1960, т. XVI, с. 617—625).

⁸² Здесь я должен высказать свое несогласие с О. И. Подобедовой, утверждающей, что «Радзивилловская летопись изготовлена, очевидно, по заказу московского великокняжеского круга» и что «... обращение к ней во времена княжения Василия II еще раз подтверждает, что необходимость общерусской лицевой летописи..., при помощи которой решались дипломатические споры и утверждались законные права, ощущалась достаточно остро» (Миниатюры..., с. 98—99). Никаких следов такого использования этой книги ни в ней самой, ни в источниках не сохранилось. Да и вряд ли подходящей для этих целей была книга со столь «веселыми», стоящими на грани гротеска иллюстрациями, на которых князь отличался от своих подданных главным образом явно дорисованными шапками.

русского лицевого летописания стоит именно этот демократический по своему происхождению памятник, столь резко отличающийся от своих «царственных» потомков.

* * *

В заключение следует еще раз отметить, что художественное оформление русской книги XV в. является итогом эволюции в предыдущие столетия всего комплекса, формирующего ее облик. Вместе с тем отдельные компоненты этого комплекса содержат в зародыше или уже в какой-то степени развития качества книги последующих веков. Лучше всего это видно в ornamentации заставок и инициалов.

В течение одного лишь столетия одновременно появились и развивались многие и различные по своему происхождению стили книжного орнамента — случай в истории русской книги беспрецедентный. К концу же этого столетия сложились предпосылки для появления качественно нового стиля орнамента — старопечатного, опередившего на половину века появление в России книгопечатания. И во всех этих разнообразнейших стилях орнамента искусство русской книги в XV столетии достигло наивысшего совершенства. Все это не представляется неожиданным на фоне общего подъема культуры нашей страны после ликвидации феодальной раздробленности и иноземного ига, обеспечившей быстрый рост ее экономической, внутри- и внешнеполитической мощи.

Сопутствовавшим и чрезвычайно удачно совпавшим по времени с культурным возрождением России явлением в истории русской книги было распространение так называемого второго южнославянского влияния. Его воздействие на русскую литературу и ее материальную оболочку — книгу — не следует преувеличивать, но нельзя и приуменьшать. Уже то, что стили ornamentации русской книги XV в. так скоро вытеснили предшествовавший им тератологический орнамент, — свидетельствует о силе этого влияния. Хлынувший в Россию после завоевания турками Византии и балканских стран поток южнославянской книги принес русским художникам множество новых графических схем и образцов разнообразнейших сочетаний их раскраски. И все это было быстро освоено русскими мастерами книжного искусства потому, что своими корнями уходило в глубину веков, к праславянскому народному прикладному искусству.

Быстрое и повсеместное освоение мастерами русской книги XV в. новых стилей ее ornamentации было обусловлено еще тем, что один из них — нововизантийский, оказавшийся наиболее распространенным и перспективным, не был, строго говоря, новым. Его следует рассматривать как возрождение орнамента русских книг XI—XII вв. — старовизантийского, что на фоне общего

Подъема интереса к историческому прошлому, засвидетельствованному распространением в XV в. списков памятников литературы Киевской Руси, не является неожиданным. Однако мастера русской книги XV в. не копировали заставки и инициалы, положим, Остромирова или Юрьевского евангелий, а создали новую разновидность их стиля. Наконец, нововизантийский стиль придавал изделиям русских мастеров книги торжественный, праздничный вид, который не только содействовал столь же артистическому исполнению их текстов — выразительному ритуальному чтению и пению, но и оказался созвучным общей мажорной тональности культуры России времени ее экономического и политического возрождения. Таковы вкратце итоги наблюдений над орнаментом русских книг XV в.

Второй элемент художественного оформления книги — миниатюра — в России данного столетия также пережил некоторые, качественно и генетически отличные от орнаментации изменения. Как уже указывалось, иноземное влияние в этой части книжного убранства было гораздо слабее, чем в орнаментации книг. Зато на русскую книжную миниатюру оказали сильное влияние такие мастера изобразительного искусства, как Феофан Грек и Андрей Рублев в начале века и Дионисий — в его конце. Первый и второй внесли в книжную миниатюру эмоциональную насыщенность и «духовность» иконописи, последний способствовал переходу ее в иллюстрацию. Всему этому содействовало умножение сюжетов книжной миниатюры: если в предшествующие столетия в ней изображались преимущественно евангелисты и царь Давид, то теперь появились «портреты» других авторов тех же самых или иных книг. Так, вместо одного, да и то редкостного в XI—XIV вв. изображения автора в Апостоле теперь их появляется шесть, причем не в единственном случае. Уникальная по своему художественному оформлению Книга пророков 1489 г. показывает большие возможности изображения ее авторов не только в образе писцов книги: персонажи этих миниатюр в различных ракурсах и позах, ходят. В этом прежде всего усматривается влияние станковой живописи XV в. — так называемых «пророческих рядов», ансамблевой группировки икон в иконостасах. А может быть, авторы миниатюр хотели показать, что библейские пророки не только писанием книг, но и всей своей деятельностью убеждали людей? Как бы то ни было, в миниатюрах Книги пророков авторы изображены не столько в состоянии, сколько в действии, а это уже может рассматриваться как переход миниатюры в новое качество — в иллюстрацию.

Немногочисленные, но разнообразные образцы иллюстрации в русской книге XV в. свидетельствуют о многих слагаемых, обеспечивших накопление тех свойств, которые обусловили в последующие века появление качественно новых книг традиционного содержания — лицевого летописания и иллюстрированных Житий. В характеристике некоторых из этих слагаемых следует

подчеркнуть наряду с дальнейшим развитием традиционных качеств появление нового, демократического начала. Оно проявилось в лубочности маргинальных рисунков Угличской псалтири, в некотором снижении иконописного стиля иллюстраций Хождения Иоанна Богослова и Жития Бориса и Глеба, а главным образом в необычных по своей иконографии и своего рода «мультипликационной кинематографичности» иллюстраций Радзивилловской летописи. Не все эти качества нашли свое воплощение в иллюстрации книг последующих столетий, что особенно четко видно в иллюстрации «книжных предприятий» митрополита Макария и Ивана Грозного. В немногочисленных иллюстрациях Великих миней четых царь Давид, например, снова изображается единоличным автором и «начальником» исполнения псалмов, а не солистом инструментального ансамбля, как в Хлудовской псалтири XIII в. В Лицевом летописном своде в сравнении с Радзивилловской летописью отмечается статичность изображения отдельных персонажей: динамичность этих иллюстраций достигается главным образом совмещением на них изображений нескольких последовательно идущих эпизодов и сцен. И персонажи этих иллюстраций не движутся с такой кинематографической скоростью, как в Радзивилловской летописи, и никогда не улыбаются — даже в тех случаях, когда есть к этому повод.

Таковы некоторые итоги анализа художественного оформления и иллюстрирования русской книги XV в.

Владельцы и читатели русской книги XV в.

В первой главе в числе основных особенностей производства и распространения книги в России XV в. отмечалось различие роли в создании книжного репертуара между двумя первыми звеньями цепи заказчик—книгописец—владелец. Сохранившиеся сведения, почерпнутые преимущественно из выходных записей, дают основание предполагать, что заказчики свои книги не всегда читали: в большинстве известных случаев заказывались книги богослужебные для вкладов в церкви и монастыри «на помин души», и, по всей видимости, пожертвование книги туда, куда она изначально самим заказчиком предназначалась, происходило сразу после завершения ее создания. Репертуар русской книги XV в. несравнимо больше формировали книгописцы, конечно, в тех случаях, когда книга не была заказанной. Каковы же давшие о роли в создании репертуара книги в России XV в. двух последних звеньев названной цепи?

Владельческие записи на книгах встречаются гораздо реже, чем вкладные. К XV столетию иссякает и такой источник, как свидетельства летописей о книголюбях, которые давали некоторые сведения о владельцах книг предыдущих столетий.¹ И совсем почти не встречаются записи или пометы на книгах, свидетельствующие о читательских интересах. Скучность источниковедческой базы заставляет искать иные пути разыскания сведений о читателях русской книги XV в.

¹ Это были преимущественно записи о книжных вкладах князей в церкви и монастыри. Изредка среди них попадаются сведения и о читательских интересах, но опять-таки почти исключительно представителей верхов феодального общества. Таково, например, сообщение начальной русской летописи о любви к книгам Ярослава Мудрого, причем подчеркивается, что он не только жертвовал в Софийский собор книги, переведенные и написанные собранными им «писцами многими», но и сам читал их ночью и днем (ПСРЛ, т. I, с. 65). Однако какие именно книги читал Ярослав, летописец не сообщает. Остается неизвестным круг читательских интересов ростовского епископа Кирилла, упоминаемого в летописи в качестве владельца частной библиотеки XIII в.; книги названы лишь в качестве одного из признаков его богатства (там же, с. 192).

Один из таких путей намечается при анализе выходных записей — тех, в которых назван заказчик, но не говорится о вкладе книги куда-либо. Надо постараться в каждом случае установить, насколько заказанная книга удовлетворяла профессиональные потребности или читательские интересы ее заказчика. Профессиональные потребности удовлетворяла прежде всего богослужебная книга, заказанная или принадлежавшая духовным лицам различных иерархических степеней, но она в наименьшей степени отражала их читательские интересы. Другое дело, когда богослужебная книга заказывалась «мирскими» людьми или принадлежала им: именно в таких редких случаях можно установить или предположить причины этих исключений из общего правила.

В 1456 г. новгородский посадник Василий Степанович «повелел» написать Устав церковный; вкладная запись на этой книге отсутствует (31.6.8). Нетрудно предположить, что книга понадобилась самому посаднику — и не из-за читательского интереса, а по служебной надобности, может быть, на случай спора с местной церковной администрацией. Видимо, не случайно и то, что книга была заказана не кому-нибудь из многочисленных книгописцев, принадлежавших к местному клиру, а ярославцу — иеродиакону Игнатию, который назвал себя в выходной записи «шестником», т. е. пришельцем.²

Случаи заказа богослужебной книги светскими лицами свидетельствуют о возможности изменения ее традиционного назначения. Так, например, в 1495 г. Михаил Васильевич Кутузов «повелел» диакону одной из новгородских церквей не просто переписать Апостол, а «перевести», как сказано в выходной записи, его текст в апракосный порядок последовательности чтения. Отсутствие и в данном случае вкладной записи дает основание предположить, что этот Апостол предназначался заказчиком для собственного домашнего чтения. Такое предположение подкрепляется фактами биографии М. В. Кутузова: он принадлежал к старинному, знатному роду и исполнял дипломатические поручения московского великого князя (в 1490 г. ездил послом в Молдавию). Вероятно, во время своих поездок за границу, когда у него не было возможности посещать церковь, М. В. Кутузов сам читал полагающиеся уставом на каждый день чтения из Апостола; возможно, что для таких же целей у него было и Евангелие. Кроме того, есть основание предположить существование в роде Кутузовых фамильной любви к книге: сохранилась четья книга — Слова Григория Богослова с толкованиями, написанная в 1491 г. по за-

² Аналогичный случай — заказ написать Евангелие «диакну шестнику тферетицу» отмечается в 1463 г. в Пскове. Книга была заказана для одного из приделов патронального храма этого города — Троицкого собора. В данном случае можно усмотреть отражение традиционной неприязни псковичей к новгородцам. И, видимо, не случайно в выходной записи, кроме великого князя и новгородского архиепископа, названы местный князь и два посадника (Пг. 18).

казу брата М. В. Кутузова Бориса Васильевича, также исполнявшего дипломатические поручения (в 1495 г. он ездил послом в Литву). Вероятно, оба брата пользовались услугами одного и того же книгописца: писец Апостола назвал себя «Гридей, диаком св. Федора Стратилата», а переписчик Григория Богослова — «диаком Гридей Кульгавым». И, конечно, это был достаточно опытный книгописец, если ему была поручена работа не только по переписке, но и перекомпоновке текста Апостола.

В выходной записи Четвероевангелия 1499 г. в качестве заказчика назван некий «Павел Иванович сын Константинович»; вкладная запись здесь также отсутствует (Усп. 1-б.). В Четвероевангелии найти положенный по церковному уставу текст для чтения при ежедневных богослужениях гораздо труднее, чем в Евангелии-апракос. Это обстоятельство наводит на мысль, что заказчик намеревался читать книгу по своему усмотрению, а не по указанию церковного устава. Если это так, то и в данном случае, как и в предыдущем (заказ М. В. Кутузовым Апостола для личной надобности), можно усмотреть изменения традиционного функционального предназначения важнейшей богослужебной книги, переход ее в число четых. Таковы примеры и возможные объяснения причин владения богослужебными книгами лиц, для которых они не были профессионально необходимы.

Однако известны случаи, когда и духовные лица заказывали книги нецерковного содержания. Наибольшие возможности, материальные и административные, для этого имели лица высших степеней церковной иерархии, в первую очередь епархиальные архиереи, особенно новгородские. Однако последние использовали эти возможности почти исключительно для написания книг богослужебных. Так, например, среди полутора десятка сохранившихся книг XV в., на которых в качестве заказчика назван новгородский архиепископ Евфимий, нет ни одной четьей. И лишь на нескольких из них имеются вкладные записи. Создается впечатление, что новгородские «владыки» заказывали богослужебные книги впрок, накапливая тем самым при Софийском соборе их значительные запасы. Судя по владельческим записям и пометам последующих веков, эти запасы использовались впоследствии для пополнения книгами церквей и монастырей данной епархии и частично для книгообмена. Вероятно, таковой была местная традиция: так поступали, судя по выходным записям, архиепископы Иоанн, Иона и др. Поэтому среди сохранившихся русских книг XV в. преобладают, хотя и не так заметно, как в предыдущие столетия, книги новгородского происхождения.

Традицию новгородских архиереев, выразившуюся в заботе об умножении числа и распространении главным образом богослужебных книг, нарушил в конце XV в. архиепископ Геннадий — не избранный, как это делалось до сих пор, новгородцами, а присланный из Москвы. Его имя, а также имя его «правой руки» в книгопроизводительной деятельности — архидиакона Ге-

расима Поповки в качестве «повелевших» написать четыре книги встречаются во многих выходных записях. При этом часто отмечается авторитетность оригинала и тщательность переписки. Так, например, писец Маргарита 1491 г. (КБ-112/237), назвавший себя «Якуш Пророк», указал местонахождение своего оригинала — в Вяжецком монастыре, где хранился, вероятно, древний список этой книги. В выходной записи сочинений Афанасия Александрийского 1489 г., написанных «на владычнем дворе повелением» Герасима Поповки его братом, впоследствии известным переводчиком и дипломатом Дмитрием Герасимовым, сказано: «Писаны с списка старые книги болгарские, а писати есмь велел слово в слово» (Пг. 968). О том, как блестяще использовал Геннадий «книгопроизводственную базу» новгородских «владык», свидетельствует создание им первого полного русского свода книг Библии, законченного в последний год XV столетия.

Что касается архиереев других епархий, то их имена как заказчиков встречаются на целом ряде четых книг, и опять-таки при отсутствии вкладных записей, что дает право отождествить этих заказчиков с владельцами книг. Таковы два тверских епископа. Один из них — Арсений, уже упоминавшийся в первой главе, «замыслил» и в 1406 г. осуществил создание особой редакции Киево-Печерского патерика, названной впоследствии его именем.³ Другой — Илья, также называвшийся выше, характеризуется в выходной записи в заказанной им в 1438 г. книге в качестве книголюба-собирателя. Коломенский епископ Амвросий «благословил» в 1421 г. переписку Лествицы — явно для собственного пользования: дарственная запись на этой книге игумена Голутвина монастыря другому коломенскому «владыке» относится к концу XV в. Беспрецедентный случай «тиражирования» рукописной книги, когда сочинения Исаака Сирина были переписаны в двух экземплярах — по «повелению» смоленского епископа Герасима, также отмечался выше.

Представители предыдущей ступени церковной иерархии — настоятели монастырей, которые должны были заботиться не только о снабжении своих церквей богослужебной книгой, но и о репертуаре чтения своих «пасомых», выступают в качестве заказчиков четых книг в XV в. гораздо чаще, чем архиереи, и тематика заказанных ими книг шире, а иногда выходит за пределы уставного монашеского «келейного» чтения. В этом плане особенно важно рассмотреть книги таких авторитетных и прославленных подвижников, как Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский: самими ими и их многочисленными учениками было основано много монастырей, из них некоторые сразу же стали крупнейшими центрами книгописания, прославились своими библиотеками.

³ Принадлежность этой книги самому Арсению доказывается не только отсутствием вкладной записи: владельческие пометы на ней — поздние, XVII в.

При рассмотрении репертуара книг основателей монастырей XV в., их ближайших учеников и преемников приходится прибегать, помимо выходных и владельческих записей, еще к одному источнику — местным монастырским преданиям. Этот источник не всегда надежен: иногда основателям монастыря приписывали книги позднейшего происхождения. Однако относительно Кирилло-Белозерской библиотеки к этому источнику можно отнестись с полным доверием: принадлежность книг тому или иному лицу подтверждается сохранившимся каталогом данной библиотеки, составленным в конце XV в.⁴ Элементы аналитического описания сборников, примененные в этом старейшем из известных русских книжных каталогов, помогают установить круг чтения их владельцев. Книги самого Кирилла в данный каталог попали лишь частично, вероятно потому, что уже тогда хранились отдельно, как реликвии, и здесь остается полагаться на предание, зафиксированное позднейшими пометами, а также в инвентарных описях Кирилло-Белозерской библиотеки XVII в.⁵ Однако почти каждая из этих 14 книг датируется первой четвертью XV в., т. е. могла быть написана при жизни Кирилла, умершего в 1427 г. Наконец — и это главное — один из почерков некоторых книг может быть признан принадлежащим Кириллу, так как очень похож на тот, которым написано сохранившееся до наших дней его Духовное завещание; подлинность последнего не вызывает сомнений.⁶

Большинство книг, считающихся принадлежащими самому Кириллу, — богослужебные: пять Евангелий, Апостол, Псалтирь следованная, три Канонника; остальные четыре — четыре сборники, на которых следует остановиться подробнее. Они помечены на первых листах, а иногда на обрезе буквой «Ч» под титлом, например «Евангелие Ч», т. е. Евангелие «Чудотворца» (Кирилла).

⁴ Был обнаружен и опубликован (при тщательном исследовании) акад. Н. К. Никольским, см.: Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897.

Некоторые книги, названные в этом каталоге, были отысканы Н. К. Никольским в других собраниях, в первую очередь среди книг новгородского Софийского собора. Кирилло-Белозерский монастырь относился к Новгородской епархии, и местные архиереи уже в XV в. часто требовали из него необходимые им книги. Известно, например, как архиепископ Геннадий разыскивал в северных монастырях — Кириллове и соседних с ним Ферапонтове и Спасо-Каменном — необходимые ему для борьбы с ересью «жидовствующих» книги (ЧОИДР, 1847, № 8, отд. «Смесь», с. 5).

⁵ О них см.: Никольский Н. К. Описание... с. V.

⁶ Розов Н. Н. Определение подлинности документа современными техническими средствами. — История СССР, 1965, № 2, с. 232—233. Полное тождество почерков в данном случае установить затруднительно: в XV в. уже заметно различие почерков даже одного и того же лица в памятниках деловой письменности и в книгах. Подробнее о функциональном размежевании типов письма между книжной и деловой письменностью см.: Розов Н. Н. Скорописание или скоропись? Об уточнении термина. — Вспомог. истор. дисциплины, т. II. Л., 1969, с. 134—143.

Если богослужебные книги написаны «по благословиению» Кирилла его учениками (некоторые из них назвали в выходных записях свои имена), то сборники не только содержат его предполагаемые автографы, но и несомненно составлялись под его контролем. А это значит, что содержание их отразило как его личные читательские интересы, так и тот круг чтения, который он рекомендовал своим ученикам и последователям. Однако многие статьи этих сборников выходят за круг обычного, уставного монашеского круга чтения, свидетельствуя об интенсивном интересе их составителей и переписчиков к естественнонаучным знаниям. Эти сборники относятся к тому типу чetyрх книг, которые неспроста привлекают в настоящее время пристальное внимание советских исследователей. «Они находились во владении отдельных лиц и предназначались для индивидуального чтения», — утверждает один из них.⁷

Интересные дополнения встречаются в книгах Кириллова монастыря первой четверти XV в. традиционного состава. Так, например, в Лествице, написанной «повелением господина старца Кирилла игумена» в 1422 г., находится много выписок из других памятников патристической и агиографической литературы, иллюстрирующих монашеские добродетели и грехопадения с рекомендациями стремиться к первым и бороться с последними. Есть в этой книге и конкретные указания для отправления богослужений и келейного правила, отражающие быт монахов и их окружение. В одном из поучений, например, относительно церковной службы рекомендуется следующее: «Не будем ... гласом крепцем и въпнианием и трясением рук поюще, от жен и мирских человек хвалимы», т. е. певцам не следует добиваться успеха у женщин и мирян громким пением и жестикуляцией при этом (КВ-ХI, л. 266). В других сборниках того же времени из Кирилло-Белозерской библиотеки, помимо памятников оригинальной русской литературы — исторических, житийных и церковно-полемических, попадаются статьи естественнонаучные. Уже названия этих, как правило, небольших статей, напоминающих выписки, дают представление о разнообразии естественнонаучных читательских интересов обитателей далекого севернорусского монастыря: «О широте и долготе земли», «О земном устроении», «О четырех стихиях», о громе, молнии и других природных явлениях. Здесь же статьи по медицине и биологии — о развитии зародыша человека до его рождения, выписки из сочинений римского ученого и врача II в. н. э. Галена, посвященные учению Гипократа.

Естественнонаучные выписки наряду с самим принципом составления тех сборников, в которых они находятся, иногда приписывают другому монаху, позднее жившему в Кирилло-Белозер-

⁷ Дмитриева Р. П. Четырнадцать сборников XV в. как жанр. — ТОДРЛ. 1973. т. XXVII, с. 159.

ском монастыре.⁸ Однако в цитированной выше статье Р. П. Дмитриевой отмечается, что «такой принцип построения сборников не был новым, характерным только для второй половины XV в.: в четырех сборниках, преимущественно богословского содержания, он применялся и раньше».⁹

Традиция составления, а стало быть, и чтение сборников энциклопедического содержания в Кирилловском монастыре, восходящая к его основателю, прослеживается на протяжении всего XV столетия. Об этом свидетельствует упомянутый выше каталог книг монастырской библиотеки конца XV в., в котором многие такие сборники названы именами их владельцев, а может быть, и составителей. В некоторых сборниках сохранились следы общения друг с другом их владельцев и читателей, что свидетельствует о существовании в этом монастыре читательской среды, объединенной общими интересами к кругу чтения, выходящему за пределы, предписываемые уставами — церковным и монастырским.

Так, например, в сборнике, который назван в упомянутом каталоге «Тимоновским», есть пометы на полях, отсылающие к подобным статьям в Антониевском сборнике и к какой-то «меньшей книге». Три сборника названы именем Ефросина (в каталоге указан объем каждого — «Сборник Ефросиновской большой», «средний» и «меньшей»). В них также обнаруживаются статьи, имеющиеся в других персональных сборниках, в том числе такие памятники древнерусской оригинальной литературы, как Жития Бориса и Глеба, Слова Кирилла Туровского (одно из последних есть и в Антониевском сборнике).¹⁰ Пять сборников отмечены как принадлежавшие игумену Игнатию, управлявшему монастырем в 1471—1475 гг.; на двух из них значатся имена Феогноста и Мартинаана; на третьем — Игнатия Матвеева. Можно предположить, что Игнатий Матвеев и игумен Игнатий — одно и то же лицо. Однако Феогност и Мартиннаан — несомненно прежние владельцы книг: их имена в качестве книгописцев названы в книгах, написанных еще при жизни Кирилла. Подобные случаи можно рассматривать как факт внутримонастырского книгообмена или преемственности во владении книгами, и оба эти объяснения свидетельствуют об общности читательских интересов книголюбов Кириллова монастыря.

Тип монастырских четьих сборников, формирование которого так четко прослеживается на примере сохранившихся старейших книг Кирилло-Белозерской библиотеки, получил достаточное распространение в русских монастырях того времени, в том числе и основанных во второй половине XV в.

⁸ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 130—168.

⁹ Дмитриева Р. П. Четьи сборники..., с. 162.

¹⁰ В настоящее время Ефросину приписываются шесть сборников, см.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, 1980, т. XXXV, с. 3—300.

Автор цитированной статьи о четырех монастырских сборниках, приводя их перечень, отмечает наличие близких им по типу книг в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря, основанного в 1479 г. В дальнейшем наблюдается распространение сборников энциклопедического содержания по территории России вплоть до ее южных и западных окраин, причем не исключительно в монастырской среде: последним описан такой сборник 1483 г. с владельческой записью «Васка писаря пана Миколая Радвилевича».¹¹ Все это дает основание данному автору определить эти сборники как новый жанр русской литературы.

С книговедческой же точки зрения их следует рассматривать как модификацию старейшего типа русской четвѣй книги — Изборников, отразившую читательские интересы своего времени. Неважно, что такие книги, которые действительно можно назвать «сборниками энциклопедического содержания», происходили в большинстве случаев из монастырских библиотек и в большей части своего объема содержали статьи религиозно-нравоучительного содержания. Само распространение их по монастырям на большой территории нашей страны давало возможность читателям иных классов и сословий данного и последующего столетий черпать из них тексты, соответствующие их интересам. Так, например, в одном сборнике второй четверти XVII в., не имеющем признаков монастырского происхождения, при статьях «Галиново на Ипократа» и других естественнонаучного содержания сделано примечание: «Выписано в Кириллове монастыре с книги преподобного отца нашего игумена Кирилла Белозерского чудотворца с книги в четверть спискания его» (QXVII—104, л. 235). Кроме того, в XV в. в связи с бурным ростом числа монастырей значительная часть населения нашей страны сосредоточивалась при них — в качестве монашествующих и «бельцов», и, конечно не случайно, что основатель еще одной знаменитой библиотеки — самого северного в то время русского монастыря, Соловецкого, в последнем десятилетии XV в. заказывал в Новгороде исключительно четвѣю книгу, создавая тем самым библиотеку в современном смысле этого слова — собрание книг для чтения, а не для богослужения.¹²

Все эти примеры, особенно те, что свидетельствуют о соответствии репертуара книг профессиональным потребностям или читательским интересам их заказчиков и владельцев, приводят к мысли о стирании в XV в. грани между звеньями цепи заказчик — книгописец — владелец — читатель.

Однако этому противоречат немногочисленные, но очень важные сведения о существовании в данном столетии в России книжного рынка.

¹¹ Дмитриева Р. П. Четвѣй сборники. . ., с. 168—169, 173.

¹² Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ. 1962, т. XVIII, с. 294—304.

В первой главе, в числе примеров, иллюстрирующих условия работы книгописцев и их окружение, уже цитировалась вторая часть выходной записи, где книгописец объяснял свои ошибки разговорами во время работы и «попирным» состоянием — с похмелья. Примечательно начало этой записи: «В лето 6933 (т. е. 1425 г.) *се купишегь* (подчеркнуто мною, — *Н. Р.*) книги сия рекомыя Пролог к св. Петру и Павлу на Сироткино в монастырь староста св. Петра Харитон Пушкинич и игумен Григорий св. Петра и вси чернецы душам своим на спасение». В данном случае совершенно определенно говорится о покупке книги вкладчину у самого книгописца, минуя посредника.

Явно для последующей продажи переписал «Перхурий дяк св. Николы с Лятки» (такой монастырь был в Новгороде) в 1457 г. Октоих, добавив такую выходную запись: «Повелением имярек, к святому и великому — где бог подаст, да подаст рабу своему имярек противу трудом его мзду в сим веце и в будущем» (FI — 695). Стоит лишь на место «имяреков» поставить имена, как получится и «повелевший» написать эту книгу, которого в данном случае не было, и будущий вкладчик. Что же касается «мзды» — не в «будущем веце», а «в нынешнем», то можно предположить, что имеется в виду стоимость вклада, которая в предыдущие века иногда указывалась. Редкость таких указаний в XV в. можно также рассматривать как признак существования книжного рынка, от конъюнктуры которого в различных регионах страны зависела цена книги. Так появляется посредник между книгописцем и владельцем книги и возможность продажи книги не только там, где она была написана. Такую возможность (и связанные с нею колебания цены книги — в зависимости от местных условий различных городов и регионов) предоставлял книжный рынок.

Однако иногда книга приобреталась не у книгописца и не на рынке, а там, куда она первоначально предназначалась. Так, например, в Прологе 1431—1434 гг., заказанном для церкви в Старой Русе «потугом народа», т. е., вероятно, прихожан, и «строением» двух священников, есть такая запись XV в.: «А сии Прилог (так!) взят из Русы и *выкупил* (подчеркнуто мною, — *Н. Р.*) его Зиновеи Олексеевич да сын его Иван и послали есмя сии Прилог к св. мученику Борису и Глебу даром, без выкупа» (FpI—48). Речь идет о покупке книги в церкви, для которой она была заказана, и о новом ее пожертвовании богатым прихожанином в церковь в другом городе.

Относительно цены книги в XV в. известно лишь одно прямое свидетельство — запись в Прологе 1481 г., заказанном в Коломне «к св. Спасу на посаде — конец мосту Пятницького — монастырь богомолья великого князя» архимандритом Иннокентием. «А писал священноиерей Феодот Вьскресеньский и многогрешный раб божий дякон Семен (это имя написано тайнописью, — *Н. Р.*) Спаский. А в сей книзе бумаги полдевяты дести да четыре ли-

сты, а тотратей (так!) 70 да одна. А куплена бумага по осми денег дест, а от писма давано по осми же денег от тетрат» (F1—311, л. 290 об.; рис. 9).

Цитированная запись (она повторена в конце книги, но без калькуляции ее стоимости) сделана в высшей степени обстоятельно. Про монастырь, куда писалась эта книга, не только сказано, что он основан великим князем (в таком смысле здесь следует понимать слово «богомолье»), но и указано точное местонахождение — на посаде, в конце, вероятно, мостовой Пятницкой улицы. Такой обстоятельностью книгописцев можно объяснить появление этой уникальной калькуляции стоимости (но не цены!) книги.

Что же касается цены книги, то для России XV в. вычислить ее неизмеримо труднее, чем для предыдущих столетий. Скалькулировать цену русской книги домонгольского периода, хотя бы гипотетически, попытаться можно: для этого нужно хотя бы примерно определить стоимость единственного тогда писчего материала местной выделки — пергамена и труда «делателей» — книгописцев, художников, переплетчиков.¹³ Для русской книги XV в. при определении уже первого из названных исходных данных встречаются огромные трудности. Книги тогда писали лишь изредка на пергамене, а чаще на бумаге. Последняя импортировалась тогда в Россию из многих стран, в чем нетрудно убедиться благодаря разнообразию филиграней бумаги, на которой написаны русские книги того времени, так что для калькуляции одной только стоимости бумаги необходимо привлечь соответствующие данные по всем зарубежным странам, откуда она в Россию поступала. Не менее трудно определить стоимость труда книгоделателей в России в XV в., учитывая их распространение по всей стране, каждый регион которой еще в значительной степени сохранял тогда свои традиционные социально-экономические особенности. Из-за названных и многих других трудностей, очевидно, до сих пор еще никто не пытался определить стоимость и цену книги в России в XV в.¹⁴ Прямых же указаний — обозначе-

¹³ Такая попытка, с привлечением многих исходных данных, была предпринята недавно (Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978, с. 84—109). Однако многие из этих данных не имеют прямого отношения к истории книги — таковы рассуждения автора о реальной стоимости единиц денежного обращения, об оплате труда ремесленников — строителей и мостовщиков, о стоимости боевых операций русских князей и др. И так же, как при подсчете числа книг, обращавшихся в то время в нашей стране (ему посвящена отдельная глава монографии), гипотетические посылки автора подытоживаются конкретными цифрами: с точностью до второго числа десятичной дроби вычислена, например, себестоимость Архангельского евангелия и Стихираря (с. 105). Правильность такой методики калькуляции стоимости и цены книги вызывает большие сомнения.

¹⁴ Единственная в своем роде и не потерявшая до сих пор своей ценности работа о стоимости книг в средневековой Руси написана на основании данных последующих веков: Адрпаова-Перетц В. П. Мате-

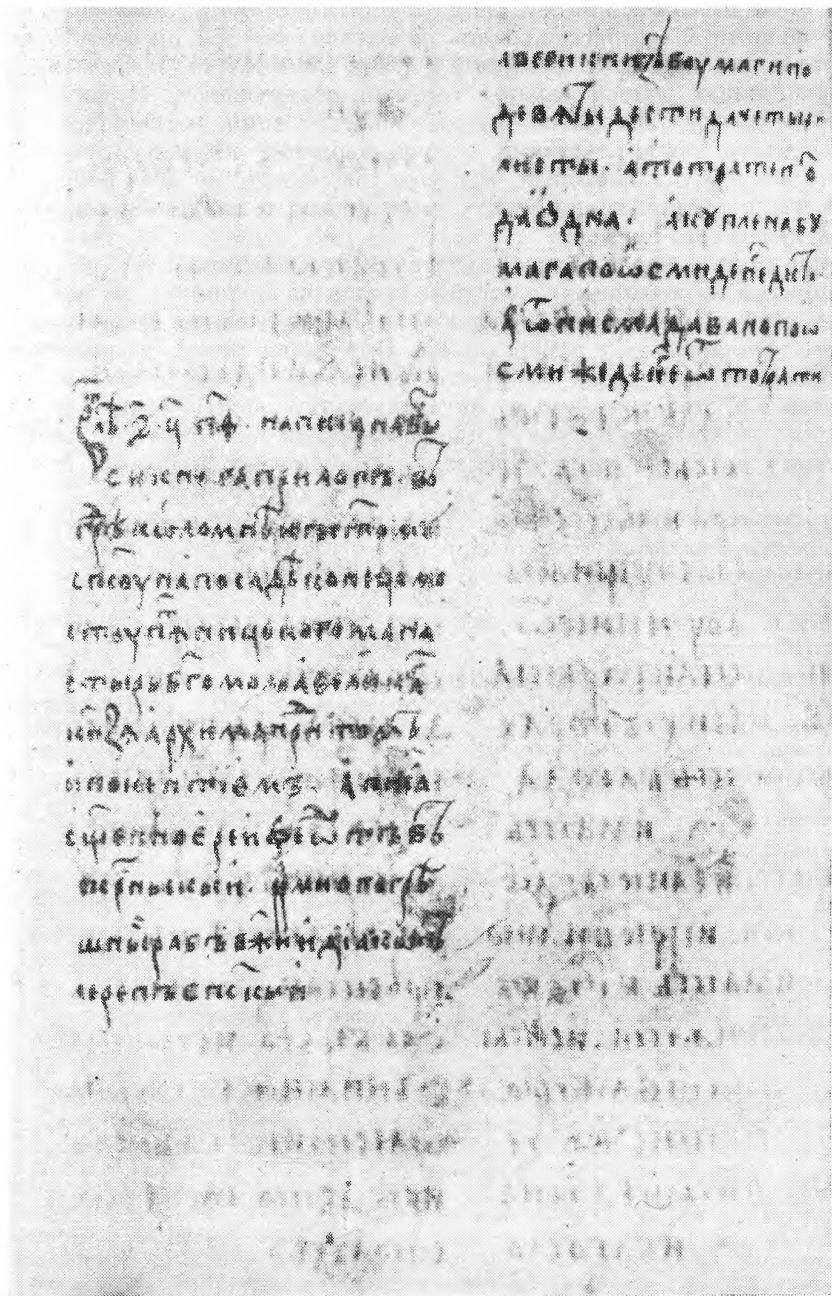

Рис. 9. Выходная запись Пролога 1481 г. с «калькуляцией» стоимости книги.

ний цены на самих книгах, кроме процитированного, пока что обнаружено не было. Можно лишь надеяться, что при предстоящем фронтальном научном описании русских книг XV в. во всех книгохранилищах нашей страны таковые обнаружатся. В настоящее же время приходится довольствоваться лишь достаточно достоверными свидетельствами о существовании книжного рынка в России в XV в., который, как уже говорилось, не дает оснований для стирания грани между заказчиками и владельцами русской книги того времени.

Сведения о владельцах и читателях русской книги XV в., почерпнутые из выходных записей и приписок на книгах, не могут быть достаточными для суждения о формировании репертуара книги того времени в нашей стране. Они также недостаточны для изучения читательских интересов различных слоев русского общества XV столетия, хотя и свидетельствуют об изменениях традиционного функционального предназначения некоторых из книг. Поэтому их необходимо дополнить материалами изучения библиотек того времени — не гипотетически реконструируемых, а сохранивших до нашего времени свои книги в достаточном числе. Таковыми являются библиотеки крупнейших и старейших русских монастырей, рассмотрению которых будет посвящена следующая глава.

риалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912 (Памятники древнерусской письменности и искусства, т. 178). В исследовании опубликована и процитированная выше запись-калькуляция стоимости книги, а также отмечается, что сведения о цене бумаги известны преимущественно лишь начиная с середины XVI в. (с. 14).

Русские библиотеки XV в.

История русских библиотек в последнее время привлекает внимание советских книговедов и историков библиотечного дела в нашей стране. Однако как в истории русской книги, так и в изучении истории библиотечного дела интересы советских исследователей сосредоточиваются преимущественно на втором полуторычелетии существования русской книги.¹ Причину этого следует искать прежде всего в кажущейся скудости и односторонности источноведческой базы истории русских библиотек в XI—XV вв.: от этих столетий не осталось библиотечных описей, какие сохранились от XVI—XVII вв., и нет достаточных сведений о частных библиотеках.

Вместе с тем еще в конце XIV в. начали складываться, а в следующем столетии сформировались древнерусские библиотеки, книги которых сохранились до настоящего времени и в достаточном количестве, в том числе и созданные в XV в. Но библиотеки эти — монастырские, и их состав на первый взгляд не может дать полного представления о репертуаре русской книги XV в. и о ее читателях. Однако, как было сказано в предыдущей главе, книги монастырских библиотек обслуживали значительную часть населения России XV в., и при этом не только монастырями. И хотя представляется спорным утверждение, что по образцу монастырских библиотек создавались частные,² значение

¹ Об этом говорят сами названия монографий по истории библиотечного дела в нашей стране: Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973; в предыдущей монографии того же автора, охватывающей материал с XI в., основное внимание уделено также XVI и XVII столетиям (Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968). В новейшей монографии, так же как и в названных, привлечен обильный материал, но опять-таки лишь по двум названным столетиям (Жукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977).

² Иконников В. С. Опыт о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, с. 239.

монастырских библиотек в культурной жизни нашей страны в XV в. не следует приуменьшать.

У советских историографов древнерусских библиотек нет согласованности в определении самого предмета исследования, единообразия понимания термина «библиотека» в отношении к древнейшему периоду истории русской книги. А от этого зависит многое, начиная от датировки возникновения отдельных древнерусских библиотек и кончая определением их состава. «С точки зрения советского библиотековедения не всякое книжное собрание есть библиотека. Это справедливо и по отношению к историческому прошлому. В древности под русской библиотекой следует подразумевать книжное собрание, предназначенное для чтения, за исключением богослужебных наборов в культовых учреждениях», — пишет М. И. Слуховский.³ М. В. Кукушкина стоит на другой точке зрения и оспаривает поэтому дату основания, например, Соловецкой библиотеки.⁴ Более правильна — и именно для советского библиотековедения — формулировка М. И. Слуховского: «богослужебные книжные наборы». Необходимые для каждой церкви, они, конечно, не отражают читательских интересов тех, кто ими по служебной надобности пользовался. Поэтому в данной главе будет рассматриваться в основном четья книга, несмотря на то что в старейших русских библиотеках она первоначально хранилась в одном помещении с богослужебной книгой и вместе с нею описывалась.

* * *

Основоположниками библиотек древнерусских монастырей в большинстве случаев считаются их основатели. Источником этих сведений являются Жития знаменитых деятелей русского монашества. Во многих из них описывается типологически сходная ситуация: монастырь был первоначально беден, и его немногочисленные обитатели должны были сами обеспечивать свое существование необходимыми материальными и духовными благами. В числе последних обязательно называются книги, в первую очередь необходимые для совершения богослужения и келейного правила. Пространный и красноречиво изложенный образец такой ситуации находится в Житии крупного и авторитетнейшего церковно-политического деятеля своего времени Сергия Радонежского. Автор первоначальной версии его Жития, выдающийся русский писатель-агиограф, монах Сергиева монастыря Епифаний, прозванный своими современниками «Премудрым», не жалеет красок для описания первоначальной «скудо-

³ Слуховский М. И. Русская библиотека... с. 5.

⁴ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки..., с. 23. О дате основания Соловецкой библиотеки см. ниже.

сти» этого монастыря.⁵ Другой современник Сергия — известный церковный деятель и писатель Иосиф, игумен Волоцкий, свидетельствует, что из-за бедности Сергий и его ученики первоначально писали книги не на пергамене или бумаге, а «на берестех».⁶ Такова версия о зарождении в XIV в. книгописания в одном из крупнейших и знаменитейших русских монастырей.

Традиции книгописания были продолжены преемниками Сергия, в первую очередь его учеником Никоном, управлявшим монастырем в 1395—1427 гг. И если из книг, приписываемых монастырским преданием Сергию, сохранилась лишь одна, то с именем Никона, «благословившего» или «повелевшего» написать книги, находится их достаточно, причем как богослужебных, так и четых. «Начиная с 1411 г. мы уже можем проследить эволюцию троицкой книжной мастерской по рукописям, хронологические промежутки даже между датированными экземплярами которых не превышают двух-четырех лет — случай, не имеющий аналогий ни в одном другом московском или подмосковном монастыре», — пишет современный исследователь.⁷ Это дает основание датировать начало библиотеки Троице-Сергиева монастыря — библиотеки как собрания книг не только богослужебных — началом XV в.; в конце данного столетия их насчитывалось до трех сотен.

Учениками Сергия было основано много монастырей, преимущественно в Москве и ее окрестностях. И почти в каждом из них с самого начала было организовано книгописание, причем книги начинали писать сами основатели монастырей не всегда из-за бедности последних. Так, например, первый игумен Высоцкого монастыря в Серпухове, основанного местным князем, ученик Сергия Афанасий, характеризуется как «в божественных писаниях зело разумный», что «доброписания много руки его донныне свидетельствуют».⁸

Следует отметить, что в Троице-Сергиевом и других «отпочковавшихся» от него монастырях искусство письма и художественного оформления книги уже с начала XV в. было на большой высоте. При этом, как всегда и везде в древности бывало, особенно каллиграфически переписывались и художественно оформлялись богослужебные книги, в первую очередь Евангелие. Евангелие XV в. Андронникова монастыря, входящее в плеяду четырех знаменитейших экземпляров этой книги, художественное

⁵ Житие Сергия первоначальной редакции опубликовано в «Памятниках древней письменности и искусства» в 1885 г.

⁶ Иосиф Волоцкий. Сказание вкратце о св. отцах бывших в монастырех иже в Русстей земли сущих. — ЧОИДР. 1847, № 7, с. 4.

⁷ Вздорнов Г. И. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. — ТОДРЛ, 1966, т. XXII, с. 131.

⁸ Цит. по: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, с. III. Здесь же сведения о книгах Сергия Радонежского, его учеников и преемников.

оформление которых связано с именами Феофана Грека и Андрея Рублева, — убедительное доказательство сказанному.

Что же касается четвей книги XV в. в библиотеке Троице-Сергиева монастыря, то в цитированном в предыдущей главе исследовании к числу таких сборников отнесены 15 книг из библиотеки Троице-Сергиева монастыря: старейшие из них относятся к началу данного столетия.⁹ Происхождение и состав этих сборников отражают пути и способы комплектования данной библиотеки и круг чтения ее первых владельцев и читателей.

Один из этих сборников считается принадлежащим знаменитому писателю того времени Пахомию Логофету и даже им самим написанным: на одном из его листов есть помета «монах Пахомио», сделанная почерком, схожим с тем, которым написан текст. В нем, кроме толкований Апостола, переписаны службы Борису и Глебу, а также сочиненные Пахомием Жития и службы Сергию и Никону. Такой состав свидетельствует о двойном назначении этой книги: с одной стороны, она отразила читательские интересы своего «сочинителя»,¹⁰ а с другой — предназначалась сохранить для потомства его собственные произведения. Такое сочетание для XV столетия уникально: автографы писателей того времени сохранились лишь в редчайших случаях.

Большинство рассматриваемых сборников XV в. из Троице-Сергиевской библиотеки содержат сведения о их переписчиках и владельцах; они отражают читательские интересы и тех и других, а также показывают один из путей комплектования монастырской библиотеки. Путь этот — традиционный; переписка книг монахам данного монастыря для самих себя или по заказу кого-нибудь из монастырской «братии». В качестве заказчиков или владельцев лишь в редких случаях названы лица местной монастырской администрации — игумен Спиридон (ТС-764), келарь Вассиан (ТС-768), старец Паисий (ТС-747). Чаще всего сборники названы именами их владельцев или писцов без указания на сан или должность; таковы три «Серапионовских», два «Сергиевских» сборника и некоторые другие.

Репертуар четвей сборников троицких монахов достаточно обширен и представляет пример сочетания переводных патристических и агиографических произведений с оригинальными, русскими. В числе последних — такие древнейшие памятники русской литературы, как Слово о законе и благодати и Молитва митрополита Илариона, Жития Бориса и Глеба, сочинения епископа Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского — знаме-

⁹ Дмитриева Р. П. Четвы сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, 1973, т. XXVII, с. 155—158.

¹⁰ Термин «сочинить» книгу представляется вполне применимым в тех случаях, когда она составляется (путем переписки или объединения в одном переплете частей других книг) одним лицом, тем более — известным в качестве писателя, отражает его читательские интересы и имеет определенную направленность — предложить будущим читателям свои и рекомендуемые составителем сочинения.

нитых ораторов XII и XIII вв., отдельные составные части Киево-Печерского патерика. Из современных им сочинений переписаны Жития Сергия (представлены обе его первоначальные редакции — епифаниевская и пахомиевская) и Никона, служба Кириллу Белозерскому. В сборнике келаря Вассиана много церковно-полемических, антикатолических сочинений и опять-таки переводных и оригинальных, в том числе «Вопрошение князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимеря игумена Федосея печерского о латынстей вере». Таков в самых общих чертах состав четых сборников XV в. библиотеки Троице-Сергиева монастыря автохтонного происхождения, сочиненных и читавшихся его монахами.

В книгах, в достаточном количестве привозившихся в Троице-Сергиев монастырь из-за рубежа, преимущественно с Афона, также встречаются дополнения русских сочинений. Так, например, в выходной записи одного патристического сборника сказано, что его оригинал был создан на Афоне в 1431 г. неким «Афанасием русином».¹¹ Далее сообщается, что данный список был сделан игуменом подмосковного Николо-Угрешского монастыря Ионою «повелением» игумена Зиновия, управляющего Троице-Сергиевым монастырем в 1432—1443 гг. И, вероятно, согласно воле заказчика, а может быть, по инициативе книгописца, в сборник было переписано Житие Сергия Радонежского (ТС-746).¹²

Таковы некоторые наблюдения над репертуаром четых книг XV в. монахов Троице-Сергиева монастыря, отражающим их читательские интересы. Книги, созданные в самом монастыре, присланные и пожертвованные туда, положили основание одной из крупнейших и знаменитейших библиотек русского средневековья. Уже к концу XV в. она насчитывала до трехсот книг. В дальнейшем она пополнялась традиционными путями — перепиской книг в самом монастыре и вкладыми, причем второй источник в последующие века имел возрастающее значение и был связан с расширением популярности данного монастыря в качестве крупного религиозного и культурного центра.¹³

Перейдем теперь к рассмотрению второй крупнейшей мона-

¹¹ Его иногда отождествляют с упоминавшимся выше Афанасием Высокким. Об ошибочности такого отождествления см.: Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРЛ, 1968, т. XXIII, с. 177.

¹² В новейшем исследовании отмечается, что Житие Сергия в этом сборнике относится к «редкой второй редакции» (Дмитриева Р. П. Четые сборники... с. 155).

¹³ Динамика роста числа книг в Троице-Сергиевом монастыре прослеживается в работе Т. А. Попеску: Основные источники XVII века по истории библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Опись 1641 г. и вкладные книги 1639 и 1673 гг. — В кн.: Книгопечатание и книжные собрания России до середины XIX в. Сборник научных трудов. Л., 1979 (Библиотека Академии наук СССР), с. 26—38.

стырской библиотеки русского средневековья — Кирилло-Белозерской.

Так же как и Троице-Сергиевская, она обязана своим началом основателю монастыря. В Житии Кирилла Белозерского, написанном тем же Пахомием Логофетом, сказано, что он был обучен грамоте и пристрастился к чтению книг еще в детстве. Постригшись в московском Симонове монастыре, основанном племянником и воспитанником Сергея Радонежского Феодором, он занимался там книгописанием. Основав свой собственный монастырь, продолжал заниматься этим делом и поощрял к тому своих учеников и преемников. Среди них первыми, известными по именам, были Мартиниан, Христофор и Феогност. Если о последнем из них не сохранилось биографических сведений, то о первом в Житии сообщается, что он был обучен грамоте жившим вблизи будущего монастыря «мирским диаком» Алексеем Павловым.¹⁴ Имеется свидетельство зарождения любви Мартиниана к книгам — приписка к Каноннику, написанному им в 1423 г.: «Господи Иисусе Христе, спаси писавшего *и имети хотящего сие*» (подчеркнуто мною, — Н. Р.). Ниже тем же почерком написано обращение к «старцу Ануфрию», в котором книгописец, согласно традиции, смиренно называет себя «лжею иноком, а не истинною».¹⁵ Через двадцать лет, будучи игуменом соседнего с Кирилловым Ферапонтова монастыря, Мартиниан уже выступает в роли организатора книгописания. В выходной записи Римского патерика 1444 г. сказано, что книга была создана «в обители... богородицы... в окрестных град Бела озера в потружении преподобнаго игумена Мартемьяна». Обозначено и имя книгописца — «грешного инока» Артемия (Брс. 641). Стало быть, Мартиниан последовал примеру своего учителя: начав писать книги будучи рядовым монахом Кириллова монастыря, он, став игуменом, «потрудился» также в качестве организатора книгописания, привлекая к нему монахов своего монастыря.¹⁶

Относительно Христофора имеются основания предполагать, что он, как и Кирилл, пришел в Белозерье из московского Симонова монастыря и принес туда традиции письма и художественного оформления книги этого крупного центра.¹⁷ Очевидно, недаром ему приписывали в XVI в. изготовление многих художественно оформленных книг первой четверти XV в. начиная с Евангелия 1417 г. Не случайно, конечно, и то, что на эту книгу московским великим князем был сделан массивный серебряный

¹⁴ Пг. 739, л. 66.

¹⁵ ГРМ $\frac{\text{ГР}}{\text{ДР}}$ 14, л. 215. На предыдущем листе, при дате, отмечено, что книга была написана «благословением старца Кирилла игумена».

¹⁶ Сохранилась еще одна датированная книга XV в., написанная в Ферапонтовом монастыре — Псалтирь следованная 1454 г. (Брс. 1164); имя книгописца в ней не обозначено.

¹⁷ Вадорнов Г. И. Книгописание и художественное оформление... с. 90.

оклад с вкладной записью.¹⁸ Помета XVI в. «ученика чюдотворца Христофора» есть и на Апостоле первой четверти XV в. с роскошными — на золотом фоне — заставками и инициалами, а также с шестью изображениями авторов. Книги, создание которых монастырское предание связало с именами Мартиниана и Христофора, дают основание утверждать, что в кирилло-белозерском книгоделании соединились две традиции — московская и местная.

Первая наложила свой отпечаток на художественный облик книги. Его можно, в частности, объяснить, как появился в далеком северном монастыре и в самом начале развития в нем книгоделания такой образец искусства книги, как Христофорово евангелие, хранящееся ныне в качестве выдающегося памятника русского искусства в Русском музее. Вторая, местная, школа письма отразилась в разнообразии почерков книг, написанных в Кирилловом монастыре в XV в. Сочетанием этих двух традиций и можно объяснить то, что уже к началу XVI в. здесь сложился свой стиль письма и художественного оформления книги, и книги, созданные там, трудно перепутать, например, с московскими. Важно отметить, что художественными, часто нарисованными на золотом фоне заставками и инициалами украшались в Кириллове монастыре книги как богослужебные, так и четьи. Это можно рассматривать в качестве свидетельства любви местных книгописцев к книге как таковой, без разграничения ее по функциональному предназначению.

Относительно содержания старейших четьих книг Кирилло-Белозерской библиотеки мною в предыдущей главе уже были изложены некоторые наблюдения. Дополним их данными о репертуаре и персоналии книг этой библиотеки, созданных после смерти основателя монастыря.

Ближайшие преемники Кирилла — игумены Иннокентий, Христофор и Кассиан — поддерживали и развивали традицию местного книгописания. Имя последнего, управлявшего монастырем в 1448—1469 гг., в качестве «повелевшего» или «благословившего» написать книгу, сохранилось на многих из них, как богослужебных, так и четьих. Среди последних — Пролог 1452 г., Лествица 1459 г. и сборник без обозначения года (КБ-85/1159). Иногда игумены Кирилло-Белозерского монастыря, подобно его основателю, сами писали книги; из них внимание современного историка привлек Гурий Тушин.¹⁹ В характерном почерке Гурия

¹⁸ Корнилович К. В. Об окладе Христофорова евангелия. — В кн.: Древнерусское искусство XV—начала XVI в. М., 1963, с. 173—183. В статье рассматривается вопрос о несоответствии указанной на окладе даты его изготовления годам жизни и правления названных в той же записи лиц. Устанавливается, что оклад был изготовлен по заказу Василия Темного в 1448 г. и «поновлен» в 1533 г. Василием III.

¹⁹ Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 169—200. В статье говорится о 37 «рукописях», написанных Гурием начиная с 1480-х годов, и дан перечень 19 из них, сохранившихся до нашего

сказалось, вероятно, влияние болгарских книг: слишком уж он похож иногда на так называемое «попгерасимово» письмо, названное так по имени одного из книгописцев знаменитой Тырновской школы.²⁰ Памятником книжных связей кирилло-белозерских книжников с болгарскими является также уникальный список XV в. Изборника царя Симеона, в котором имя заказчика не заменено именем русского князя.²¹

Обилие и разнообразие репертуара чetyх книг в Кирилловом монастыре в XV в. дали возможность одному весьма усердному их читателю — монаху Ефросину — составить в конце данного столетия свои замечательные сборники, привлечшие, как уже было сказано, особое внимание советских исследователей.²² В них отразилась широта читательских интересов монахов далекого северного монастыря, а главное — возможности монастырской библиотеки удовлетворить эти интересы. Состав Ефросиновских сборников, названных в их новейшем и подробнейшем описании «библиотекой в миниатюре», с достаточным основанием может рассматриваться как отражение, итог образования в XV в. репертуара чetyх книг русских монастырских библиотек. В сборниках отразились круг чтения и читательские интересы монахов не только Кириллова монастыря. Это подтверждается тем, что многие статьи ефросиновских книг находятся в сборниках других русских монастырских библиотек предшествующего и последующего времени, о чем свидетельствуют многочисленные отсылки в их новейшем описании, упоминавшемся выше. В одном случае такую отсылку сделал сам Ефросин: «Июня 3 ис Пролога в Фарафонтове писано» (КБ-6/1083, л. 117), т. е. данная выписка сделана из книги, находившейся тогда не в Кириллове, а в соседнем Ферапонтове монастыре. Все это дает основание рассматривать Ефросиновские сборники как своеобразную русскую «монастырскую вивлиофику» XV в. и побуждает нас остановиться на них

времени. Три из них относятся к концу XV в. — два патристических сборника и сборник, где тексты богослужебные и келейного правила соседствуют с сочинениями отцов церкви, среди которых сочинения известного русского писателя Нила Сорского, основавшего свой скит неподалеку от Кириллова монастыря.

²⁰ Коцева Е. Александрийско-попгерасимово писмо в български ръкописи от втората половина на XIV в. — Старобългарска литература. Изследвания и материали, кн. 1. София, 1971, с. 369—401.

²¹ Розов Н. Н. О датировке и локализации Кирилло-Белозерского списка Изборника Симеона—Святослава. — В кн.: Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981, с. 22—35.

²² В первую очередь Я. С. Лурье, опубликовавшего статью о них в 1961 г. в том же томе ТОДРЛ, где опубликована статья Н. А. Казаковой о Гурии Тушине. Оба автора одинаково увлеклись своими «героями» — личностями, по всей видимости, действительно незаурядными. Я. С. Лурье, например, приписал Ефросину не только книгописную, но и культурно-просветительную деятельность; последняя представляется еще недостаточно доказанной.

подробнее. Следует выяснить и хотя бы в общих чертах систематизировать источники их энциклопедизма.

Сведения по мировой истории в Ефросиновских сборниках почерпнуты преимущественно из Палеи и Хронографа. Первую — популярное, местами занимательное изложение ветхозаветных событий — можно рассматривать как дополнение к Паремийнику, сборнику чтений из Ветхого завета при богослужении. Дидактический подбор этих чтений, в значительной степени исключавший нарративный элемент, умаял читательский интерес к книгам Ветхого завета, в которых находятся многие сюжеты, почерпнутые из устных преданий и народного поэтического творчества. И интерес к Палее у Ефросина, возможно, был связан с интересом к фольклору вообще, что отразилось в переписке им многих подобных памятников. К таковым относятся «Слово о хмеле», «Плач Адама о рае» и ряд других, а также «Слово о женах о добрых и о злых», переписанное в Ефросиновских сборниках трижды. И в одном из этих трех случаев — в том самом сборнике, где есть его помета о выписке из книг Ферапонтова монастыря, цитированная выше, это «Слово» значительно отличается от других сочинений под тем же названием, весьма распространенных в древнерусской рукописной книжности.²³

В Хронографе, появившемся в России в XV в., некоторые эпизоды мировой истории оформлены как законченные литературные произведения с занимательным сюжетом, что дало основание современным советским исследователям называть эти произведения «романами» и искать в книжности XV в. «истоки русской беллетристики».²⁴ Из таковых в Ефросиновские сборники попала Александрия, повествующая о жизни и деятельности Александра Македонского. Вероятно, потому, что так называемая «хронографическая Александрия» вызвала у Ефросина особый интерес, он переписал ее еще раз в свои сборники, в так называемой «сербской» ее редакции. Состав сборника, в котором находится эта редакция, и некоторые пометы Ефросина в нем настолько ярко отражают его читательские интересы, что на них следует остановиться.

В начале сборника помещено Послание великого князя Василия II константинопольскому патриарху по поводу «отступления от православия» митрополита Исидора, подписавшего в 1439 г. так называемую Флорентийскую унию, подчинившую православную церковь римскому папе, с просьбой о поставлении нового главы русской церкви. Этот документ не мог не вызвать интереса

²³ В статье Е. Э. Гранстрем «Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности XI—XV вв.» (ТОДРЛ, т. XXXV, с. 352) оно названо «русским сочинением» в числе «бесед, встречающихся в рукописях под именем Иоанна Златоуста, но ему в действительности не принадлежащих».

²⁴ Так назван сборник статей на эту тему, изданный Институтом русской литературы АН СССР в 1970 г.

у Ефросина как духовного лица. Вслед за Посланцем переписана Александрия, с указанием даты переписки — 1491 г. и писца Ефрема. Имя последнего известно как переписчика другой книги Кирилло-Белозерской библиотеки конца XV в., причем здесь он назвал себя «зуграфом» — художником (КБ-56/1265, л. 1 об.). Привлечение Ефросином именно этого писца в данном случае не является случайным: текст сопровождается двумя изображениями — Александра Македонского и кентавра; под последним написано имя Ефросина каллиграфическим декоративным письмом — вязью, заключенной внутри «омеги» — центральной буквы этого имени. Эти своеобразные «иллюстрации», единственные в Ефросиновских сборниках, также свидетельствуют об особом интересе их составителя к Александрии.

Кроме Александрии, в том же сборнике переписаны «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о Дракуле», выписки из описаний Индии автором VI в. Козмой Индикопловом (т. е. плававшим в Индию) и Палестины — русским паломником XII в. игуменом Даниилом и многое другое, свидетельствующее о широте читательских интересов Ефросина. Его интерес к памятникам литературы — переводным и оригинальным — простирался от древнейших до современных ему произведений: Повесть о Дракуле, как полагают ее новейшие исследователи, была написана в 80-х годах XV в.

В этом же сборнике отразился особый интерес Ефросина к памятникам так называемой апокрифической литературы — сказаниям преимущественно о библейских персонажах, не вошедшим в книги «священного писания», а иногда и включенным в «индексы», ограничивающие или запрещающие их чтение. Нескольким выписок из таких индексов находится в сборнике Ефросина, что не помешало ему переписать многие памятники апокрифической литературы — главным образом из так называемой «толковой» редакции той же Палеи. Он признавал, что не все переписанные им апокрифы должны быть доступны широкому кругу читателей; на полях «Сказания о 12 пятницах», например, им отмечено: «Сего во зборе не чти, ни многим являй», т. е. этот текст нельзя читать «на соборе» вслух всем монахам (таким «громкие читки» полагались по монастырскому уставу во время богослужений и трапезы) и распространять среди «братии».²⁵ Примечательно, что вслед за этой ограничительной оговоркой Ефросин отмечает, что этот текст он переписал ранее, в 1478 г., в то время как данный сборник датируется 1490-ми годами (подобное примечание есть и в конце Повести о Дракуле). Наряду

²⁵ О том, что ритуальное использование некоторых четких книг было хорошо известно Ефросину, свидетельствуют его пометы, вроде следующей, сделанной против текста, читавшегося в церкви в «неделю православия», когда славилась отцы церкви, борившиеся с ересями, и проклинались «ереснархи»: «Зде начин чести вышшим гласом» (КБ-22/1099, л. 135 об.).

с многочисленными выписками из апокрифических текстов в том же сборнике находятся столь же многочисленные выписки и из канонических книг Ветхого завета. Все это свидетельствует о необыкновенной любознательности Ефросина, проявленной им в других сочиненных им сборниках. Эта любознательность постоянно выводила его за пределы предписываемого монахам круга чтения, а часто и в область чисто «мирских» интересов. В качестве примера можно привести упоминавшееся выше «Слово о женах о добрых и о злых».

Первая часть этого Слова, выписанная Ефросином в Ферапонтовом монастыре, соответствует тексту, распространенному в Прологах того времени под тем же самым числом (3 июня), которое дважды — в начале и в конце выписки — отмечено Ефросином. Вторая же часть, которую составили выписки из различных книг, начиная с Библии и кончая таким своеобразным памятником древнерусской литературы, как «Слово Даниила Заточника», не находит аналогов ни в одном из многих одноименных сочинений о женских добродетелях и пороках, распространенных в древнерусской рукописной книжности. Для того чтобы представить себе глубину интереса монаха Ефросина, например, ко всем подробностям супружеской жизни, необходимо привести несколько примеров из рассматриваемой его компиляции.

«Добрая жена по очем целует и по устам любовнаго своего мужа, а злая жена по очем ожегом чернит и помелом забрызгивает, чтобы ослепнул... Добрая жена по шии (шее, — *Н. Р.*) руками своими обнимая, целует любовно, а злая жена ножем колет мужа своего насмерть»... «Добрая жена мыльню (баню, — *Н. Р.*) готовит мужу своему почасту, иная потешения готовит, обед и вечерю (ужин, — *Н. Р.*), а злая жена на мужа своего мыслит по вся дни с камнем в воду утопити». Таких противопоставлений добрых жен злым у Ефросина приведено десять. За ними следуют пять примеров, начинающихся словом «видех», т. е. «наблюдал в жизни». Приведу лишь один из них — самый короткий: «Видех некую жену злобразну, смотрящяся в зеркало, и аз рекох ей — Что ся смотриши в зеркало, смотрися в дубовую колоду» (т. е. в гроб).²⁶

Особо следует отметить интерес Ефросина к событиям русской истории и к литературным памятникам, ее отразившим. Среди его исторических выписок, преимущественно из русских летописей, явно преобладает тема многовековой борьбы русского народа с иноземными захватчиками. Таковы группа выписок, названная в новейшем описании Ефросиновских сборников «хропологией

²⁶ Вторая часть этого Слова опубликована в статье М. Д. Каган-Тарковской: «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976, с. 382—386. Здесь и в упоминавшемся выше новейшем описании ефросиновских сборников эта часть называется «скоморошьям дидалогом», что представляется сомнительным.

татарских набегов с 1377 по 1453 г.», и краткая выписка о столетии Куликовской битвы (КБ-9/1086, л. 263 об.), как бы подводящие к «Задонщине» — замечательному памятнику древнерусской литературы «куликовского» цикла, перекликающемуся со «Словом о полку Игореве». Ефросиновский список Задонщины — древнейший из сохранившихся — несет на себе следы редакторской обработки сочинителем сборника, ставшие недавно предметом специального исследования.²⁷

Таков в самых общих и важнейших чертах репертуар Ефросиновских сборников. Полную его характеристику и выяснение хотя бы приблизительно числа и круга использованных в них источников чрезвычайно затрудняет необыкновенная дробность содержания этих сборников. Подавляющее большинство выписок занимает одну или две страницы, а иногда и на одной странице их несколько. Кроме того, замечания на полях часто не относятся к ближайшему тексту, являясь самостоятельными выписками из источников, пока что неизвестных. Так, например, авторы новейшего и подробнейшего описания Ефросиновских сборников, в подавляющем большинстве случаев определившие источники или аналоги их статей, оставили без атрибуции одну любопытную запись, отнесенную ими к группе «записей на полях, не связанных с текстами статей»: «Феодул некто, лопату обрете и сию взем и излезе (вошел, — *Н. Р.*) ксенодохия (в помещение, — *Н. Р.*) 300 ратник един разгна, съблюдаяся никого же язвити (т. е. опасаясь ранить кого-нибудь, — *Н. Р.*), но самого камнем ударили и мало побыв умре и сим благоверным разорися рать» (КБ-20/1099, л. 404 об.).

Обилие и разнообразие использованных в Ефросиновских сборниках источников, большинство которых он разыскал скорее всего в Кирилло-Белозерской библиотеке, дает основание предполагать не стихийное, а целенаправленное ее комплектование. Направление развития репертуара четых книг, заданное основателем монастыря, его ближайшими учениками и преемниками, не могло успешно развиваться усилиями только монастырской администрации, без активного участия таких монахов-книголюбов, каким был Ефросин. Упомянутый выше каталог книг Кирилло-Белозерской библиотеки, составленный в конце XV в. с применением элементов аналитического описания четых сборников, свидетельствует о наличии в этом монастыре не только монахов-книголюбов, но и опытных библиотекарей. Ограничилась ли их деятельность лишь книгоописанием и не касалась ли и комплектования библиотеки — этот интереснейший и важнейший для истории библиотечного дела в нашей стране вопрос еще пред-

²⁷ Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 276—291.

стоит решить советским книговедам. История зарождения и быстрого — в течение лишь одного столетия — развития Кирилло-Белозерской библиотеки вплоть до Ефросиновских сборников и названного каталога конца XV в. может и должна привлечь внимание историков книги и библиотечного дела в средневековой России уже потому, что при ее изучении можно обойтись без каких-либо гипотетических построений. До нас дошло достаточно документального материала, и прежде всего — самих книг этой библиотеки XV в., библиотеки в современном смысле этого слова как в отношении ее книжного фонда, так и его библиографирования.²⁸

* * *

В отличие от Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского основатели еще одного знаменитого русского монастыря — Соловецкого — не прославились в качестве церковно-политических деятелей; нет также сведений об организации ими книгописания. Более того, один из них был даже неграмотным, как об этом свидетельствует древнейший памятник местной соловецкой литературы: «Герман же той, не умея книжнаго писания... еже виде в животе блаженнаго Савватия и како прииде с ним на остров Соловецкий... и по преставлении Савватиеве како прииде преподобный Зосима на Соловки и паки Герман с ним... и ина многа, яже виде Герман при животе блаженных отец — сия вся повеле Герман клириком писати на памяти». Так — и довольно четко — рисуется картина зарождения из устных преданий соловецкой литературы, но не книжности. Что это было именно так, свидетельствуют дальнейшие слова цитируемого памятника: «И писания того немало было. По преставлении же Германове не радиша о писании том: просто бо писана, якоже сказавше им Герман, простою речию — тако они и писаша, не украшающе речь».²⁹ «Нерадение» соловецких монахов к старейшим памятникам местной литературы привело к тому, что вскоре «некий священник от иных монастырей» увез с собой записи рассказов Германа, как говорится дальше. Оно объясняется двумя причинами. Во-первых, это были именно записи его устных рассказов, еще без надлежащей литературной обработки, без «украшения» простой, бытовой речи. Во-вторых — и с книговедческой точки зрения это главное — рассказы Германа еще не были оформлены как книги, но записаны «на памяти», очевидно, на отдельных листках или

²⁸ Розов Н. Н. Некоторые проблемы изучения истории книги и библиотечного дела в Древней Руси. — Труды ГПБ, Л., 1962, т. X (13), с. 153—160. Материалы Кирилло-Белозерской библиотеки использованы здесь наряду с книгами еще двух исторически сложившихся средневековых русских книжных собраний — новгородского Софийского собора и Соловецкого монастыря. См. также: Розов Н. Н. Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки. — Труды ГПБ, Л., 1961, т. IX (12), с. 177—188.

²⁹ Житие Зосимы и Савватия (Слв. 175, л. 110 об.—111).

свитках, как писались в старину документы, называвшиеся «памяти».

Книги на Соловецких островах, причем не только богослужебные, появились, конечно, вместе с первыми поселившимися там монахами; отдельные из них сохранились до нашего времени. Иначе и не могло быть хотя бы потому, что Савватий был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря, а в дальнейшем, будучи на Валааме, стал учителем самого Геннадия, будущего знаменитого новгородского архиепископа. Сохранилась четья книга — Лавсаик, по преданию, зафиксированному пометой XVI в. на самой книге, принадлежавшая другому основателю Соловецкого монастыря — Зосиме.³⁰ Однако Соловецкая библиотека как таковая, со своим набором четых книг широкого репертуара чтения, младше самого монастыря: ее основание следует датировать 90-ми годами XV столетия, в то время как Савватий появился на Соловках в 1429 г.

Ядром Соловецкой библиотеки стали книги, заказанные игуменом Досифеем в Новгороде. Сохранились два перечня этих книг — 1493 и 1494 гг., и в них не названо ни одной богослужебной.³¹ Переписывались в первую очередь памятники патристики — от таких классиков ортодоксального богословия, как Василий Великий и Иоанн Златоуст, как поэт и филолог Иоанн Дамаскин до сочинений писателей «золотого века» болгарской литературы — Иоанна ексарха и Козмы пресвитера. Среди агнографической литературы в Досифеевых сборниках попадаются и сочинения апокрифические, например Житие Андрея «Христа ради юродивого» Цареградского. Из памятников оригинальной русской литературы составлен целый сборник, озаглавленный «Минейя новым чудотворцам — кануны да и жития събрано»: в нем содержатся памятники разнообразных жанров — гимнографии («кануны»), ораторского искусства («Слово о законе и благодати»), агнографии (Жития Бориса и Глеба). Это ядро, как и четьи книги XV в. Кирилло-Белозерского монастыря, содержало «гены» будущего развития Соловецкой библиотеки как собрания четых книг универсального содержания. Однако это уже факты, лежащие за хронологическими рамками данной моногра-

³⁰ Хранится в БАН (Сол. 7).

³¹ Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, с. 297. То обстоятельство, что Досифеем были заказаны для своего монастыря только четьи книги, да еще столь разнообразного содержания, дает основание датировать начало Соловецкой библиотеки 1493-м годом. С этим не согласен автор повсейней монографии, считающий «библиотекой» любое собрание книг, а не только четых (Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки. . ., с. 23). Значение Досифея подчеркивается той самой описью Соловецкой библиотеки 1514 г., которая ею опубликована: книги «Досифеева данья» выделены здесь в особую рубрику и им подведен итог — «пятьдесят без четырех» (Археогр. ежег. за 1970 год. М., 1971, с. 370).

фии.³² Имя Досифея следует назвать первым и в ряду соловецких библиофилов — даже в современном смысле этого слова: он был создателем первого русского книжного знака — экслибриса, традиция которого продержалась на Соловках до XVII в. (рис. 10).³³

В заключение краткой характеристики Соловецкой библиотеки, зародившейся в последнее десятилетие XV в., следует отметить, что создание Досифеем первоначального ее ядра является фактом трансплантации на далекие острова Белого моря многовековых традиций новгородской книжности. Досифей не только заказывал по своему выбору четьи книги в Новгороде, но и стремился выбрать для них наиболее авторитетные, древнейшие оригиналы (рис. 12). Так, например, в сборнике 1491 г., содержащем целый ряд церковно-полемических, преимущественно антикатолических сочинений, есть киноварная помета: «Книгу сию взял на список у владыки — Беседа на новоявившуюся ересь. А писана на хартии и есть ей за пятьсот лет» (Слв. 966/856). Наличие у «владыки» — архиепископа Геннадия, боровшегося в то время с «новоявившимися» ересями,

Рис. 10. Книжный знак «священноинкоа Дософея».

³² О дальнейшей истории Соловецкой библиотеки см.: Розов Н. Н. Соловецкая библиотека. — В кн.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980, с. 311—338 (здесь же указаны важнейшие работы по истории этой библиотеки).

³³ Розов Н. Н. Когда появился в России книжный знак? — Археогр. ежег. за 1962 год. М., 1963, с. 88—91. См. также: Щапов Я. Н. К истории русского книжного знака конца XV—XVII вв. — Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 85—93. Любопытно отметить сходство книжного знака Досифея с написанием имени Ефросина под рисунком кентавра (рис. 11) в одном из составленных им сборников, о чем говорилось выше. Имя Ефросина написано вязью в «оправе» из буквы «Ѡ»; книжный знак Досифея состоит из двух слов, написанных также вязью, заключенных в «оправу» начальной буквы первого из них. В первом случае получилась как бы подпись владельца книги: «Ефросин», во втором — владельческая запись: «Священноинкоа Дософея». Однако сходство приемов написания этих двух различных по своему назначению помет налицо и ждет своего объяснения историками русского книжного знака. Укажу возможный источник этого приема — надписи вязью на предметах ювелирного искусства, делавшиеся обычно в кругах. Так же сделана владельческая запись на серебряных застёжках переплета одной книги XVI в. из Соловецкой библиотеки, что является одним из фактов непосредственной связи ювелирного искусства с искусством книги.

этой старинной книги естественно; остается неясным, зачем это сочинение понадобилось Досифею: на Соловках ни в то время, ни в последующие два столетия — вплоть до знаменитого восстания 1668—1675 гг. — не было никаких признаков ересей. На другой книге — Шестоднев Севериана Гавальского, писателя V в., есть аналогичная помета: «А писана книга сия с Герасимова Шестодневника»; здесь имеется в виду, конечно, несколько раз упоминавшийся выше архидиакон и первый помощник Геннадия в книжных делах Герасим Поповка. Иногда указывается и местонахождение оригинала: писец Жития Андрея юродивого («застенский игумен», как он себя назвал³⁴) Алексей Смола отметил, что «имел список с Лисьей горки».³⁵

Приведенные примеры имеют значение не только для истории Соловецкой библиотеки: они свидетельствуют о наличии тех или иных книг в конце XV в. не только на «владычнем дворе», но и в новгородских монастырях. И вместе с дошедшими до нас отдельными книгами, написанными в этих монастырях или хранившихся в них, они дают некоторое представление о репертуаре четых книг этих монастырей в конце пятисотлетней истории новгородской книжности.

Среди монастырей Новгородской епархии видное место занимал Валаамский, откуда на Соловецкие острова пришел Савватий. Судьба этого монастыря в XV—XVII вв. была очень тяжелой: его неоднократно захватывали и разоряли шведы. Валаамские монахи в таких случаях обычно переселялись в другие монастыри по островам, берегам и окрестностям Ладожского озера, чаще всего в Васильевский, под Старой Ладогой. Об интенсивной книгописной деятельности Валаамского монастыря свидетельствуют сохранившиеся в Васильевском и других монастырях книги валаамского происхождения, среди которых много четых. Таковы, например, сочинения Иоанна Златоуста в списке 1465 г. с такой припиской: «Се аз многогрешный, ленивый и неключимый раб Пахомей Валамьский старец, священный инок, сию книгу сотворих со многим трудом» (МАМИД-779). О том, что книгописное искусство в Валаамском монастыре стояло на большой высоте, свидетельствует лицезовое Евангелие 1495 г., названное по имени его исполнителя «Закхеевским».³⁶ Будущим исследователям соловецкой школы письма и оформления книги, давшей уже в первой половине XVI в. великолепные образцы,

³⁴ Вероятнее всего, имеется в виду «застенский» («застенный») Георгиевский монастырь в Старой Ладоге.

³⁵ Монастырь на Лисьей горке, или Лисицкий, находился в 7 верстах от Новгорода. В нем хранились и были переписаны многие книги XV в. Подробнее см.: Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 369—373.

³⁶ Имя книгописца Закхея обозначено и на списке 1475 г. Слов Григория Богослова с толкованиями, написанными «повелением» валаамского игумена Иоакима (FI—890).

Рис. 11. Кентавр. Рисунок из рукописи «Александрия». Внизу — «подпись» Ефросина.

следует заняться выяснением вопроса о степени влияния на нее не только вообще новгородских, но, в частности, и валаамских традиций.

Что же касается остальных монастырей Новгородской епархии, то пока что известны лишь отдельные четьи книги XV в., написанные или хранившиеся в некоторых из них.³⁷ И опять выразим надежду, что предстоящее фронтальное описание русской книги данного столетия даст новый материал для географии русской книги вообще и новгородской в частности. Тогда библиотеки Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, которым удалось сохранить свои книги, в том числе и созданные в XV в. в наибольшем числе и разнообразии, могут оказаться не такими уникальными, какими они представляются в настоящее время.

Возвращаясь к вопросу, насколько полно в русских монастырских библиотеках отразился репертуар книг для чтения того времени, отмечу: если подробное описание всего лишь четырех Ефросиновских сборников раскрыло возможности монастырской библиотеки удовлетворить самые широкие читательские интересы, то трудно даже представить себе, какой огромный круг чтения откроется при столь же тщательном описании остальных сборников XV в. А их сохранилось много сотен, если не тысячи.³⁸ Тогда сведения о репертуаре русской книги XV в. для чтения, сосредоточенной преимущественно в монастырских библиотеках, не покажутся такими скудными и односторонними, какими они представляются ныне. И «монастырская вивлиофика» XV в. предстанет перед нами в значительной степени как репертуар чтения своего времени.

³⁷ Подробнее см.: Розов Н. Н. Искусство книги Древней Руси и библиогеография. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 24—47.

³⁸ Точные сведения о числе сохранившихся сборников XV в. и об их количественном соотношении с другими книгами того времени можно будет привести после публикации Предварительного списка славяно-русских «рукописей» XV в., который в настоящее время готовится к печати Археологической комиссией АН СССР.

Заключение

В истории русской книги XV век был важным и переломным периодом. Во времена важнейших событий истории русского народа устное и письменное слово играло выдающуюся роль. Так было в период небывало быстрого взлета политической мощи и культуры Киевской Руси, когда митрополит Иларион в своем Слове о законе и благодати громко провозгласил идею равноправия народов и государств, среди которых не последнее место сразу же заняло молодое Киевское государство. В то же время в тиши пещерных келий Нестор, Никон и другие — безымянные — летописцы начали русскую историографию, создав предысторию нашего государства, положив начало фиксации и оценке событий «временных лет». В тяжкие века феодальной раздробленности и иноземного ига во всех концах страны раздавались голоса, призывающие к прекращению междоусобий, чтобы объединенными усилиями дать отпор общему врагу. И все это фиксировала, пропагандировала среди современников и сохранила для потомства русская книга.

В век ликвидации феодальной раздробленности и иноземного ига книга сыграла особенно выдающуюся роль. Возрождая к жизни памятники историографии и литературы прошлого, русская книга подхватывала и распространяла памятники современные, важнейшего идейно-политического звучания. Все это способствовало подъему народного духа, содействовало восстановлению былой мощи и международного авторитета Русского государства. Влияние книжности на умы людей усилилось в XV в. повсеместным распространением книгописания и искусства художественного оформления книги. Но не только в последнем русская книга XV в. возродила художественные традиции Киевской Руси и создала многочисленные новые образцы и направления. В русской книге XV в. началось возрождение русской музыки, которой века феодального лихолетья нанесли особенно тяжелый урон. Таковы лишь некоторые стороны важнейшей роли книги в истории русской общественной мысли и художественной культуры XV столетия.

Русская книга XV в. не только подвела итоги первого полу- тысячелетия истории отечественной литературы и искусства. Она наметила основные направления их развития на последующие столетия. Что же касается собственно истории книги, то в конце XV в. была подготовлена почва и появились первые образцы «обобщающих книжных предприятий», завершением которых было появление русского книгопечатания.

И все это было сделано трудами многочисленных людей, представителей всех кругов древнерусского общества; выяснить роль и направление влияния каждого из этих слоев помогает изучение персоналии русской книги XV в. Первый этап этого изучения — выявление имен заказчиков и переписчиков русской книги того времени (см. ниже, Приложения 1, 2) может вызвать недоумение: среди перечисленных имен в обоих списках преобладают лица духовного звания. Однако значительное число заказчиков и абсолютное большинство книгописцев принадлежат к низшим ступеням церковной иерархии, близким по своим непрофессиональным интересам к народу. Второе: лишь в редчайших случаях называли свои имена составители и владельцы тех сборников, в которых содержатся памятники русской литературы XV и предыдущих веков. В истории же отечественной литературы в XV в. наблюдается не только возбуждение повсеместного и широкого читательского интереса к памятникам различных жанров предыдущих веков, но и появление новых памятников и жанров, в том числе таких, которые можно смело отнести к памятникам светской литературы. В этом плане весьма показательным является распространение естественнонаучных сочинений, начавшееся в недрах монастырских библиотек; последнее обстоятельство доказывает, насколько велик был читательский интерес к этим сочинениям, если он захватил и «ушедших от мира» иноков. И все эти разнообразнейшие читательские интересы стремилась удовлетворить русская книга XV в., причем в наиболее впечатляющем художественном оформлении. Оно в данном столетии отличается не только небывалым разнообразием, удовлетворяющим самые широкие эстетические потребности читателя своего времени и последующих веков. Важно отметить, что с этого времени в истории художественного оформления русской книги из него выделяется и начинает самостоятельное развитие иллюстрация. Это потребовало уделить ей особое внимание в предлагаемой монографии, нарушив традиционный подход к искусствоведческому изучению искусства книги.

Таковы важнейшие достоинства русской книги XV в., аккумулировавшей в себе главные достижения русской литературы и искусства данного и предыдущих столетий и одновременно давшей «заряд», стимул для дальнейшего развития литературы и искусства в нашей стране. Выяснение и объяснение этих достоинств автор предлагаемой монографии ставил своей целью. Насколько это ему удалось — пусть судит ее читатель.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Хронологический список заказчиков русской книги XV в.*

- 1402 Григорий, свящ. (F I — 868)
1403 Киприан, митр. (Усп. п. 7)
1406 Арсений, еп. Тверской (Qп I — 31)
Варсонофий (ТС-38)
Солтан Солтанович, наместник (БАН Лит. F 19 — 1000)
1407 Савва, иг. (ЗЗ.16.15)
Поликарп, свящ. (Крыл. 2)
1408 Сергей, иг. (ГХМ-95)
1409 Феодор, монах (Сн. 71)
1410 Нестор, свящ. (МАМИД-760)
1411 Иоанн, арх-п Новгородский (Сф. 399)
1412 Матфей, монах (ТС-156)
1413 Дометриан, свящ. (Ма. 1494)
1414 Феодор, прот. (Брс. 90)
Матфей, монах (ТС-165)
1416 Варсонофий, иг. Саввино-Сторожевский (Q I — 207)
Александр, кн. (?) — «кир» (Чртк. 42/256)
1418 Никон, иг. Троице-Сергиевский (ТС-190)
1419 Савва, монах (Qп I — 17)
1421 Амвросий, еп. Коломенский (Пг. 73)
1422 Павел, свящ. (Q I — 312 и Q IV — 153)
Исайя, монах (Пг. 45)
Кирилл Белозерский, иг. (КБ-XI)
1423 » » (ГРМ $\frac{\text{гр.}}{\text{др.}}$ 14)
» » (ТС-16)
1424 Евстафия, свящ. } (Сн. 897)
Феодор, свящ. }
1425 Тимофей Васильевич (Сн. 173)
1428 Герасим, еп. Смоленский (F I — 476)
Феодор, иг. Саввино-Сторожевский (Рм. 445)
1429 Савва, иг. (КГУ-4634)
1430 Иннокентий, монах (Прн. 133)
1432 Исидор, свящ. } (Гп I — 48)
Алексей, свящ. }

* Арх-п — архиепископ; арх-т — архимандрит; еп. — епископ; иг. — игумен; кн. — князь, княгиня; митр. — митрополит; прот. — протоиерей; свящ. — священник. Указанные в скобках цифры см. в Списке сокращений (под названиями соответствующих хранилищ).

- 1433 Макарий, иг. (Чртк. 126)
 1435 Евфимий, арх-п Новгородский (Сн. 199)
 1437 » » » (Вскр. 10)
 1438 » » » (Сф. 191)
 Илья, еп. Тверской (Сн. 331)
 1439 Иоанн, прот. (Арх. с. 15)
 Евфимий, арх-п Новгородский (Сф. 207)
 1441 Герман, иг. (34.7.10)
 Евфимий, арх-п Новгородский (Сф. 196)
 » » » (Сф. 200)
 » » » (Рм. 273)
 1443 » » » (Щк. 9)
 » » » (16.14.15)
 1444 Тимофей, свящ. (Хл. д. 21)
 Мартиниан, иг. Ферапонтовский (Брс. 641)
 1445 «Олексей Марьциков»
 «Олексй от Козодоеве лавицы» } старосты (Сн. 872)
 Паисий, старец (ТС-747)
 1450—1451 Иоанн «архiereй Михайлов сын» (ИВ-349)
 1452 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерский (КБ-150/1240)
 Андрей, «священнослужебник» (Епрх. 811)
 Стефан Никифорович, «диак великого князя» (Ег. 863)
 Макарий, иг. (Пг. 486)
 Василий Ярославич, кн. Серпуховской (Сн. 419)
 1453 «Алексей Иоанн Котов юный» (Рм. 201)
 Измаил, свящ. (ИВ-24)
 1454 Иоанн, монах (Q I — 1029)
 1456 Василий Степанович, посадник (31.6.8)
 1457 Евпраксия, кв., монахиня (Сн. 468)
 1434—1458 Евфимий, арх-п Новгородский (Ув. 517)
 1459 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерский (КБ-36/161)
 1460 Герман, иг. (Тхпр. 182)
 Афанасий, арх-т Симоновский (F I — 207)
 Иван, монах (Син. оп. I, № 415)
 1461 Андрей, свящ. (БАНУ $\frac{21п}{9}$)
 «Иоанн Дмитриевич» (Q I — 570)
 Трифон, арх-т Спасо-Ярославский (ЯМЗ-15480)
 1457—1462 Иларион, свящ. (Ув. 481)
 1462 Ефрем, иг. (13.3.21)
 После 1462 Кассиан, «уставщик Печерский» (Рм. 305)
 1463 Яков Иванович
 «Гаврила Микуленич» } старосты (Пг. 18)
 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерский (КБ-295/552)
 Иона, арх-п Новгородский (Сф. 205)
 1464 Роман, «ключник» (Сф. 201)
 Савва, арх-т (ОЛДП F — 90)
 1465 Иов, свящ., «печатник княжий» (Чд. 44)
 1466 Волович Федор, «пан» (F I — 125)
 Алексей, иг. (Щк. 315)
 1467 Филипп, митр. (КБ-10/135)
 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерский (КБ-296/553)
 Морозов Григорий Васильевич (Мзс. 4041)
 1469 Александр, иг. (ТС-492)
 Андрей, иг. (Щк. 331)
 1470 Алексей, свящ. (НБ ИГУ-197)
 1471 Солтан Александр Александрович (Брс. 97)
 Каллистрат, диакон (ТС-191)
 1472 Ефросин, старец (Пскр. 59/494)
 Феогност, старец (ТС-66)

- 1473 Михаил «Кузминич» (Лих. 165)
Герасим, арх-т (Мз. 3376)
- 1474 Иоанн, арх-т Киево-Печерский (МДА-43)
» » » (МДА-69)
Авраамий, иг. Троице-Сергиевский (ТС-224)
- 1475 Чарторыйский Михаил Васильевич, кн. (Брс. 1213)
Феофил, арх-п Новгородский (Сф. 337)
» » » (Сф. 303)
Иоаким, иг. Валаамский (F I — 890)
- 1477 Игнатий, иг. Кирилло-Белозерский (Сф. 1432)
Андрей Васильевич Меньшой, кн. (F I — 193)
Михаил Логофет, жупан (правитель) Молдавский (БАНУЛ, АСП-21)
- 1473—1480 Геронтий, монах (КБ-3/3)
- 1481 Иннокентий, иг. Коломенский (F I — 314)
Михаил Яковлевич (Сн. 326)
Лонгин, иг. (Овч. 87)
- 1482 Андрей Васильевич, кн. (Пин. 32)
«Асаф», иг. «Никольский» (Пг. 993)
- 1484 Бетюков Андрей Федорович (Мз. 3198)
- 1485 Иоасаф, арх-п Ростовский и Ярославский (Слв. 24/24)
- 1486 » » » (Ув. 352)
- 1487 «Феодор Иоаннович» (ТС-761)
Иосиф Болгариневич, иг. Слуцкий (Q I — 1410)
Иосиф Волоцкий, иг. (ИБ-232)
- 1488 Солтан Александр, «маршалок Литовский» (МАМИД-442)
- 1489 Герасим Поповка, монах (Пг. 968)
Иосиф, иг. Волоколамский (? ТС-90)
Феодор (БАНУ $\frac{ДА}{415л}$)
- Симеон (Чд. 71)
- 1489—1506 Макарий, иг. (КБ-255/512)
- 1491 Геннадий, арх-п Новгородский (КБ-112/237)
Досифей, иг. Соловецкий (Слв. 491/510)
«Гаврила Никола», свящ. (Ув. 614)
«Яким», иг. Валаамский (Сф. 1345)
Кутузов Борис Васильевич (Чд. 208)
Иона, арх-т Луцкий (Ув. 94)
- 1492 Анисим Ананьевич (КБ-14/1091)
Досифей, иг. Соловецкий (Слв. 694/802)
» » » (Слв. 115/115)
- 1493 » » » (Слв. 858/968)
- Геннадий, арх-п Новгородский (ТС-710)
- 1494 Досифей, иг. Соловецкий (Слв. 518/537)
» » » (Слв. 1128/1237)
- Феодосий, иг. Отенский (F I — 196)
Мисаил, иг. Деревяницкий (F I — 792)
«Ермола Давидович, дворцовый диак великого князя» (ЯМЗ-15292)
» » » » » (ЯМЗ-15713)
- 1495 Кутузов Михаил Васильевич (Рм. 9)
Нафанаил, иг. Хутынский (24.4.26)
Иосиф Солтан, еп. Смоленский (БАН Лит. F 22 — 49)
- 1496 Игнатий (Новгород, муз. 10794)
Григорий «Фефилатов» (F I — 205)
- 1497 Венедикт, иг. Спасо-Ярославский (Ув. 566)
Серахион, иг. Троице-Сергиевский (ТС-368)
» » » (ТС-712)
- 1497—1499 » » » (МДА-48)
- 1498 » » » (ТС-369)

- Илья, монах (Q I — 873)
 Варсонофий, иг. Толгский (Пг. 185)
 1499 Варлаам, иг. (Сн. 103)
 «Павел Иванович сын Константинович» (Усп. б. 1)
 Герасим Поповка, монах (Сн. 915)
 Михаил Медоварцев (Встрк. 959)
 1500 Иоаким, иг. Валаамский (Сн. 302)
 Серапион, иг. (Уст. ц. 361)
 Без даты Зиновий, иг. Троице-Сергиевский (ТС-745)
 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерский (КБ-82/1159)
 Иосиф, иг. Волоцкий (МДА-34)
 Венедикт, иг. Кирилло-Белозерский (КБ-56/1295)
 Геронтий, монах (КБ-3/3)
 Стефан, иг. (Q I — 135)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Хронологический список русских книгописцев XV в.

- 1401 Станислав «граматик» (ЗХМ, Арх. 798)
 1403 «Онфим» (Сн. 275)
 Андрей, монах (Усп. п. 7)
 1406 Кузьма (ТС-38)
 «Окиф» (Усп. п. 3)
 1407 Арсений, свящ. (33.16.15)
 Кузьма (Крыл. 2)
 1408 Андрей (ГХМ-95)
 1409 Лука, диакон (Сн. 71)
 1410 Евстигней (МАМИД-760)
 1411 Василий, диакон (Сф. 399)
 1412 Варлаам, монах (ТС-156)
 Герман, монах }
 Авраамий, монах } (Блш. 289)
 1413 Гавриил (Мз. 196)
 1414 Стефан, диакон (Брс. 90)
 Антоний, монах (ТС-165)
 1415 Иоанн, свящ. (Мз. 4034)
 1416 Авраамий, монах }
 Исаакий, монах } (Q I — 207)
 Макарий, монах (Чртк. 42/256)
 1417 Илья, диакон (Калинин, Муз. 1893)
 Христофор, монах (ГРМ, БК-3268)
 1418 Иосиф (ТС-190)
 1419 Стефан, диакон (Qп I — 17)
 Елисей (Рм, 451)
 1420 Тимофей (F I — 476)
 1421 Иоанн, диакон (Пг. 73)
 Феодор (13.3.36)
 1422 Никифор, диакон (Q I — 312 и Q IV — 153)
 Феогност, монах (КБ-XI)
 Лука, диакон (Пг. 45)
 1423 Мартиниан, монах ГРМ $\left(\frac{rp}{dp} 14\right)$
 Христофор, монах (ТС-16)
 1424 Гавриил, монах (ОР-178)
 Давид, диакон (Сн. 897)

- 1425 Даниил, диакон (Сн. 839)
«Измайло» (Сн. 173)
- 1426 «Олешка» (Ув. 369)
- 1428 Тимофей (F I — 476)
Давид, монах (Рм. 445)
- 1429 Евстафий Шепель, «мирской человек» (ТС-715)
Иона, монах (КГУ-4634)
Игнатий (ТС-308)
- 1430 Нестор (Прн. 133)
- 1431 Серапион Маза, монах (ТС-175)
- 1432 Емельян, диакон (КБ-45/1284)
Иона, монах (Fп I — 48)
Авраамий «русин» (Ег. 543)
«Иоаннишко» (Чртк. 126)
- 1434 Иосиф, диакон (F I—73)
- 1435 Иов, монах (Сн. 199)
- 1436 Федор «ростовлянин родом» (Муз. 8491)
Порфирий, монах (Ув. 181)
Иов, монах (Сн. 412)
Гавриил (БАНУ $\frac{ДА}{9л}$)
- 1437 Пимен (ТС-407)
- 1438 Дионисий «шестник», иг. (Сф. 191)
Иона, монах (Ув. 63)
Андрей, диакон (Сн. 331)
- 1439 Ерофей, диакон } (Арх. с. 15)
Гавриил, монах }
Диомид, диакон (Сф. 207)
- 1440 Феофил, монах (Рг. 716)
- 1425—1440 Дионисий, свящ. (Рм. 438)
- 1441 Иов, монах (34.7.10)
Иоанн, диакон (Сф. 196)
» » (Сф. 200)
- 1443—1444 Иона(?), монах } (Чд. 262)
Михаил (?) }
- 1444 Иакинф (Хл. 21-д)
Артемий, монах (Брс. 641)
Гавриил (Хл. 8-д)
- 1445 Гавриил, свящ. (Сн. 872)
Макарий, монах (ТС-747)
Пахомий, монах (ТС-180)
- 1448 Гавриил (13.3.19)
- 1449 «Микула Лукин сын» (Сн. 126)
- 1450—1451 Толмачев Никита «Остафьев» (ИВ-349)
- 1451 Прохор, монах (Рг. 355)
- 1452 Иаков Иванович, «пищодиак» (Епрх. 811)
«Исаище», монах (Пг. 486)
- 1453 Макарий, монах (ИВ-24)
Симеон «стратилат» (Арх. д. 7)
- 1454 Михаил «юный» (Q I — 1029)
- 1455 «Васка Мамырев» (Ув. 87)
- 1456 Игнатий «шестник», монах (31.6.8)
Алексей «перяславец», свящ. (МДА-23)
Варсонофий, монах (МДА-757)
- 1457 «Сидор унылый» (Сн. 468)
«Перхурий», диакон (F I — 695)
Феодор (Ув. 481)
«Аттанасие», свящ. (Куйбышев, обл. б-ка, 306120)
- 1459 Варсонофий, монах (?) (КБ-36/161)

- 1460 «Пахомий сербин», монах (МДА-23)
 «Феодосишка», монах (Тхир. 182)
 Исидор, диакон (Рг. 149)
 Василий (F I — 207)
 Кузьма, диакон (Синод. он. I, 415)
- 1461 Иов, свящ. (Q I — 570)
 Илья, монах (Пг. 552)
 «Сидор грешный» (ЯМЗ-15480)
- 1457—1462 Феодор (Ув. 481)
- До 1462 Евфимий, монах (Вскр. 22-б)
- 1462 Коляда, диакон (13.3.21)
 «Степанко дячишко юный» (Мз. 1538)
- 1463 Борис «шестник», диакон (Пг. 18)
 Паисий (КБ-295/552)
- 1464 Григорий, диакон (Сф. 201)
 Иона, монах (ОЛДП F 90)
- 1465 «Митица», диакон (Чд. 44)
 Пахомий, монах (МАМИД-779)
- 1466 Евстафий, диакон (F I — 125)
 Иннокентий, монах (Щк. 315)
- 1467 Василий (КБ-10/135)
 Герасим, монах (КБ-296/553)
 Илья (Мзс. 4041)
 Никодим, диакон (Унд. 81)
- 1468 Варлаам (ТС-79)
- 1469 «Гридица Останынич» (ТС-492)
 Иларион Хрен, свящ. (Брс. 1390)
- 1470 Кирилл, диакон (F I — 194)
 Петр (НБ ИГУ-197)
- 1471 Григорий Якимов сын (ТС-191)
- 1472 Игнатий, монах (Пскр. 59/494)
 Еремия, диакон (ТС-66)
- 1473 «Ермола» (Лих. 165)
 Василий «юн» } (Мз. 3376)
 Семен
- 1473—1483 «Симен Андреев сын Григорьева Сафонова» (Мх. Q — 7)
- 1474 «Пафнот, а по реклу Топола» (МДА-69)
 Андрей «тверетин», диакон (МДА-43)
 Елисей, монах (ТС-224)
 «Спирия» (КРК-126)
- 1475 «Артемьца, коморник кн. Чарторыйского» (Брс. 1213)
 «Гришко», диакон (Сф. 337)
 Захарий, диакон (Сф. 303)
 Закхей, монах (F I — 890)
 Авксентий «рукинец», свящ. (Сф. 1432)
- 1473—1477 Ефросин, свящ. (Ув. 894)
- 1477 Нестор, диакон (Сн. 210)
 «Сидка» Молчанов (F I — 193)
 Козма Кажка, диакон (БАНУЛ, АСП-21)
- 1477—1486 Ефросин, монах (КБ-11/1088)
- 1478 «Федко» (Ув. 496)
 Серапион, монах (Еспрх. 608)
 Еремия, свящ. (Сн. 1267)
- 1479 «Олешко» Палкин (Пг. 989)
- 1473—1480 «Феодот» (КБ-3/3)
- 1481 «Феодот», свящ. } (F I — 311)
 Семен, диакон }
- 1482 «Сидка» Молчанов (Сн. 326)
- 1482 «Симонишка», монах (Пг. 993)
- 1483 Яков Юрьев, диакон (F I — 137)

- 1484 «Гридка Ондреев сын Бетюков» (Мз. 3198)
Григорий, диакон (Пскр. 92/15271)
- 1485 «Костя» (Слв. 24/24)
Гурий Тушин, иг. (КБ-117/374)
Иоанн (?), монах (Пскр. 162)
Федор Клементьев сын Шарапов (F I — 5)
- 1486 «Гаврило диакон Лукин сын» (Лих. 360)
«Костя» (Ув. 352)
- 1487 Филимон (ТС-761)
Герасим Поповка, монах (ИВ-232)
Андрей Степанов сын Челюстин (Q I — 1410)
«Сенка родом смольянин», диакон (БАН Лит. 19—161)
- 1488 «Занко (?), родом з Турова», диакон (МАМИД-442)
- 1489 Дмитрий Герасимов (Пг. 968)
«Березка Долъбнич з Новгородка» (БАНУ $\frac{ДА}{415Л}$)
Тимофей Веннаминов (ИВ-437)
Стефан «тверетин», диакон (ТС-90)
«Калина» (Чд. 71)
- 1489—1506 Гурий Тушин, иг. (КБ-255/512).
- 1490 «Есифон» (КБ-118/375)
Иосиф, иг. Волоцкий (ИВ-65)
- 1491 «Якуш пророк» (КБ-112/237)
«Матфей попов сын Степанова» (Ув. 614)
«Гридя Лихач», диакон (Сф. 1345)
Федор «Климов сын Шарапов» (Ув. 569)
«Гридя Кулгавый», диакон (Чд. 208)
Игнатий (Ув. 94)
- До 1492 Артемий, диакон (БАНУ $\frac{11П}{4}$)
- 1492 «Васюк», диакон (Чд. 171)
Иван Иванов сын Мочалов, диакон (КБ-14/1091)
Федор, диакон (Слв. 694/802)
- 1492(?) «Симон Ондреев сын Сафонова» (Мх. Q 7)
- 1493 Иван «москвитин», диакон (Муз. 48)
- 1494 Матфей, диакон (F I — 792)
Самуил, диакон (Рм. 453)
Влас, свящ. (ЯМЗ-15292)
«Полуект» (ЯМЗ-15713)
- 1495 «Иван попов сын Родивонова», диакон (Лих. 570)
«Ларион», диакон (Ув. 1731)
Закхей, монах (24.4.46)
«Авраамка» (БАН Лит F 22—49)
«Гридя», диакон (Рм. 9)
- 1496 Авфоний, диакон (Новгород, муз. 10794)
Аввакум (Q XVII — 88)
«Васют» Федоров, диакон (F I — 205)
«Ларион», диакон (Ув. 566)
- 1497 Федор, диакон (Стр. 11)
«Михайло Семенов сын» (Хл. 18-д)
Феодосий Шастун (ТС-368)
» » (ТС-369)
- 1498 Иван Мочалов, диакон (Вхр. 10)
Федор (Пг. 185)
- 1499 «Микула Лукин сын» (Сн. 103)
Феодосий, иг. (Ув. 376)
«Тимошка Тимофеев сын» (Усп. 1-б.)

- «Василь Иерусалимский» }
 «Гридя Исповедницкий» } диаконы (Сн. 915)
 Климент «Архангельский» }
 «Васюк Борзобогатов» (ИБ-100)
 1500 Феодор «Сенпянский» (Сн. 302)
 Василий (Уст. ц. 361)
 «Гридя подъячий дворцовой» (БАНУ $\frac{443}{1639}$)
 Без даты Алексей (?) «смиранный» (ГРМ $\frac{ГР}{ДР} 12$)
 Алексей Смола, иг. (Слв. 216/ 216)
 «Андричина» (Вскр. 3)
 Антоний (Сн. 407)
 Арсений «малейший в единообразных» (Арх. 157)
 Афанасий (КГУ-88)
 Афанасий «прочертанный» (Вскр. 22)
 Василий «холоп», монах (Лих. 126)
 Варлаам «доброписец» (ИБ-14)
 Герасим «черный», монах (МДА-60)
 Даниил, монах (Вскр. 62)
 Давид (КБ-82/1159)
 Даниил, митр. (МДА-197)
 Дионисий, монах (Слв. 47/47)
 Дионисий, свящ. (Рм. 438)
 «Ермола Фатганов сын» (Рм. 438)
 Евфимий (Григ. 1698)
 Ефрем (ТС-145)
 «Ефремишко изограф» (КБ-56/1295)
 Иван (Усп. п. 6)
 Илья (МДА-119)
 Иона, иг. (ТС-745)
 Кирилл Белозерский, иг. (Кириллов, муз. 405)
 «Матюшка» (Рм. 126)
 «Остафий», диакон (Чд. 177)
 «Прохорец Деонисьев сын попов» (Сн. 203)
 «Феодот» (КБ-3/3)
 Христофор, монах (КБ-ХIII)
 XV— Александр «Авраамиев сын» (ИБ-61)
 XVI вв. Тимофей, диакон (Чд. 82)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Датированные русские книги XV в.*

1401	Евангелие тетр (пергамен)	Рм. 118
	Евангелие тетр Королевское	ЗХМ, Арх. 798
1402	Лествица	Тм. 9
	Сборник агиографический	F I — 868
1403	Изборник «Онфимовский» (пергамен)	Сн. 275
	Триодь постная (пергамен)	Усп. п. 6
	Триодь цветная (пергамен)	Усп. п. 7
1404	Лествица	Чд. 219
1405	Сборник богослужебный	Пер. 21

* Перечень датированных русских книг XI—XIV вв. см.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979, с. 44—52.

1406	Падея толковая Коломенская (пергамен)	ТС-38
	Патерик Киево-Печерский (пергамен)	Qп I — 31
	Пролог, март—август (пергамен)	Усп. п. 3
	Пролог, март—август	БАН Лит. F 19—100
1407	Канонник	ГРМ $\frac{\text{ГР}}{\text{др.}}$ 15
	Златоуструй	33.16.15
	Минея Февральская	Крыл. 2
1408	Евангелие тетр (пергамен)	ГХМ 95
1409	Евангелие апракос лицевое (пергамен)	Сн. 71
1410	Триодь постная (пергамен)	МАМИД-760
1411	Сборник богослужебный (пергамен)	Сф. 399
1412	Лествица	ТС-156
	»	ТС-157
	»	Блш. 289
	»	Увд. 192
	Стихирарь (пергамен)	Тп. 76
	Устав церковный (пергамен)	Фп I — 25
1413	«Скрижали духовные и Феологос»	Мз. 1494
1414	Ава Дорофей. Поучения	ТС-165
Ок. 1415	Евангелие апракос Морозовское (пергамен)	МК $\frac{12498 \text{ охр.}}{\text{оп. 11056}}$
1415	«Книга Кааф» (толкование Пятикнижия)	Мзс. 4034
1416	Евангелие тетр	Чртк. 42/256
	Исаак Сирин. Слова постнические	Q I — 207
1417	Евангелие тетр	Калинин, Муз. 1893
	Феодор Студит. Поучения огласительные	Муз. 8460
	Евангелие апракос (пергамен)	ГРМ БК-3268
1418	Филипп Пустынный. Диоптра	ТС-190
	Лествица	КБ-34/159
	Сборник агиографический	Сн. 213
1419	Лествица (пергамен)	Qп I — 17
	Исаак Сирин. Поучения	ИБ-451
	Хождение Иоанна Богослова	Рм. 451
1421	Лествица	ИБ-462
	»	КБ-35/160
	Лествица (пергамен)	Пг. 73
	Сборник патристический	13.3.36
1422	Сборник патристический	Q I — 312
	Лествица	КБ-XI
	Стихирарь крюковой (пергамен)	Пг. 45
1423	Евангелие (пергамен)	Тула, Муз. 304
	Лествица и Поучения аввы Дорофея	ТС-167
	Часослов (пергамен)	ТС-16
	Канонник (пергамен)	ГРМ $\frac{\text{ГР}}{\text{др.}}$ 14
1424	Григорий Богослов. Поучения	ОР-178
	Стихирарь (пергамен)	Сн. 897
	Псалтирь (пергамен)	ГРМ $\frac{\text{ГР}}{\text{др.}}$ 17
1425	Минея, ноябрь—декабрь (пергамен)	Сн. 173
	Пролог, сентябрь—февраль (пергамен)	Сн. 839
	Сборник патристический	ТС-185
1422—1425	Устав церковный Иерусалимский (пергамен)	Арх. д. 3
1426	Филипп Пустынный. Диоптра	Ув. 369
1428	Устав церковный Иерусалимский (пергамен)	Рм. 445

	Исаак Сирин. Поучения	F I — 476
1429	Пролог, март—август	ТС-715
	Устав церковный	КГУ-4634
	Сборник патристический	Слв. 1133/1243
	Псалтирь следованная	ТС-308
1430	Евангелие тетр	Щк. 13
	Сборник патристический	Прн. 133
1431	Лествица	Рм. 200
	Сборник патристический	ТС-175
До 1432	Устав монастырский (пергамен)	Усп. п. 5
1432	Житие Григория Омиритского	КВ-45/1284
	Пролог, сентябрь—февраль (пергамен)	Фп I — 48
	Сборник агиографический	Ег. 543
1433	Лествица и сочинения аввы Дорофея	ТС-168 и 169
	Минея праздничная	Чртк. 126
1434	Толкование на Евангелие от Иоанна и Луки	F I — 73
1435	Октоих (пергамен)	Сн. 199
1436	Лествица	Муз. 8491
	Устав церковный (пергамен)	Ув. 181
	Евангелие	МК $\frac{18349 \text{ охр.}}{\text{оп. 18842}}$
	Псалтирь (пергамен)	БАНУ $\frac{\text{ДА}}{9л}$
1437	Октоих. Гласы 5—8 (пергамен)	Вскр. 10
	Стихирарь крюковой	ТС-407
	Псалтирь (пергамен)	БАНУ ДА-21
1438	Триодь цветная	КРК-687/1
	Минея ноябрьская (пергамен)	Сф. 191
	Сборник патристический	Ув. 63
	Устав церковный Иерусалимский (пергамен)	Сн. 331
1439	Минея майская	Арх. с. 15
	Минея июньская (пергамен)	Сф. 207
1440	Триодь цветная	Рг. 716
1441	Евангелие учительное	34.7.10
	Минея январская (пергамен)	Рм. 273
	Минея февральская (пергамен)	Сф. 196
	Минея апрельская (пергамен)	Сф. 200
1443	Евангелие тетр (пергамен)	Щк. 9
	Минея мартовская (пергамен)	16.14.15
1443—1444	Торжественник	Чд. 262
1444	Василий Великий. О постничестве	Хл. д. 8
	Повесть о Варлааме и Иоасафе и Житие Феодора Эдесского	ТС-687
	Патерик Римский	Брс. 641
	Триодь постная	Хл. д. 21
1445	Сборник патристический и агиографический	ТС-747
	Минея праздничная (пергамен)	Сн. 872
1448	Апокалипсис толковый	Брс. 132
1450—1451	Часослов	ИБ-349
1451	Никон Черногорец. Тактикон	Рг. 355
1452	Евангелие апракос	ИБ-24
	Житие Григория Омиритского	Сн. 419
	«Летопись Георгия мниха» (Амартола)	Ег. 863
	Пролог, декабрь—февраль	КВ-150/1240
	Триодь постная	Епрх. 811
	Триодь цветная	Пр. 486

1453	Лествица с прибавлениями Хроника Георгия Амартола	Рм. 201 Арх. д. 7
1454	Минея октябрьская (пергамен) Минея июньская Псалтирь следованная	Ув. 465 Q I — 1029 Брс. 1164
Ок. 1455	Евангелие апракос	Мзс. 1072
1455	Евангелие тетр Октоих (гласы 5—8)	Q I — 1484 Ув. 87
1456	Устав церковный Хроника Георгия Амартола Евангелие от Матфея с толкованием Евангелие от Иоанна с толкованием	31.6.8. Ув. 966 Сф. 1258 МДА-23
1457	Канонник Минея праздничная Октоих (гласы 5—8) Лествица	Сн. 468 Q I — 859 F I — 695 Куйбышев, обл. 6-ка, 306120
1434—1458	«Синаксарник»	Ув. 517
1459	Псалтирь толковая Сборник житий, поучений и толкований Лествица	МДА-23 Сн. 637 КБ-36/161
1460	Евангелие учительное Никон Черногорец. Тактикон Сборник патристический и агиографический Минея ноябрьская Апостол апракос	Рг. 149 F I — 207 21.4.9. ЦГИА Сиб., оп. I, 415 Тхпр. 182
1461	Служебник (пергамен) Евангелие апракос Минея июньская Сборник патристический и агиографический	БАНУ $\frac{21п}{9}$ Q I — 570 Пг. 552 ЯМЗ-15480
1457—1462	Евангелие учительное	Ув. 481
До 1462	Триодь постная	Вскр. 22
1462	Сборник патристический и агиографический	13.3.21.
1463	Евангелие апракос (пергамен) Минея майская (пергамен) Минея майская Триодь цветная	Пг. 18 Сф. 205 КБ-295/552 Мз. 561
1464	Евангелие толковое Минея апрельская (пергамен)	ОЛДП F 90 Сф. 201
1465	Апостол апракос Иоанн Златоуст. Поучения	Чд. 44 МАМИД-779
До 1466	Патерик Киево-Печерский	ЯОА-415
1466	Апостол апракос Триодь постная Устав церковный Иерусалимский	Пг. 217 F I — 125 Щк. 315
1467	Евангелие апракос Костромское Евангелие от Луки и Иоанна толковое Минея мартовская	Мзс. 4041 КБ-10/135 КБ-296/553
1463—1468	Апостол апракос	ТС-79
1469	Минея ноябрьская Минея праздничная, сентябрь—февраль Патерики — азбучный, скитский, Иерусалимский Ефрем Сирин. Поучения	ТС-492 Щк. 331 ТС-701
1470	Пролог, ноябрь—март Евангелие толковое	Брс. 1390 ТС-720 F I — 194

	Лествица	НБ ИГУ-197
1471	Филипп Пустынный. Диоптра	ТС-191
	Псалтирь толковая	Брс. 97
1472	Исаак Сирий. Слова постнические	Пскр. 59
	Евангелие	ТС-66
1473	Сборник толкований Евангелия и Апо-Лих. 165 стола	Лих. 165
	Триодь постная	Мас. 3376
1474	Златоструй	МДА-43
	Псалтирь следованная	МДА-69
	Служебник и Требник	ТС-224
	Пролог сентябрьский	КРК-126
1475	Минея октябрьская	Брс. 1213
	Минея февральская	Сф. 303
	Минея майская	Сф. 337
	Григорий Богослов. Слова с толкова- ниями	FI — 890
	Никон Черногорец. Тактикон	Сф. 1432
1476	Феодор Студит. Поучения	БАН Лит. 21
1473—1477	Сборник патристический	Ув. 894
1477	Евангелие апракос	БАНУЛ АСП-21
	Маргарит	FI — 193
	Палея толковая Псковская	Сн. 210
1478	Евангелие тетр лицевое	Казань, Муз. 8772
	Евангелие тетр	Епрх. 810
	Минея январская	Епрх. 608
	Никон Черногорец. Пандекты	Ув. 496
	Пролог, июнь—август	Сн. 1267
1479	Синодик Иосифова Волоколамского мо- настыря	Др. 23-52
	Григорий Богослов. Сочинения	Пг. 989
		Харьков, 879322
	Лествица	НБ а-109196
1473—1480	Евангелие (пергамен)	КБ-3/3
1480	Псалтирь следованная	КБ-2/259
1481	Маргарит	Щк. 542
	Пролог сентябрьский	FI — 311
	Псалтирь следованная	Овч. 67
	Служебник и Требник	Сн. 326
1482	Василий Великий. Слова постнические	Пив. 32
	Сборник агнографический	Епрх. 937
	Сборник патристический	Q I — 1411
	Сборник слов и поучений	Пг. 993
1483	Триодь цветная	FI — 137
1484	Евангелие тетр	Мас. 3198
	Проложные чтения на избранные дни	Пскр. 92
1485	Апостол толковый	Слв. 24
	Канонник	КБ-117/374
	Летописец эллинский	Пскр. 162
	Псалтирь лицевая Угличская	FI — 5
1486	Апостол толковый	Ув. 352
	Исаак Сирий. Поучения	Лих. 360
1486—1487	Сборник смешанного содержания	17.16.14.
1487	Минея март—апрель	БАН Лит. 19
	Патерик египетский	ИБ-657
	Сборник патристический и агнографический	ТС-761
	Сборник патристический	Q I — 1410
1488	Минея, май—июнь	МАМИД-442

1489	Пролог, март—август Книги 16 пророков с толкованиями Богородичник	Пг. 621 МДА-20 Чд. 71
	Миняя четья	БАНУ $\frac{ДА}{415л}$
	Сборник слов и поучений Афанасий Александрийский. Сочинения	ИВ-437 Пг. 968
1489—1506	«Потребник» (Требник)	КБ 255/512
1490	Апостол	Ув. 1334
	Канонник	КБ 118/375
	Миняя четья октябрьская	Сф. 1385
1491	Евангелие тетр	Ув. 96
	Маргарит	КБ-112/237
	Пролог, март—август	Ув. 614
	Маргарит	Слв. 491/510
	Пролог, март—август	Сф. 1345
	Псалтирь следованная	Ув. 569
	Сборник патристический	Q I—1191
	Слова Григория Богослова с толкованиями	Чд. 208
1492	Псалтирь толковая	БАНУ $\frac{11п}{4}$
	Филипп Пустынный. Диоптра	КБ-14/1091
	Ефрем Сирий. Поучения (пергамен)	Пг. 71 ^а
	Дионисий Ареопагит. Сочинения с толкованиями	Слв. 115
	Книги 16 пророков с толкованиями	Слв. 694/802
	Иоанн ексарх болгарский. Шестоднев	Чд. 171
	Псалтирь следованная	Мх. Q—7
1493	Пятикнижие	ИВ-8
	Кормчая	Слв. 858/968
	Патерик египетский с прибавлениями	ТС-710
	Пролог, март—август	Сн. 243
1494	Евангелие учительное	F I—792
	Маргарит	F I—196
	Миняя февральская	ЯМЗ-15292
	Миняя майская	Усп. б. 42
	Миняя июльская	ЯМЗ-15713
	Миняя «новым чудотворцам»	Слв. 518/537
	Пролог на избранные дни	Пскр. 92
	Хронограф	Рм. 453
	Устав церковный	Слв. 1128/1237
1495	Апостол апракос	Рм. 9
	Евангелие апракос Закхеевское	24.4.26.
	Апостол апракос	Лих. 530
	Летопись Авраамки	БАН Лит. F 22—49
	Октоих (гласы 1—4)	Овч. 157
1496	Козма Индикоплов	Ув. 566
	Евангелие апракос	Новгород, Муз. 10794
	Ефрем Сирий. Поучения	F I—205
1497	Сборник смешанного содержания	Q XVII—88
	Октоих (гласы 1—4)	ТС-368
	Патерик Киево-Печерский	ТС-712
	Патерик скитский	Стр. 11
	Сборник служб русским святым	КБ-53/1130
1498	Триодь постная и цветная	Хл. д. 18
	Евангелие тетр	Львов, Муз. укр. иск. 37

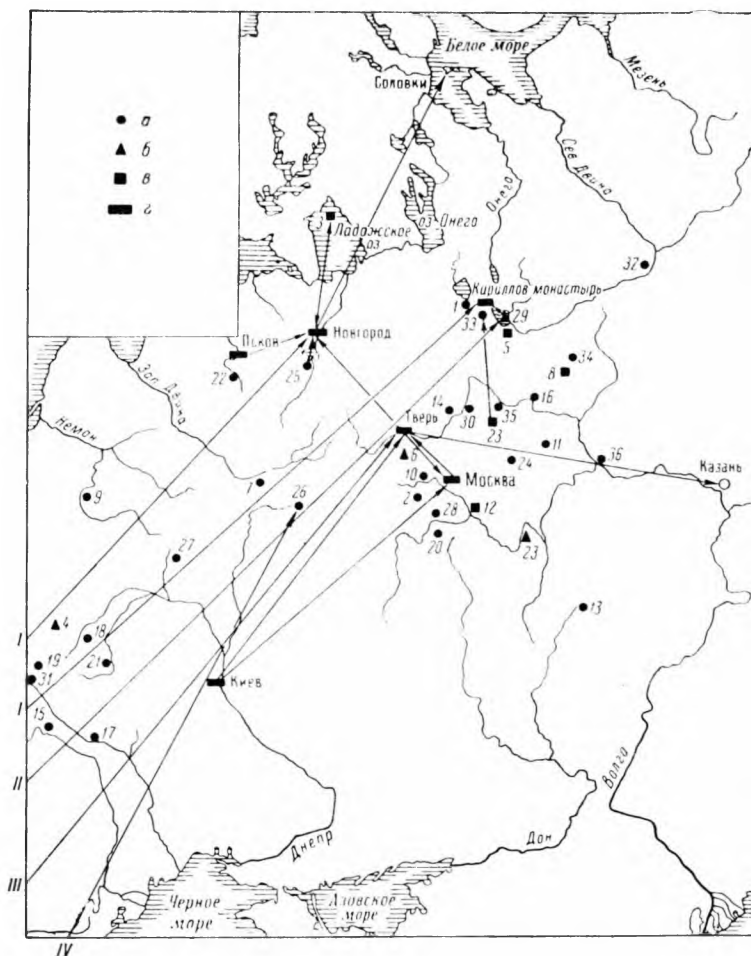
	Октоих (гласы 5—8)	ТС-369
	Исаак Сирий. Слова постнические	Q I — 873
1499	Геннадиевская библия	Сн. 915
	Евангелие тетр	Ув. 376
	Лествица	МАМИД-411
	Маргарит	Сн. 103
	Евангелие	МК $\frac{15074 \text{ охр.}}{\text{оп.15004}}$
	Евангелие тетр	Усп. б. 1
	Минея июльская	Встрк. 959
	Псалтирь следованная	Овч. 70
1497—1499	Торжественник	МДА-48
1500	Евангелие от Матфея и Марка с толкованием	Сп. 302
	Минея праздничная	ТС-609
	Триодь постная	Уст. ц. 361
	Книги 16 пророков с толкованиями	БАНУ $\frac{433\text{п}}{1639}$

Библиогеографическая карта-схема России XV в. *

Места происхождения и некоторые пути миграции сохранившихся русских книг

- a* — написаны 1—2 книги, *b* — 3—5 книг, *c* — 5—10 книг, *z* — более 10 книг.
 Пути миграции: *I* — из Болгарии; *II* — из Сербии; *III* — с Афона; *IV* — из Константинополя.
 1 — Белоозерск (Шк. 315)
 2 — Боровск (Епрх. 810)
 3 — Валаамский монастырь (24.4.26; F I — 890; Сф. 144 и 1345; МАМИД-779)
 4 — Владимир-Вольинский (Брс. 97 и 1213; Пг. 71-а)
 5 — Вологда (Пг. 716; Сн. 203; КВ-14/1091; Пг. 993; Слв. 518/537; МАМИД-760)
 6 — Волоколамский монастырь (ИВ-24 и 309; Епрх. 377; ИРЛИ, оп. 23, № 52)
 7 — Витебск (БАНУ $\frac{11\text{п}}{4}$)
 8 — Галич Костромской (Мз. 4041; Ув. 181 и 966; Лих. 570)
 9 — Гродно (F I — 125)
 10 — Саввин Сторожевский монастырь (Рм. 445; Q I — 207)
 11 — Иваново, село Шуйской округи (F I — 195)
 Киев:
 Печерский монастырь (БАНУ $\frac{\text{ДА}}{9\text{л}}$; МДА 43 и 69; F I — 73; Обол. 262)
 Михайловский Златоверхий монастырь (БАНУ $\frac{483\text{п}}{1757}$; $\frac{485\text{п}}{1674}$; $\frac{481\text{п}}{1661}$)
 Николо-Пустынный монастырь (БАНУ I — 5563 и 5564; Рм. 305)
 Кириллов монастырь (Тм. 9; ТС-16 и 38; Сн. 213; Фп I — 43; F I — 311; КВ-ХI, 36/161, 2/259, 117/374, 295/552, 296/553, 7/1084, Пг. 989; Сф. 1422;
 ГРМ $\frac{\text{гр.}}{\text{др.}}$ 14, 15 и 17)
 12 — Коломна (ТС-38; Сн. 213; F I — 311; КВ-3/3; Пг. 73)
 13 — Козлов (НБ ИГУ-197)

* В скобках указываются шифры (см. Список сокращений).

14 — Кашин (Мз. 3034)

15 — Коломыя (13.3.36)

16 — Кострома (Ув. 481)

17 — «Камянец» — Каменец Подольский (БАНУ $\frac{ДА}{415л}$)

18 — Луцк (13.3.21; Ув. 94)

19 — Львов (АСП-21; Муз. 48)

20 — Малоярославец (Чд. 44)

Москва

Монастыри:

Андронников (Сн. 275; Чртк. 42)

Вознесенский (ЯОА 415/44)

Симонов (Рм. 201; F I — 207)

Троице-Сергиев (МДА-48; ТС-66, 165, 185, 190, 224, 368, 407, 712, 715;
Чд. 208; Уст. п. 361; КГУ-4634)

Чудов (Чд. 71; КРК-126)

Церкви:

Архангельский собор (Арх. с. 15)

Богоявления «внутри града» (ТС-492)
«Никола Старого» (Встрк. 959)

Новгород

Монастыри:

Вяжецкий (ОЛДП F — 90)

Деревяницкий (F I — 792)

Зверин (Чртк. 126)

Лисицкий (ТС-175)

Михайловский (F I — 137)

Мостицкий (F I — 205)

Отенский (F I — 196)

Перынский (Сф. 191)

Хутынский (Сф. 201 и 205)

Юрьев (F I — 194)

Церкви:

Богородицы «на десятис» (Пг. 486)

св. Дмитрия (Сф. 389)

арх. Михаила и Гавриила (Сн. 897)

Софийский собор — «владычный двор» (16.14.15; Вскр. 10; Сн. 199 и 240; Пг. 968; Сф. 196, 200, 207, 303, 337, 399)

Феодора Стратилата (Рм. 9)

21 — Острог (Харьков НБ-819322/а — 109196)

22 — Остров (оригинал Слв. 115)

Псков

Монастыри:

Никольский в Завеличьи (Сн. 71; Пг. 45)

Петропавловский Середкин (Сн. 907)

Трехсвятительский Онуфриев (Пскр. 59/494)

Церкви:

св. Георгия (Сн. 173)

св. Климента (Сн. 103)

арх. Михаила и Гавриила (Епрх. 811; БАНУ $\frac{21п}{9}$)

23 — Ростов (ТС-761; Мз. 3198; Ув. 352 и 491; Слв. 24)

24 — Суздаль (Епрх. 937)

25 — Старая Руса (F I — 48)

26 — Смоленск (F I — 476)

27 — Слуцк (Q I — 1410)

28 — Серпухов (Мз. 3376; Пг. 552)

29 — Спасо-Каменный монастырь (Овч. 67; Сн. 1267; Пг. 989)

Тверь (Тм. 9; Ег. 543; Сн. 331; Усп. п. 5; Qп — 31; Казань, муз. 8772;

Калинин, муз. 1893)

30 — Углич (Ув. 569; F I — 5)

31 — Ужгород (ЗХМ, Арх. 798)

32 — Устюг Великий (Лих. 360)

33 — Ферапонтов монастырь (Брс. 641 и 1164)

34 — Чухлома (Пскр. 92)

35 — Ярославль (Ув. 566; Пг. 185)

36 — Амвросиев Никольский Дудин монастырь (ГХМ-95)

Указатель имен *

- Абрамович Д. И. 20
Аввакум (библ.) 72
Авраамий «русин», кн-ц 45
Авраамий Смоленский 12
Адрианова-Перетц В. П. 105
Айналов Д. В. 57
Алекса, кн-ц 14
Александр Иванович, кн. 29
Александр Македонский 115, 116
Александр Невский, кн. 18, 84
Алексей Павлов, «мирской диак» 46, 112
Алексей Смолга, иг. «Застенский», кн-ц 122
Альшиц Д. Н. 91
Амвросий, еп. Коломенский 98
Андреев Н. Е. 90
Андрей, диакон, кн-ц 46
Андрей Боголюбский, кн. 11
Андрей юродивый 120, 122
Ант скоморох 55
Антоний Печерский 10
Антонова В. И. 69
Анфим («Онфим»), кн-ц 35
Арсений, еп. Тверской 25, 36, 98
Артемий («Артемьяца»), кн-ц 32
Артемий монах, кн-ц 112
Арциховский А. В. 84, 88
«Аттанасий», свящ. 31
Афанасий Александрийский 45, 98
Афанасий, иг. Высоцкий 31, 109, 111
Афанасий «русин», кн-ц 111
- Белокуров С. А. 44
Бестрой, кн-ц 13
Бегин Л. В. 72
- Блохина Э. Д. 11
Борис, диакон, кн-ц 46
Борис, кн. 10, 17, 18, 84, 101, 103, 110, 120
Борис Годунов, царь 20
Бражников М. В. 76
Буслаев Ф. И. 49—51, 54, 72, 73, 77—80
Бутовский В. 62
Бычков А. Ф. 48
- Варлаам, кн-ц 36
Варсонофий, иг. Сретенского монастыря в Твери 43
Василев А. 86
Василий Великий 120
Василий II («Темный»), вел. кн. 20, 91, 113, 115
Василий III, вел. кн. 113
Василий Степанович, посадник 46, 96
Василий Ярославич, кн. 29
«Васка писарь» 102
Вассиан, келарь 110, 111
Венедикт, арх-т 26
Вздорнов Г. И. 31, 37, 43, 65—67, 77, 78, 80, 81, 109, 111, 112
Витовт, кн. 38
Владимир «изограф» 73
Владимир Мономах, кн. 8, 9, 13, 76
Владимир Ярославич, кн. 13, 19, 87, 89, 111
Волков Н. В. 16
Воронин Н. Н. 10, 11
Востоков А. Х. 20
Всеволод Мстиславич, кн. 13

* Имена, упоминаемые только в Приложениях — списках заказчиков и книгописцев, в данный указатель не включаются. Дополнительные сокращения: библ. — библейский персонаж; вел. кн. — великий князь; кн-ц — книгописец.

- Гавриил, кн-ц 27
 Гален 100, 102
 Геннадий, арх-п Новгородский 25,
 28, 39, 45, 97—99, 120, 121
 Георгий Амартол 11, 12, 29
 Герасим, еп. Смоленский 26, 38, 98
 Герасим Замыцкий, монах 74
 Герасим Поповка, архидиакон 28, 45,
 97, 98, 122
 Герасимов Дмитрий, кн-ц 45, 98
 Герман Воята, летописец 14
 Герман Соловецкий 119
 Гипократ 100, 102
 Глеб, кн. 10, 17, 18, 84, 101, 103,
 110, 120
 Говоров В. И. 27
 Годунов Дмитрий, боярин 80
 Городец, кн-ц 12
 Гранстрем Е. Э. 11, 21, 115
 Григорий Богослов 26, 44, 97, 122
 Григорий, диакон, кн-ц 37, 87, 88
 Григорий, иг. 103
 Григорий Цамблак, митр. 44
 «Гридя» («Кульгавый?»), диакон,
 кн-ц 36, 97
 «Гридя подъячий дворцовый» 32
 Гудзий Н. К. 4
 Гурий Тушин, иг. Кирилло-Белозер-
 ский 24, 113, 114
- Давид, царь (библ.) 55, 78, 93, 94
 Даниил (библ.) 72
 Даниил, иг. 118
 Даниил Заточник 40, 56
 Даниил («Данило»), кн-ц 34
 Дионисий, еп. Суздальский 9
 Дионисий «изограф» 73, 74, 81, 82,
 93
 Дмитриева Р. П. 100—102, 110, 111,
 118
 Добрило-Копстантин, диакон, кн-ц
 13
 Дометий, свящ. 27
 Досифей, иг. Соловецкий 27, 102,
 120—122
 Досифей («Достофей»), кн-ц 44
- Евпраксия, кн. 20, 22
 Евсевий-Ефрем, кн-ц 31
 Евстафий, свящ. 28
 Евфимий, арх-п Новгородский 24,
 25, 29, 97
 Елисей, кн-ц 36
 Епифаний Премудрый 108
 Еремин И. П. 10
 Ефрем («Ефремишко изограф»),
 кн-ц 116
 Ефрем Сириян 21, 24, 82
 Ефросин, кн-ц 101, 114—117, 121
- Жаден «златописец» 14
 Жуковская Л. П. 56
- Завид, кн-ц 13
 Закхей, кн-ц 39, 122
 Запаско Я. П. 62
 Захария (библ.) 72
 Зацепина Е. В. 71
 Зиновий Алексеевич 103
 Зиновий, иг. Троице-Сергиевский 111
 Зосима Соловецкий 119, 120
- Иаков «доброписец» 31
 Иван Висковатый, диак 91
 Иван Грозный, царь 12, 90, 91, 94
 Иван III, вел. кн. 33, 34
 Иванова Кл. 45
 Игнатий (Матвеев?), иг. Кирилло-
 Белозерский 101
 Игнатий, иеродиакон, кн-ц 46, 96
 Измаил («Измаило»), кн-ц 33
 Измаил, свящ. 28
 Изяслав Ярославич, кн. 111
 Иконников В. С. 107
 Иларион, митр. 17, 18, 44, 110, 125
 Ильина Т. В. 51, 59
 Илья «бывый попин», кн-ц 13
 Илья, еп. Тверской 25, 64, 98
 Илья, кн-ц 35
 Илья, монах 22
 Иннокентий, арх-т 103
 Иннокентий, иг. Кирилло-Белозер-
 ский 113
 Иоаким, иг. Валаамский 26, 122
 Иоанн, арх-п Новгородский 24, 25,
 97
 Иоанн, арх-т Киево-Печерский 26
 Иоанн Богослов 55, 64, 83, 84
 Иоанн Дамаскин 27, 120
 Иоанн Златоуст 44, 115, 120, 122
 Иоанн «грешный», кн-ц 40
 Иоанн, диакон, кн-ц 37, 87, 88
 Иоанн Лествичник 20, 80
 Иоанн, энзарх Болгарский 44, 120
 Иов, свящ. 27
 Иов, свящ., кн-ц 32
 Иона, арх-п Новгородский 97
 Иона (библ.) 72
 Иона, иг. Николо-Угрешский 111
 Иосиф, иг. Волоцкий 109
 Иосиф, митр. Смоленский 29
 Исаак Сириян 26, 29, 98
 Исаакий, монах 90
 Исайя, монах 22
 Исидор, митр. 115
 Истрин В. М. 12
- Каган-Тарковская М. Д. 101, 117
 Казакова Н. А. 24, 113, 114
 Картмазов Симон, кн-ц 44

- Карский Е. Ф. 21, 134
 Кассиан, иг. Кирилло-Белозерский 26, 113
 Кассиан, «уставник» 20
 Киприан, митр. 25, 44, 64
 Кирилл (Константин Философ) 86, 87
 Кирилл Белозерский 42, 43, 46, 99—102, 111—113, 119
 Кирилл, еп. Ростовский 95
 Кирилл, еп. Туровский 101, 110
 Киселев Н. П. 74
 Климент, арх-п Новгородский 38
 Климент, еп. Охридский 44
 Климент Смолятич, митр. 12
 Козма Индикоплов 27, 116
 Козма Пресвитер 120
 Коляда, диакон, кн-ц 46
 Коновалова О. Ф. 5
 Корнилович К. В. 113
 Коцева Е. 114
 Кошка Федор, боярин 58, 69
 Красносельцев Н. 65
 Крылов В. А. 34
 Куев К. 18
 Кузьма, кн-ц 34
 Кукушкина М. В. 107, 108, 120
 Кусов Матфей 25
 Кутузов Б. В. 97
 Кутузов М. В. 96, 97
- Лаврентий, кн-ц 8, 9
 Лазарев В. Н. 15, 53, 68
 Ленин В. И. 7
 Лихачев Д. С. 4, 9, 14, 16, 40, 41
 Лихачев Н. П. 83, 84
 Логвин Г. Н. 63
 Лонгин, иг. 39
 Лука, диакон, кн-ц 22
 Лука, евангелист 55
 Лукьянов В. В. 20, 74
 Лупшов С. П. 3
 Лурье Я. С. 101, 114
 Любавский М. К. 26
- Макарий, митр. 25, 90, 94
 Маркс К. 7
 Мартиниан, иг. 46, 101, 112, 113
 Мартирий, кн-ц 33
 Мефодий, еп. Моравский 86, 87
 Митрофан, монах 22
 Михаил Григорьевич 28
 Михаил Черниговский, кн. 18
 Михаил Ярославич, кн. 11
 Мнева Н. Е. 69
 Моисеева Г. Н. 40
 Молчанов «Сидка», кн-ц 33
 Морозов Борис, боярин 68
 Мстислав Владимирович, кн. 14
- Наслав 14
 Немировский Е. Л. 74
 Нестор, летописец 10, 125
 Нестор, свящ. 27
 Никита («Митища»), диакон, кн-п 32
 Никифор («Микифор»), кн-ц 34
 Никольский Н. К. 12, 99
 Никон, летописец 125
 Никон, иг. Радонежский, 26, 109—111
 Нил Сорский 114
 Нифонт, еп. Новгородский 13
- Оболенский М. А. 19
 «Овсей распо», кн-ц 13
 Онуфрий, старец 112
 Орлов А. С. 5
- «Павел Иванович сын Константинович» 97
 Паисий, старец 110
 Палеолог Софья, царица 44
 Палкин «Олешка», кн-ц 44
 Пахомий Логофет 44, 64, 110, 112
 Пахомий, старец 122
 Петр, тиун 21
 Подобедова О. И. 11, 12, 51, 76, 85, 87, 89, 91
 Покровская В. Ф. 89
 Поликарп, монах 10
 Поликарп, свящ. 27
 Поньрко Н. В. 101
 Попеску Т. А. 111
 Попов Г. В. 65, 74, 82, 84
 Попова О. С. 51, 55, 70
 Порфирий («Перхурий»), диакон, кн-ц 103
 Прохор, свящ. 25
 Прохор, ученик Иоанна Богослова 55, 64, 83
 Путята, кн-ц 13
- Радвилович Николай 102
 Рождественская М. В. 101
 Розов Н. Н. 3, 4, 14, 18, 19, 27, 40—42, 54, 55, 71, 77, 78, 80, 99, 102, 114, 119—121, 124
 Рублев Андрей 38, 68—70, 73, 93
 Румянцев Н. П. 19
 Рыбаков Б. А. 37, 57
- Савва, иг. 26, 43, 45
 Савва, старец 24
 Савватий Соловецкий 119, 120, 122
 Самуил, диакон, кн-ц 45
 Сапунов Б. В. 3, 4, 105
 Свенцицкий И. С. 63
 Свирин А. Н. 15, 51, 52, 60, 68, 69, 71, 73, 78, 90

- Святослав Ярославич, кн. 9, 14, 18,
34, 35, 37, 40, 57, 81
Северян, еп. Гавальский 122
Семен, диакон, кн-ц 103
Семенов А. И. 122
Серацион, еп. Владимирский 110
Сергий, иг. Радонежский 42, 98,
108—112, 119
Симеон, арх-п Новгородский 34
Симеон «стратилат», кн-ц 36
Симеон, царь болгарский 18, 114
Симон, еп. Владимирский 10
Симони П. К. 52
Слуховский М. И. 107, 108
Соболевский А. И. 31, 38
Соломон, царь (библ.) 78
Солтан, «маршалок Литовский» 29
Солтан Александр Александрович
29
Солтан Солтанович 28
Спиридон, иг. Троице-Сергиевский
110
Спиридон, кн-ц 44
Срезневский И. И. 45, 84
Стасов В. В. 48, 50, 52, 57, 62
Стефан Никифорович 29

Творимир-Иаков, кн-ц 13
Тимофей, пономарь 14, 15
Тимофей Васильевич 28
Трифон, иг. 44

Упырь Лихой, свящ., кн-ц 13, 87, 88
Ухова Т. Б. 51, 61

Федоров Иван, первопечатник 5
Феогност, кн-ц 101, 112
Феодор, боярин 18
Феодор, иг. Симоновский 112

Феодор, кн-ц 36
Феодор «протопоп» 27
Феодор, свящ. 28
Феодор Стритилат 36, 97
Феодосий «изограф» 73, 74
Феодосий («Феодосишка»), кн-ц 32
Феодосий Печерский 10, 88, 111
Феодот, свящ., кн-ц 103
Феодул «некто» 118
Феофан Грек 68, 70, 73, 93
Фома «сирианин», кн-ц 65
Фотий, митр. 24, 38
Фролов С. В. 75

Харитон «Пушкинич» 103
Хитрово Богдан, боярин 38, 68, 69
Хмельков И. Е. 22
Христофор, иг. Кирилло-Белозер-
ский 66, 112, 113

Челюсткин Антон Семенов сын,
кн-ц 46

Шарапов Федор Клементьев («Кли-
мов») сын, кн-ц 36, 79
Шахматов А. А. 85
Шепель Евстафий, кн-ц 36
Шульгина Э. В. 59, 61, 66

Щапов Я. Н. 121
Щепкин В. Н. 51, 73, 88
Щепкина М. В. 58
Щербатов М. М. 40

Энгельс Ф. 7

Ягич И. В. 50
«Якуш пророк», кн-ц 98
Ярослав Мудрый, кн. 12, 19, 87, 95,
111

Указатель названий литературных памятников и книг

<p>Александрия 115, 116
«Антониевский» сборник 101
Апокалипсис 25, 32
Апостол 1460 г. 32
Апостол 1465 г. 27, 32
Апостол 1468 г. 36
Апостол 1495 г. 96
Архангельское евангелие 88, 105

Геннадиевская библия 25, 98

Евангелия Андронникова монасты-
ря 38, 68, 69, 109</p> | <p>Евангелие боярина Кошки 68, 69
Евангелие боярина Хитрово 38, 68,
69
Евангелие 1355 г. 59
Евангелие ок. 1400 г. 70
Евангелие 1401 г. 70
Евангелие 1409 г. 58, 60, 61
Евангелие 1499 г. 97
Ефросиновские сборники 101, 114—
116, 118, 119, 121

Житие Авраамия Смоленского 12
Житие Александра Невского 18, 84</p> |
|--|---|

- Житие Андрея Цареградского** 120, 122
Житие Бориса и Глеба 10, 17, 83 — 85, 94, 101, 110, 120
Житие Григория Омиритского 29
Житие Зосимы и Савватия Соловецких 119
Житие Михаила и Феодора Черниговских 118
Житие Сергия Радонежского 108—111
Житие Феодосия Печерского 10
Задонщина 118
Захеевское евангелие 39, 122
Изборник Святослава 5, 9, 14, 18, 34, 35, 37, 40, 57, 81, 87
Изборник 1076 г. 37, 40, 67, 87
Изборник царя Симеона 18, 114
Ипатьевская летопись 8, 12
Канонник 1423 г. 46, 112
Канонник 1457 г. 22
Канонник 1485 г. 24
Киево-Печерский патерик 10, 18—20, 22, 42, 98, 111
Киевская псалтирь 1397 г. 37, 77—80
Книга пророков 1489 г. 71—73, 93
Кормчая книга 11
Лаврентьевская летопись 8, 9
Лавсаик 120
Лествица 1402 г. 25, 36, 64
Лествица 1422 г. 100
Лествица 1459 г. 26, 113
Лествица первой трети XV в. 80
Летопись Авраамки 29
Лицевой летописный свод XVI в. 12, 25, 85, 86, 89, 90, 91, 94
Макарьевские минеи четьи 25, 94
Маргарит 1477 г. 33
Маргарит 1491 г. 98
Минеи XI—XII в. 13, 53, 69
Минеи крюковые XII в. 75
Минея 1407 г. 27, 34
Минея 1425 г. 33
Минея 1438 г. 25, 46
Минея 1461 г. 34
Минея 1475 г. 32
Минея 1488 г. 29
Минея четья 1490 г. 33
Моление Даниила Заточника 40, 56, 117
Молитва митрополита Илариона 17, 18
Морозовское евангелие 38, 68, 70
Мстиславово евангелие 14, 52, 68, 70
«Око церковное» (Устав церковный) 32
Октоих 1457 г. 103
«Онфимов» изборник 35
Остромирово евангелие 5, 14, 37, 53, 54, 68—70, 93
Палея 115
Пантелеймоново евангелие 15
Патерик римский 112
Плач Адама о рае 115
Повесть временных лет 8—10, 12, 13
Повесть о Дракуле 116
Повесть о Куликовской битве 18
Поучение Владимира Мономаха 8, 9, 76
Пролог 1262 г. 12
Пролог 1400 г. 59
Пролог 1406 г. 28
Пролог 1425 г. 34, 103
Пролог 1431—1434 гг. 103
Пролог 1452 г. 26, 113
Пролог 1481 г. 103, 104
Псалтирь 1296 г. 50, 59
Псалтирь 1454 г. 112
Псалтирь 1481 г. 39
Псалтирь 1491 г. 37, 79
Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись 85, 86, 88—91, 94
Сборник 1422 г. 34
Сийское евангелие 1340 г. 81
Сильвестровский сборник 84
Сказание о 12-ти пятницах 116
Сказание об Индийском царстве 116
Скрижаль духовная 27
Слова Григория Богослова 1491 г. 96, 122
Слова Кирилла Туровского 101
Слово о женах добрых и злых 115, 117
Слово о законе и благодати 17, 18, 36, 110, 120, 125
Слово о полку Игореве 8, 118
Слово о хмеле 115
Служебник 1381 г. 59
Софийский временник 13
Спасское евангелие 55
Стихирарь 1422 г. 22, 23, 59, 75
«Тимоновский» сборник 101
Торжественник 1444 г. 44
Трефологий 1445 г. 28
Триодь 1410 г. 27
Угличская псалтирь 1485 г. 37, 77—80
Успенский сборник 10
Устав церковный 1317 г. 65

Устав церковный кон. XIV—нач. XV в. 58
Устав церковный 1438 г. 26, 64
Устав церковный 1456 г. 46, 96
Устав церковный 1466 г. 50
Устав церковный XV в. 60

Хлудовская (русская) псалтирь XIII в. 54, 77, 80, 94
Хождение Иоанна Богослова 36, 83, 94
Христоворов апостол 66, 67, 113

Христоворово евангелие 112, 113
Хроника Георгия Амартола 11, 12, 25, 29, 36, 85, 89
Хронограф 1494 г. 45

Чудовский апостол 1490-х гг. 65, 66

Шестоднев Севериана еп. Гавальского 122

Юрьевское евангелие 14, 15, 56, 60, 93

Терминологический словарь

Авва (отец) — основатель монастыря (в переводной литературе)
Агиография (Жития святых) — жанр древнерусской литературы
Антаблемент — комплекс горизонтальных деталей архитектурных сооружений классического стиля, лежащий на вертикальных
Апокалипсис — часть Нового завета (см. Библия)
Апокрифы — сочинения на библейские и агиографические сюжеты, не признаваемые официальной церковью за «истинные»
Апостол — часть Нового завета (см. Библия)
Апракос — старинная форма расположения текста Апостола и Евангелия, в порядке их чтения при богослужении в течение года
Архиепископ — вторая ступень архиерейского сана православной церкви; предшествующая ступень — епископ, последующая — митрополит
Архимандрит — духовный сан настоятеля большого монастыря
Библия — сборник разновременных, датируемых с XI в. до н. э. до II в. н. э. и разнохарактерных книг «священного писания» христианской религии. Состоит из двух частей — «заветов»: Ветхого и Нового
Богородичник — сборник церковных песнопений в честь Богородицы
Дионстра — сочинение византийского писателя XI в. Филиппа Пустычника, написанное в форме диалога тела и души
Дьяк (диак) — должностное лицо администрации древнерусского государства

Дьякон (диакон) — вторая ступень низшего сана церковнослужителей православной церкви; последующие — протодиакон и архидиакон
Евангелие — часть Нового завета
Епитрахиль — часть ритуального облачения священника
Златоструй — сборник слов и поучений, принадлежащих или приписываемых византийскому писателю Иоанну Златоусту (347—407). Составлен по инициативе болгарского царя Симеона (893—927)
Игумен — духовный сан настоятеля монастыря
Иеродиакон — монах, имеющий сан диакона
Иеромонах — монах, имеющий сан священника («иерея»)
Измарагд (изумруд) — сборник сочинений отцов церкви
Ирмологий (Ирмолой) — сборник, обычно нотированный, ирмосов — песнопений, которыми начинается каждая из 8 частей («песней») Канона, исполняемого на утреннем богослужении и входящего в состав так называемого «Келейного правила» — суточного цикла молитв, обязательного для монашествующих
Канонник — сборник текстов Келейного правила
Келарь — монах, ведающий хозяйством монастыря
Кондакарь — сборник (обычно нотированный) кратких церковных песнопений — кондаков
Кормчая книга, или Моноканон — сборник правил, регулирующих взаимоотношения в среде духовенства, а также основы церков-

- но-административной и богослужбой практики; наряду с церковно-каноническими, в Кормчие переписывались древнейшие памятники русского права — Правда русская и княжеские уставы
- Лавсаик** — сборник Житий египетских отшельников, составленный в 420 г. для некоего Лавса. Послужил источником для Патерики египетского
- Лествица** (Лестница) Иоанна Синайского (VI в.) — сочинение о самоусовершенствовании монахов, расположенное ступенями
- Маргарит** (жемчуг) — сборник сочинений отцов церкви
- Минея** — сборник текстов богослужений каждого дня данного месяца
- Октоих** («Осмогласник») — сборник богослужебных текстов на каждый день недели в восьми циклах («гласах»), употребляемый наряду с Минеями и Триодями
- Палей** — популярное изложение событий Ветхого завета (так называемая «Палей историческая») и их комментирование («Палей толковая»).
- Паремийник** — сборник текстов Ветхого завета, читаемых при богослужении («Паремии»)
- Паренесис** (увещание) — название сочинения египетского отшельника Ефрема Сирина (IV в.)
- Патерики** — сборники житий монахов-отшельников, составленные по территориальному признаку, — Египетский, Иерусалимский, Римский, Синайский, а также сводные — Алфавитный и Скитский. Из русских Патерики наиболее известны Киево-Печерский
- Патристика** (сочинения отцов церкви) — жанр древнерусской литературы
- Подскарбий** — казнохранитель, чиновник княжества Литовского и Польского государства
- Пролог** — сборник кратких житий святых и поучений отцов церкви на каждый день года
- Псалтирь** — одна из книг Ветхого завета
- Псалтирь следованная** — Псалтирь с дополнением молитв и песнопений, приспособленная для богослужения
- Пятикнижие** — первые пять книг Ветхого завета
- Распоп** — бывший священник, лишенный сана
- Синаксарник** — сборник Синаксарей — сказаний о святых и праздниках, читавшихся при богослужениях
- Синодик** — первоначально перечень лиц, отличившихся в борьбе за православие, для торжественного поминовения; в дальнейшем — список лиц для поминания при богослужении. В последнем случае снабжался статьями о необходимости молиться за умерших
- Скрижаль** — первоначально каменная доска, на которой, по библейскому преданию, были написаны 10 заповедей, данных Моисею богом; в дальнейшем — название сборников, толковавших церковные догматы и обряды
- Служебник** — сборник текстов, произносимых (вслух или «тайно») священнослужителями при богослужениях
- Стихарь** — ритуальная одежда младших церковнослужителей (до дьякона включительно)
- Стихирарь** — сборник стихир — песнопений, исполнявшихся при богослужениях чтецами (пономарями) или певчими; часто снабжался знаками музыкальной нотации
- Торжественник** — сборник проповедей и поучений, произносившихся при богослужениях в главные церковные праздники. Кроме сочинений византийских авторов — отцов церкви, включал произведения и русских писателей — митрополита Илариона, Кирилла Туровского и др.
- Требник** («Потребник») — сборник текстов обрядов, совершавшихся в необходимых случаях («по потребе») вне церкви
- Трефологий** (Трефолой) — выборка из Минеи текстов праздничных богослужений («Минея праздничная»)
- Триодь** — «постная» и «цветная» — сборники богослужебных текстов не по календарному или «осмогласному», а «пасхальному» циклу — разновременному в каждом году. Употребляются наряду с Минеями и Октоихом, а в некоторые дни заменяют их

- Фелонь** — часть облачения священника (в старину и архиерея)
- Фронтиспис** — орнаментированное изображение во весь лист перед началом текста книги, иногда ему придавались контуры зданий («архитектурные» фронтисписы), часто служил рамкой изображения автора
- Хронограф** — книга по истории, начинающаяся «от сотворения мира»; в отличие от летописи не содержит погодных записей и сообщает сведения по истории не только России, но и зарубежных стран
- Часослов** — сборник псалмов и молитв, исполнявшихся в определенные часы суток; наряду с Псалтирью использовался и для обучения грамоте
- Четья минея** — сборник внецерковного круглогодичного чтения
- Шестоднев** — сочинение отцов церкви о «шести днях творения мира» богом
- Шестоднев Иоанна, экзарха болгарского** — переработка одноименных сочинений византийских авторов IV в. Василия Великого и Севериана, епископа Гавальского
- Экзарх** — первоначально наместник византийского императора в территориально - административных единицах империи, впоследствии — титул главы церковной администрации какой-либо страны

Список сокращений

- БАН** — Библиотека Академии наук СССР
 Собрания: *
 Арх. — Архангельское (Д — древлехранилище, одна из составных частей собрания)
 Ол. — Олонецкое
 Сол. — Соловецкое
 Тм. — Н. В. Тимофеева
- БАНУ** — Библиотека Академии наук УССР (Киев)
 ДА — собрание Киевской духовной академии
- БАНУЛ** — Библиотека Академии наук УССР (Львов)
 АСП — собрание А. С. Петрушевича
- БАН Лит.** — Библиотека Академии наук Литовской ССР (Вильнюс)
- ГБЛ** — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 Собрания:
 Блш. — Т. Ф. Большакова
 Григ. — В. И. Григоровича
 Ег. — Е. Е. Егорова
 ИВ — Иосифо-Волоколамского монастыря
 МДА — Московской духовной академии
 Муз. — Музейное
 Овч. — А. Н. Овчинникова
 ОР — Отдела рукописей
 Пскр. — Д. В. Пискарева
 При. — Г. М. Прянишникова
 Рг. — Старообрядческой общины Рогожского кладбища
 Рм. — Н. П. Румянцева
 Стр. — С. М. Строева
 ТС — Троице-Сергиевой лавры
 Тхвр. — Н. С. Тихонравова
 Унд. — В. М. Ундольского
- ГИМ** — Государственный Исторический музей (Москва)
 Собрания:
 Арх. с. — Архангельского собора
 Брс. — Е. В. Барсова
 Вскр. — Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря
 Встрк. — Н. П. Вострякова
 Вхр. — И. А. Вахрамеева
 Епрх. — Епархиальное
 Мас. — Музейское
 Сн. — Синодальное
 Ув. — А. С. Уварова
 Усп. — Успенского собора («п» — пергаменные, «б» — бумажные)

* Шифры основного собрания состоят из трех арабских цифр.

- Хл. — А. И. Хлудова (д — по дополнительному описанию)
 Чд. — Чудова монастыря
 Чртк. — А. Д. Черткова
 Щк. — П. И. Щукина
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 Собрания: **
 КБ — Кирилло-Белозерского монастыря
 Крыл. — В. А. Крылова
 Мх. — Н. М. Михайловского
 ОЛДЦ — Общества любителей древней письменности
 Пг. — М. П. Погодина
 Слв. — Соловецкого монастыря
 Сф. — Новгородского Софийского собора
- ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград)
 ГХМ — Государственный художественный музей (Горький)
 ЗХМ — Закарпатский художественный музей (Ужгород)
 ИГУ — Иркутский государственный университет
 ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом)
 Собрания:
 Др. — Дрвлекранпище (собрание отдельных поступлений), далее — номера описи и порядковый
 Пер. — В. Н. Перетца
 Пин. — Пинежское
 Уст. ц. — Усть-Цилемское
- КГУ — Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 Собрания:
 КРК — Коллекция рукописных книг
 Лих. — Н. П. Лихачева
- МК — Музей Московского Кремля
 Муз. — Музей (обычно краеведческий, в различных городах)
 НБ — Научная библиотека
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
 Собрания:
 Мз. — Ф. Ф. Мазурина
 МАМИД — Московского архива Министерства иностранных дел
 Обол. — М. А. Оболенского
 Тп. — Синодальной типографии
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР
 Син. оп. — Архив Синода (с номером описи и порядковым номером в ней)
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
 ЯМЗ — Ярославский музей-заповедник
 ЯОА — Ярославский областной архив

** Шифры основного собрания состоят из обозначений: формата (латинскими буквами; то же — при шифрах собраний Н. М. Михайловского и Общества любителей древней письменности), тематического раздела (римскими цифрами) и порядкового номера данного раздела (арабскими цифрами). Пергаменные отмечаются (после обозначения формата) буквой «п».

80 к.

ОБЩЕСТВО

**«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ**